This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

СЕВАСТОПОЛЬСКІЯ

ПИСЬМА

Н. И. Пирогова

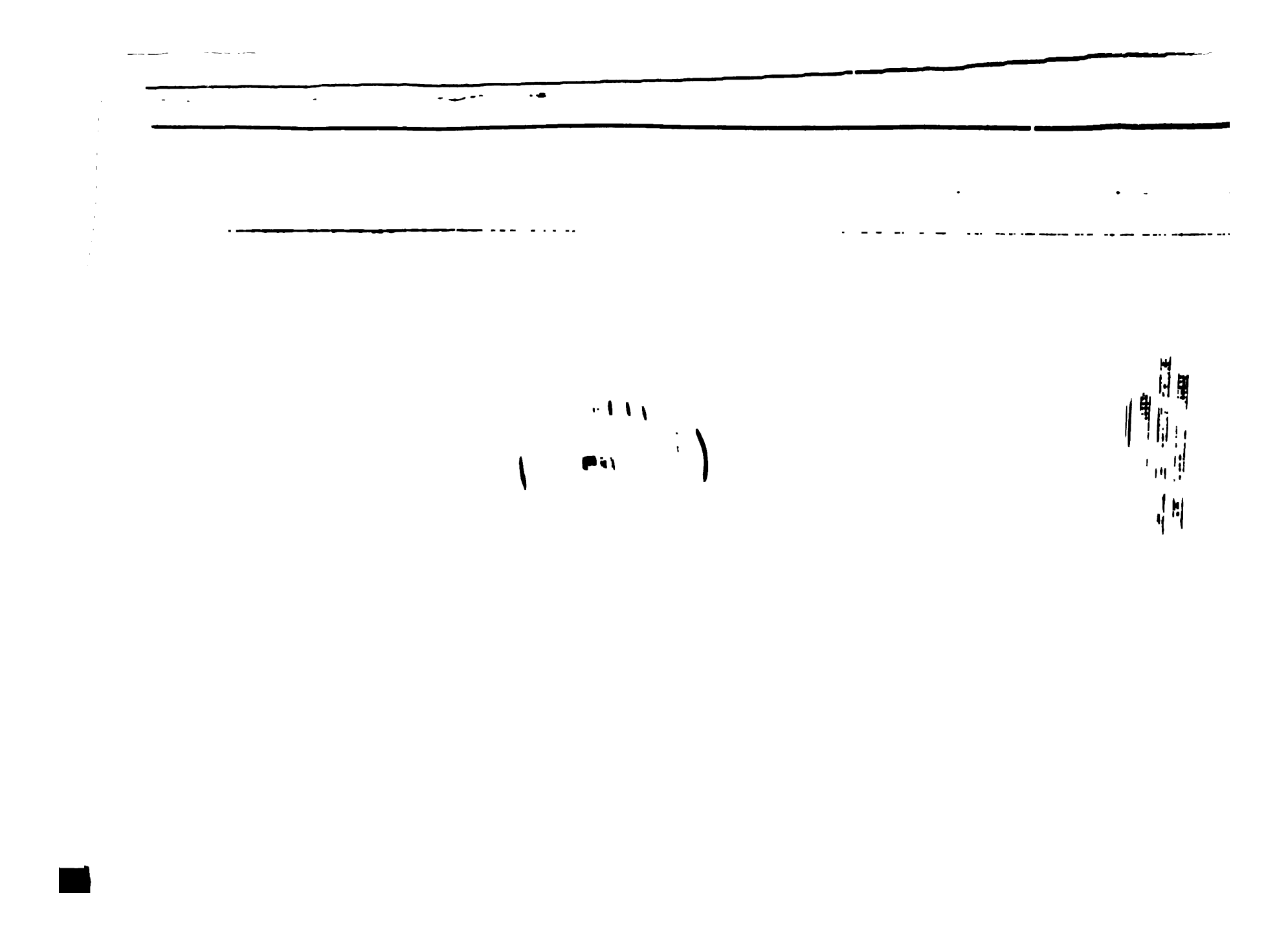
1854—1855

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.

1899

Книга в испр.
Имѣется 8 портр. и
рис. на отд. лист.
17/II 1920. С. В.

F02963 а 15240
909
П-33.

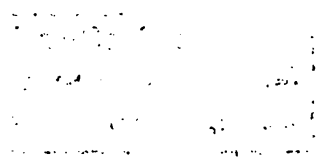


Ф. 9254/6.3

СЕВАСТОПОЛЬСКІЯ ПИСЬМА

КОСТРОМСКАЯ ГОРОДСКАЯ
ОБЩЕСТВЕННАЯ
БИБЛІОТЕКА ЧИТАЛЬНЯ
имени Ѳ. В. ЧИЖОВА.

Книжный Склад
Ру[illegible] 13
Тел. № 3-30.



КОСТРОМСКАЯ
Областная библиотека
им. Н. К. Крупской

Пирогов

Фототипія В. Класенъ. С. Петербургъ. Кадетская лин. № 7 2

Пресса Н. Кашинскій

Pirogov, N. I.
"
61
П33

СЕВАСТОПОЛЬСКІЯ

ПИСЬМА

Н. И. ЛИРОГОВА

1854—1855

КОСТРОМСКАЯ
Областная библиотека
им. Н. К. Крупской

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.

1899

61 +92:61
R534
P5A32
ПРОВЕРЕНО 1951
ПРОВЕРЕНО
13 ,0 г.

2794

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 7 марта 1899 г.

Весь сборъ съ изданія поступаетъ въ пользу
Краснаго Креста
отъ имени вдовы Н. И. Пирогова.

ПЕРВАЯ ПОѢЗДКА.

Прочитавъ въ «Вѣстникѣ Европы» прошлаго года записки Екатерины Михайловны Бакуниной, передававшей пережитое ею время въ Севастополѣ въ 1854 году, гдѣ она была сначала сестрою милосердія, а потомъ Старѣйшею Георгіевской Общины, устроенной Ея Императорскимъ Высочествомъ Еленой Павловной, подъ руководствомъ моего покойнаго мужа Николая Ивановича, я рѣшилась издать его Севастопольскія письма ко мнѣ.

Эти письма, почти всѣ сохранившіяся, конечно, не предназначались къ печати. Но они полны подробностями, не потерявшими интереса для многихъ, и кромѣ того ярко освѣтятъ личность самого покойнаго, какъ хорошаго семьянина.

А. Пирогова.

1854 г. октября 29.

Милая Саша.

Выѣхавъ изъ Петербурга въ семейномъ отдѣленіи, доѣхалъ прекрасно до Москвы и завтра собираюсь въ дальнѣйшій путь. Пишу эти строки, чтобы тебя успокоить и прошу ради Бога быть благоразумной. Надѣйся на Бога, благословляю дѣтей.

Твой

2 ноября. Харьковъ.

Только-что сейчасъ пріѣхали и черезъ 2 часа уѣзжаемъ. Дорога отъ Курска 200 верстъ ужаснѣйшая: слякоть, грязь по колѣни, но вчера сдѣлался вдругъ вечеромъ морозъ при сильнѣйшемъ вѣтрѣ, такъ что уже не было воды, и мы были принуждены остановиться 5 или 6 часовъ на станціи. Я еще не брился, не мылся съ Петербурга. Всѣ, слава Богу, здоровы и веселы. У Обермюллера была нога стерта,

такъ что чуть рожа не прикинулась. Прощай, цѣлуй дѣтей; теперь буду писать изъ Севастополя.

Господь съ тобой.

Твой навсегда

6 ноября. Екатеринославъ.

Наконецъ дотащились до Екатеринослава. Дорога отъ Курска, гдѣ шоссе прекратилось, невыразимо мерзкая. Грязь по колѣни, мы ѣхали не болѣе 3 и даже 2 версты въ часъ шагомъ; въ темнотѣ не было возможности ѣхать, не подвергаясь опасности сломить шею, и потому мы были принуждены остановиться на станціи покуда проходила темнота. Насъ засталъ на дорогѣ около Бѣлгорода жесточайшій ураганъ, который былъ также, какъ я слышу, въ Севастополѣ. Не знаю, когда-то доѣдемъ, грязь и здѣсь ужаснѣйшая. Мы ѣдемъ трое въ тарантасѣ, фельдшеръ Калашниковъ съ вещами въ телѣгѣ слѣдуетъ позади; ось у телѣги переломилась, ее плутъ-ямщикъ навелъ, я думаю, нарочно на сугробъ и свалилъ въ канаву. Мы до сихъ поръ всѣ, слава Богу, здоровы. Здѣсь надобно купить кой-что и именно большіе охотничьи или мужицкіе сапоги,—говорятъ, что въ Крыму тоже невыразимая грязь. Что-то вы подѣлываете, здоровы ли? Цѣлую васъ всѣхъ всякій день заочно и молюсь. Прощай!

Теперь напишу уже изъ Севастополя. Погода перемѣнная; вчера было такъ тепло, что я уже хотѣлъ вынуть шинель, а сегодня опять холодно. Надобно сказать Антонскому, что почта между Харьковомъ и Екатеринославомъ въ самомъ жалкомъ состояніи. Вчера мы на одной станціи взяли курьерскихъ лошадей, не нашли ни смотрителя, ни помощника, ни ямщика, подорожную не вписали въ книгу, прогоны не заплатили, потому что некому было платить, и уѣхали (эта станція называется Константиноградъ; содержатели почти всѣ жиды).

Прощай еще разъ!

14 ноября. Севастополь.

Пріѣхалъ въ Севастополь 12 числа и спѣшу тебя увѣдомить, милая Саша, что, слава Богу, здоровъ и невредимъ. Подробное письмо началъ-было писать вчера, но не успѣлъ окончить, завтра ѣдетъ фельдшеръ, а мнѣ некогда; съ 8 часовъ утра до 6 часовъ вечера остаюсь въ Госпиталѣ, гдѣ кровь течетъ рѣками, слишкомъ 4.000 раненыхъ. Скоро поѣду въ Симферополь на встрѣчу сестрамъ милосердія; усталъ, лежу и пью чай; погода сегодня какъ въ августѣ или въ концѣ іюля у насъ, но зато вчера цѣлый день лилъ дождь. Черезъ нѣсколько дней ты получишь *первый* отчетъ, который и со-

общишь Здекауеру для прочтенія моимъ однокорытникамъ. Слышатся трескъ бомбъ и ядеръ къ вечеру, но не слишкомъ часто. Дѣла столько, что некогда и подумать о семейныхъ письмахъ. Чу, еще залпъ; но мы въ безопасности, остановились въ бастіонѣ 4 сѣверной стороны. Не сердись, душка, что пишу мало, но вчера написалъ цѣлую кучу любопытныхъ извѣстій и о дорогѣ, и о нашемъ пребываніи. Я выѣзжаю утромъ въ 8 часовъ на казацкой лошади въ Госпиталь и возвращаюсь весь въ крови, въ поту и въ нечистотѣ въ 4, 5 и 6 часовъ вечера. Прощай, поцѣлуй дѣтей, скажи себѣ и имъ, что мужъ и отецъ думаетъ о васъ и за 2000 верстъ.

12 ноября, пятница, 1854 г. Севастополь.

Слава Богу, здоровый, слѣдовательно живой, прибылъ сегодня въ 12 часовъ дня въ Севастополь. Какъ былъ, такъ и есть, такой же точно, какъ и выѣхалъ изъ Петербурга, нисколько не перемѣнился. Ты, я знаю, милая Саша, была бы довольна и этимъ однимъ извѣстіемъ, но есть люди, которые мѣшаются въ чужія дѣла и хотятъ непремѣнно знать, ка́къ, и что́, и почему, и тьму подробностей для тебя вовсе незанимательныхъ. Я думалъ-думалъ, какъ бы угодить этимъ господамъ, а не угодить нельзя добрымъ людямъ. Тѣмъ предисловіе и кончается; я

дремлю послѣ реборушительной прогулки по Бахчисарайскому шоссе и засыпаю.

13 ноября. День моего рожденія, о чемъ я вспомнилъ только сегодня, т.-е. 14 ноября.

14 ноября. Пишу, милая Саша, не для тебя только, а и для себя, можетъ быть. Дорога отъ Курска до Севастополя есть рядъ мученій для того, кто находится въ пріятномъ заблужденіи, что дороги назначены для уменьшенія пространства и времени въ житейскомъ сообщеніи. Я осматриваю ихъ какъ особенный родъ сотрясенія для кишекъ и потому отношу поѣздку въ Севастополь осенью и преимущественно въ военное время къ превосходной гимнастикѣ брюшныхъ внутренностей. Толчки, перекаты и тьма другихъ тѣлодвиженій, конечно, не вовсе безъизвѣстные жителямъ Гороховой и Вознесенской, встрѣчаются здѣсь въ такомъ миѳическомъ объемѣ, что наконецъ понятіе о ровномъ мѣстѣ начинаетъ дѣлаться также чѣмъ-то въ родѣ миѳа. Тарантасъ нашъ оказался образцомъ прочности, однакоже и онъ, благодаря усиліямъ ямщиковъ, насъ опрокинуть не устоялъ, и, свалившись въ одну прекрасную ночь на бокъ въ канаву, треснулъ. Трещина, которая могла бы надѣлать намъ множество хлопотъ, къ счастью, обнаружилась въ Екатеринославѣ,—мѣстѣ, судя по тремъ вещамъ, достигшемъ уже значительной степени образованности. Эти три

несомнѣнныя свидѣтельства, хотя и не совсѣмъ лестныя для нашего національнаго самолюбія, суть: аптекарскій счетъ за медикаменты, купленные мною для раненыхъ; во-вторыхъ, булки и хлѣбы изъ прекрасной муки въ числѣ 17 на полтину серебра; въ-третьихъ, исправленіе треснувшей подушки и шкворня въ тарантасѣ каретникомъ. Если говорится объ аптекарѣ, булочникѣ и каретникѣ, то ты, разумѣется, догадываешься, что дѣло идетъ о нѣмцахъ, но все равно, я подражаю жиденку изъ фельдшерской школы 2-го Военно-сухопутнаго госпиталя, который на вопросъ мой, какъ сказать по-еврейски: здравствуй! – отвѣчалъ gut Morgen! Харьковъ въ отношеніи образованности, несмотря на то, что университетскій городъ, стоитъ, по моему мнѣнію, гораздо ниже Екатеринослава: харьковскій аптекарь, хотя, разумѣется, также нѣмецъ, несмотря на мое письменное приглашеніе и выгодную перспективу сбыть съ рукъ свой матеріалъ, не явился; смотритель харьковской станціи сдѣлался вѣжливымъ только послѣ моего заявленія, что я буду жаловаться г. директору почтъ Антонскому, моему родственнику; тарантасъ, исправленный совѣстливымъ екатеринославскимъ каретникомъ, обязанъ своею трещиною именно харьковскому ямщику, а телѣга, нагруженная нашими чемоданами и фельдшерами, едва совсѣмъ не развалилась отъ быстраго переката съ

сугроба въ ровъ, едва-ли учиненнаго не безъ умысла также харьковскимъ ямщикомъ. Съ тѣхъ поръ участь этого экипажа сдѣлалась для насъ предметомъ постоянныхъ заботъ и тревогъ. Послѣ телѣгокрушенія за Харьковомъ мы должны были разстаться съ нею. Калашниковъ, какъ ревностный чиновникъ, рѣшился принести жертву наукѣ и человѣчеству, подвергнувъ себя разлукѣ съ нами и всѣмъ опасностямъ одиночнаго странствованія въ краю неизвѣстномъ и безпутномъ, и принялъ начальство надъ разломанною телѣгою съ содержимымъ съ твердымъ намѣреніемъ или умереть, или доставить ее въ настоящемъ видѣ въ Севастополь. Разставшись съ телѣгою, мы думали долетѣть мигомъ до Севастополя, но не тутъ-то было. Если станціи и дороги между Курскомъ и Харьковомъ были плохи, то теперь, чѣмъ болѣе мы удалялись, онѣ сдѣлались чисто непреодолимымъ препятствіемъ къ достиженію нашей цѣли. Трудно рѣшить, гдѣ, въ чемъ болѣе должно искать причины: въ черноземѣ ли, расплывшемся отъ дождей въ какую-то клейкую жижу, или въ станціонныхъ смотрителяхъ и въ жидахъ, содержателяхъ станцій, морящихъ лошадей голодомъ. Одно скажу только положительно, что если Антонскій почитаетъ почтовое управленіе въ Новороссіи достигшимъ подъ его вѣдѣніемъ хотя нѣкоторой степени не то что совершенства, а просто только одной

сносности, то онъ жестоко ошибается. Доходило до того, что мы, выбившись изъ силъ увѣщеваніемъ и видя безпомощность всѣхъ мѣръ кротости для полученія лошадей, вытащили изъ глубины тарантаса трость, пріобрѣвшую, по мѣсту ея происхожденія, названіе швейцарки, и это травматическое пособіе оказало блестящій успѣхъ, такъ что на одной станціи (въ Константинограде) мы собственноручно вывели курьерскихъ лошадей и отправились, не заплативъ прогоновъ и не вписавъ въ книгу подорожной по весьма естественной причинѣ, что некому было ни записывать, ни получать деньги. А на одной изъ этихъ станцій жидъ-хозяинъ тѣмъ только спасся отъ крушительнаго дѣйствія швейцарки, что залегъ посединѣ дороги въ грязь и оттуда велъ перепалку съ нами словами, пока наконецъ, выведенный изъ терпѣнія, я заставилъ фельдшера Никитина пуститься къ нему въ атаку. Никитинъ, хотя и воспріявшій, по его словамъ, при самомъ рожденіи святое крещеніе, преслѣдовалъ однакоже непріятеля только до тѣхъ поръ, какъ услышалъ крикъ сбѣжавшихся на помощь бѣгущему евреекъ и бросился опрометью назадъ, а между тѣмъ швейцарка побывала на спинѣ писаря, старавшагося коварно исполнить волю хозяина-жида и скрыть лошадей. Вотъ тебѣ повѣствованіе нашей реброкрушительной поѣздки, окончившейся, слава Богу, благополучно для всѣхъ насъ и

даже для нашей телѣги, въ которой еле доплелся и Калашниковъ, этотъ неутомимый офицеръ здравія, храбро исполнявшій свой обѣтъ довезти содержимое телѣги и ее самое до мѣста назначенія. Буду писать продолженіе, а пока Христосъ съ вами, мои дорогіе. Тебя и дѣтей цѣлую и благословляю.

Твой

24 – 28 ноября (*продолженіе*).

Журналъ поѣздки въ Севастополь и пребыванія въ немъ въ теченіе 12 сутокъ.

Несмотря на грязь и тряску, я не могъ достаточно налюбоваться Севастополемъ, подъѣзжая къ нему 12 ноября утромъ. Наконецъ нашъ тарантасъ остановился недалеко отъ квартиры Великихъ Князей и главнокомандующаго. Мы думали сначала отыскивать начальника Штаба, чтобы ему представиться, и чуть-было не поворотили на Сухую балку, гдѣ онъ живетъ съ своимъ штабомъ, какъ, къ счастью, къ намъ вышелъ на встрѣчу д-ръ Боссе и еще одинъ морской врачъ, высокій, дородный, съ важною физіономіею, хотя и не безъ улыбки; я его принялъ сначала за офицера и не обратилъ на него достаточнаго вниманія, которое должно бы было оказать собрату. Первою мыслью былъ притонъ. На одной станціи передъ Екатеринославомъ встрѣтившійся

намъ фельдъегерь сообщилъ между многими нелѣпостями (какъ, напримѣръ, что наши штуцера такъ хорошо стрѣляютъ, что удивляютъ даже англичанъ) двѣ вещи, заставившія насъ призадуматься: во-первыхъ, что весь штабъ главнокомандующаго кочуетъ на открытомъ воздухѣ, безъ палатокъ, кто какъ можетъ, иной въ тарантасѣ, другой просто въ грязи, а самъ главнокомандующій на пароходѣ; во-вторыхъ, что другого средства въ Севастополѣ нѣтъ передвигать ноги, какъ напяливши на нихъ охотничьи сапоги. Основываясь на этомъ, мы твердо рѣшились не разставаться во что бы то ни стало съ нашимъ тарантасомъ, снабдить его внутри войлокомъ и клеенкою, а для защиты нижнихъ оконечностей купить въ Екатеринославѣ за недостаткомъ охотничьихъ простые мужицкіе сапоги и длинные шерстяные чулки. Такъ и сдѣлали. Можно вообразить наше удовольствіе, когда Боссе вызвался съ необыкновенною любезностью отыскать квартиру въ батареѣ черезъ доктора Гейнрихса, знакомаго съ мѣстностью; и дѣйствительно, черезъ полчаса намъ были отведены двѣ комнаты со сводами въ нижнемъ этажѣ сѣверной батареи № 4; въ этихъ комнатахъ лежалъ раненый генералъ Соймоновъ, умершій отъ раны въ животѣ при дѣлѣ 24 октября; въ этой же батареѣ помѣщались больные и раненые офицеры, и, самое важное для насъ,—возлѣ нашей квартиры была

госпитальные [illegible] и [illegible] быть обезпечены [illegible] чальникъ [illegible] физическій [illegible] пріѣзжать. [illegible] съ десятью [illegible] и [illegible] жавшихъ на берегъ. [illegible] врачь [illegible] когда непріятель [illegible] на югъ, то [illegible] яко бы, и [illegible] въ [illegible] мая, что непріятель [illegible] батареи, и будетъ стрѣлять по городу. [illegible] предчувствіе не [illegible] пушки въ морѣ, [illegible] и [illegible]. Изъ этого одного обстоятельства мнѣ стало ясно, что хотя [illegible] и не поняли, но все-таки хорошо поняли, что Севастополю не сдобровать, когда бы непріятель занялъ сѣверныя укрѣпленія. И дѣйствительно, всѣ свидѣтельства очевидцевъ и знающихъ и незнающихъ дѣло въ томъ согласны, что, остановясь непріятель на сѣверной сторонѣ города, онъ бы просто церемоніальнымъ маршомъ могъ войти въ него безъ малѣйшаго препятствія. Всѣ были въ страхѣ и трепетѣ, о защитѣ никто и не думалъ. Стоитъ только посмотрѣть на Севастополь съ сѣверныхъ возвышеній, и видишь

передъ собой почти всю бухту съ флотомъ и весь городъ какъ на ладони. Дурачье не поняли этого, а послѣ хвастались въ газетѣ описаніемъ глупаго и труднаго марша съ сѣвера на югъ, который спасъ городъ. Глупому крику гусей былъ одолженъ Римъ спасеніемъ, глупому маршу англо-французовъ—Севастополь. Такъ уже вѣрно угодно Богу, что случай и безсмысліе въ военныхъ происшествіяхъ назначены играть болѣе важную роль, чѣмъ человѣческая прозорливость и остроуміе. Зачерпнувъ раза три полные грязи сапоги, я прибылъ, наконецъ, къ начальнику Штаба, генералу Семякину. Онъ сидѣлъ въ нагольномъ тулупѣ и бесѣдовалъ съ своимъ врачемъ, бывшемъ моимъ ученикомъ Гейнрици. У него встрѣтился съ Баумгартеномъ. Оказалось, что и этого я знаю. Онъ меня помнитъ по одной операціи, которую я ему сдѣлалъ за нѣсколько лѣтъ. Поговоривъ нѣсколько о томъ, чему нельзя помочь, я хотѣлъ-было отдѣлаться этимъ однимъ визитомъ и передать мой конвертъ на имя главнокомандующаго начальнику Штаба, но онъ не взялся за это и посовѣтовалъ самому отправиться. Возвратившись къ моему тарантасу, я увидѣлъ Обермюллера, объясняющагося съ Великимъ Княземъ Михаиломъ Николаевичемъ. Я долженъ былъ ему представиться и отвѣчать на нѣкоторые его вопросы о дорогѣ, о раненыхъ, сестрахъ милосердія и пр. Въ 6 час. вечера нужно

было отправиться къ главнокомандующему. Свойства окружающихъ его лицъ не безъизвѣстны. Открылось, что и лейбъ-медикъ его пришелся по масти. Высокая, дородная, съ важною физіономіею, но не безъ улыбки особа, провожавшая меня къ начальнику Штаба, былъ не кто другой, какъ д-ръ Таубе, мой старинный паціентъ и извѣстный мнѣ и цѣлому Дерпту по оригинальному производству экзамена. Онъ былъ казеннокоштный студентъ Дерптскаго университета и имѣлъ необыкновенное отвращеніе къ экзамену на степень лѣкаря. Отвращеніе это дошло до болѣзненнаго состоянія, обнаружившагося подъ видомъ истерики. Когда деканъ факультета Вальтеръ, несмотря на всѣ отговоры, приказалъ педелямъ доставить Таубе живымъ или мертвымъ къ себѣ на домъ для экзамена, то его дѣйствительно привели подъ руки, и какъ онъ объявилъ, что, сидя, не можетъ экзаменоваться, то его положили на диванъ, окружили со всѣхъ сторонъ и начали экзаменовать, стараясь отъ времени до времени освѣжать его упавшія силы холодною водою. Я никакъ бы не могъ догадаться, что блѣдный, какъ полотно, и изможденный экзаменомъ Дерптскаго университета, есть одно и то же лицо съ дороднымъ, важнымъ, хотя и не безъ улыбки лейбъ-медикомъ главнокомандующаго сухопутными и морскими силами въ Крыму. Въ 6 часовъ вечера я дотащился кое-какъ

до маленькаго домишки съ грязнымъ дворомъ, гдѣ засѣдалъ главнокомандующій. Едва обо мнѣ доложили, какъ дверь отворилась, и я сталъ передъ нимъ, что называется, носъ къ носу. Въ конуркѣ аршина три въ длину и столько же въ ширину стояла, сгорбившись, въ засаленномъ архалукѣ судьба Севастополя. У одной стѣны стояла походная кровать съ круглымъ кожанымъ валикомъ вмѣсто подушки, у окна стоялъ столъ, освѣщенный двумя стеариновыми огарками, а у стола въ большихъ креслахъ сидѣлъ писарь, который тотчасъ же ушелъ. «Вотъ, какъ видите-съ, въ лачужкѣ-съ принимаю васъ»,—были первыя слова главнокомандующаго, произнесенныя тихимъ голосомъ; за этимъ слѣдовало хи, хи, хи! какимъ-то спазмодически принужденнымъ голосомъ.—«Пожалуйте, присядьте-съ, — продолжалъ онъ, подвигая кресло, на которомъ сидѣлъ писарь, а самъ садясь на край кровати.—Были вы у меня-съ, когда я ребро переломилъ-съ, я никакъ не могу этого вспомнить-съ».—Былъ, ваша свѣтлость, но ушелъ, когда вы только-что начали приходить въ себя!—Потомъ онъ распечаталъ поданный мною конвертъ, пробѣжалъ бумаги, надѣвъ очки, и спросилъ тѣмъ же тихимъ и беззвучнымъ голосомъ, видалъ ли я госпитали на моемъ пути.—Къ сожалѣнію, я видѣлъ одинъ,—отвѣтилъ я,—но въ такомъ состояніи, что желалъ бы лучше не видать его.—«Да-съ,

было еще хуже-съ, 24-го-съ мы не знали что́ и начать-съ, лежали-съ на голой землѣ-съ и подъ ливнями-съ».—Есть два рода оправданій: одинъ просто вретъ, а другой говоритъ правду, описывая собственную вину, какъ нельзя хуже; выслушавъ такого правдолюбца, призадумаешься, духа недостаетъ сказать: да кто же, чортъ возьми, виноватъ, какъ не ты самъ. Это именно я и подумалъ, слушая какъ старикъ сухо и безстрастно оправдывался, обвиняя самого себя.—Да, 24 октября дѣло не было неожиданное, его предвидѣли, предназначали и не позаботились. 10 и даже 11.000 было выбито изъ строя, 6.000 слишкомъ раненыхъ и для этихъ раненыхъ не приготовили ровно ничего; какъ собакъ бросили ихъ на землю; на нарахъ цѣлыя недѣли они не были перевязаны и даже почти не накормлены. Укоряли англичанъ, что послѣ Альмы они ничего не сдѣлали для раненаго непріятеля; мы сами 24 октября ничего не сдѣлали. Пріѣхавъ въ Севастополь 12 ноября, слѣдовательно 18 дней послѣ дѣла, я нашелъ слишкомъ 2.000 раненыхъ, скученныхъ вмѣстѣ, лежащихъ на грязныхъ матрацахъ, пропитанныхъ кровью, перемѣшанныхъ, и, разсортировавъ ихъ, цѣлые 10 дней почти съ утра до вечера долженъ былъ оперировать такихъ, которымъ операцію нужно было сдѣлать тотчасъ послѣ сраженія. Только послѣ 24 явились начальникъ Штаба и генералъ-штабъ

а 15-240.

КОСТРОМСКАЯ
Областная библиотека
им. Н. К. Крупской

докторъ: до того времени какъ будто и войны не было; не заготовили ни бѣлья для раненыхъ, ни транспортныхъ средствъ, и когда вдругъ къ прежнимъ раненымъ прихлынуло 6.000, то и не знали что́ и начать. За кого же считали солдата? Кто будетъ хорошо драться, когда онъ убѣжденъ, что раненаго бросятъ какъ собаку? Навѣдавшись о здоровьѣ Сузы (его племянницы), главнокомандующій спросилъ и о сестрахъ милосердія. — «Будетъ-ли-съ толкъ отъ нихъ? Чтобы не сдѣлать-съ послѣ еще 3-го сифилитическаго отдѣленія въ госпиталѣ-съ».— Не знаю, ваша свѣтлость, все будетъ зависѣть отъ личности женщинъ, которыя будутъ выбраны. Мысль учрежденія, очевидно, хорошо уже практически примѣнена; остается знать, какъ удастся примѣненіе у насъ. — «Да-съ, правда; а у насъ теперь какая-то Дарья, говорятъ, очень много-съ помогала-съ и даже перевязывала сама раненыхъ подъ Альмою... А что́, вы уже пріютились?» — Мнѣ уже отвели квартиру, ваша свѣтлость, и лучше вашей. —«Хи, хи, хи!» - судорожно-принужденно, но съ нѣкоторымъ удовольствіемъ было отвѣтомъ на сравненіе квартиръ. Послѣ этого онъ началъ разбирать кучу писемъ отъ плѣнныхъ, а я, спросивъ его изъ учтивости,—признаюсь, не изъ участія,—о состояніи его здоровья, счелъ за нужное убраться поскорѣе изъ жарко-на-жарко натопленной лачуги, всталъ и

откланялся.—«Прощайте-съ, мы близко здѣсь живемъ другъ возлѣ друга-съ»,—и опять принужденно судорожное хи-хи-хи! Такъ кончилось свиданіе съ провидѣніемъ Севастополя. Что́ же это такое? Пуфъ, или правда? Что́ значитъ это уединеніе, это притворное спартанство? Къ чему жить въ лачугѣ и хвастаться еще этимъ, когда можно бы было жить и въ городѣ, и въ батареѣ, гдѣ мы теперь живемъ. Что́ значитъ это смиреніе, эта тихая, прерывистая рѣчь. По дорогѣ въ Севастополь я познакомился съ двумя партіями; одна укоряетъ главнокомандующаго, что онъ не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на административную часть, имѣя въ виду только стратегическую; къ другой принадлежитъ именно Апраксинъ, который называетъ себя дуракомъ за то, что онъ, оставивъ жену и дѣтей, вступилъ опять въ службу и оконтуженный возвращался во-свояси. Апраксинъ,—какъ кажется, добрый и честный человѣкъ,—утверждалъ, что геній Меншикова втайнѣ приготовляетъ огромные планы, что это великій полководецъ, знающій всѣ глубины человѣческаго сердца, что онъ одинъ можетъ спасти Севастополь и что безъ него все потеряно. Пріѣхавъ въ Севастополь, я, за исключеніемъ д-ра Таубе, который nolens volens долженъ все хвалить въ своемъ паціентѣ, кромѣ его привязанности къ Радемахеру, Распалю и атомистикѣ, узналъ только одну партію—ненавистни-

ковъ, къ которой незамѣтно перешелъ и самъ, посѣтивъ Бахчисарайскій и Севастопольскій военно-земельные госпитали. Главная квартира тихая и безмолвная, какъ могила; это уже, что ни говори, не по-русски, да и къ чему. Людямъ, у которыхъ жизнь на волоскѣ, скучать вредно. Беззаботность объ участи солдатъ (которыхъ онъ, говорятъ, ругаетъ напропалую) и явственное пренебреженіе ко всему, что́ грѣетъ и живитъ, не можетъ привлечь сердца. Возможно ли, чтобы главнокомандующій ни разу не пришелъ въ госпиталь къ солдатамъ, ни разу не сказалъ радушнаго слова тѣмъ, которые легли на-смерть? Я видѣлъ на Кавказѣ, что Воронцовъ приходилъ самъ къ раненымъ, раздавалъ имъ деньги, награды, а Меншиковъ, пріѣхавъ только однажды въ госпиталь къ генералу Вильбуа, не пришелъ взглянуть, какъ лежали на нарахъ скученные, заморенные, полусгнившіе легіоны, высланные на-смерть. Время покажетъ, что́ такое Меншиковъ, какъ полководецъ. Но если онъ и защититъ Севастополь, то я не припишу ему никогда этой заслуги. Онъ не можетъ и не хочетъ сочувствовать солдату, онъ плохой Цезарь. Онъ хочетъ свои недостатки прикрыть мистическимъ молчаніемъ и притворнымъ спартанствомъ, но врядъ ли многихъ надуетъ. Дай Богъ, чтобы все это было неправда, чтобы Меншиковъ сдѣлался дѣйствительно великимъ

лицомъ въ исторіи, я этого ему отъ души желаю потому, что желаю видѣть Севастополь въ нашихъ рукахъ; но то вѣрно: солдаты не знаютъ своего полководца, полководецъ не заботится о солдатахъ. Въ двухъ комнатахъ, отведенныхъ намъ въ батареѣ, насъ помѣстилось четверо, а потомъ черезъ 9 дней пріѣхало еще четверо врачей, и они всѣ помѣстились тутъ же; отъ этого наша квартира сдѣлалась похожею на нижегородскую ярмарку. Поутру мы всѣ выѣзжаемъ гуртомъ на казацкихъ лошадяхъ, прикомандированныхъ намъ начальникомъ Штаба; вечеромъ собираемся вмѣстѣ. Двѣнадцать дней въ Севастополѣ прошли одинъ какъ другой; только 3 раза удалось мнѣ побывать въ самомъ городѣ, переѣхавъ на яликѣ Нахимова; два раза я былъ въ Дворянскомъ Собраніи, въ которомъ теперь устроенъ перевязочный пунктъ; до этого дома до сихъ поръ еще не долетали непріятельскія ядра, но когда мы посѣщали другой перевязочный пунктъ, находящійся вмѣстѣ съ временнымъ госпиталемъ въ казармахъ около морского госпиталя, то въ бухтѣ показался нашъ пароходъ, и въ то же самое мгновеніе пролетѣло мимо насъ въ почтительномъ разстояніи ядро съ англійской батареи и упало въ воду саженяхъ въ 10 отъ парохода. Изъ этихъ казармъ видны непріятельскія батареи, разсѣянныя на возвышеніяхъ южной стороны города. Онѣ выстро-

ены на крутой горѣ, на которую надобно подниматься пѣшкомъ и не безъ труда по скользкой слякоти. Морской госпиталь, выстроенный на этой же самой горѣ, очищенъ отъ больныхъ: въ него во время бомбардированія, несмотря на выкинутый красный флагъ, летали бомбы, изъ которыхъ одна упала между двумя кроватями, лопнула, но не сдѣлала вреда. Разсказываютъ, какъ любопытный фактъ, что во время переноски больныхъ падавшія на дворъ бомбы не повредили ни одного больного и ни одного служителя, зато въ перевязочномъ пунктѣ, который устроили-было насупротивъ госпиталя въ домѣ Унтена, одна бомба влетѣла черезъ крышу въ комнату, гдѣ дѣлали операціи, и оторвала у оперированнаго обѣ руки.

Примѣчаніе. Это письмо писалось отрывками, почему числа и мѣсяцы относятся къ описываемымъ событіямъ.

24 ноября. Севастополь.

Ѣду сегодня въ Симферополь дня на 4, посмотрѣть на госпиталь и узнать о сестрахъ милосердія, которыя должны на дняхъ явиться.

Не знаю, отчего ты еще не получила моихъ двухъ писемъ съ дороги изъ Харькова и Екатеринослава? Въ Харьковѣ я отдалъ съ рукъ на руки

станціонному смотрителю, въ Екатеринославѣ отослалъ на почту — оба въ казенныхъ конвертахъ. Всѣ твои письма до шестого отъ 13 ноября получилъ, вижу, что ты не совсѣмъ благоразумно переносишь разлуку. Господь съ тобою, утѣшься: вѣдь ты хорошо знаешь, что съ тобою ли, безъ тебя ли, я все-таки тебя люблю больше всего на свѣтѣ, такъ о чемъ же грустить, положись на волю Божію и будь спокойна, а тамъ посмотримъ, Богъ не оставитъ. Любя меня, радуйся, что я могу принести свою лепту дорогой родинѣ въ такую страшную годину испытанія. Говорятъ, что они скоро будутъ бомбардировать, тогда и развязка будетъ скорая; другіе же говорятъ, что будутъ зимовать и ждать для этого весны. Тогда мнѣ пока здѣсь оставаться будетъ незачѣмъ, и я, разумѣется, медлить не буду, чтобы утѣшить тебя, но, какъ ты видишь, ничего не извѣстно, здѣсь такъ же мало знаютъ, какъ и въ Петербургѣ.

Я сталъ писать журналъ моей экспедиціи и посылаю тебѣ его листками. Тому, кто поинтересуется, напримѣръ, Николай Федоровичъ Здекауеръ, Глазенапъ, можешь дать прочесть. Тебѣ же скажу, что я едва управляюсь съ дѣломъ и возвращаюсь вечеромъ усталый и потому могу писать только отрывками. Покуда здѣсь продолжаетъ быть спокойно, отъ времени до времени слышится канонада,

особливо ночью, но ядра до насъ не долетаютъ, а много-много если падаютъ въ бухту. Матросы и солдаты убѣждены, что Севастополь не будетъ взятъ, но все покрыто мракомъ неизвѣстности, а только извѣстно и очевидно, что раненые валяются безъ призрѣнія и долго-долго нужно хлопотать, чтобы какъ-нибудь привесть ихъ въ положеніе маломальски сносное.

Я въ Симферополѣ оставлю мой чемоданъ и все тяжелое, останусь тамъ дней 5, а можеть быть и больше.

Поцѣлуй же и обними дѣтей, прощай, моя дорогая, не грусти ради Бога, а то ты и на меня грусть наведешь, а покуда я доволенъ хотя тѣмъ, что моя поѣздка не безъ пользы. Всѣ четыре врача прибыли, и мы, 8 человѣкъ, живемъ пока вмѣстѣ въ 2-хъ комнатахъ.

Твой

29 ноября.

У меня готово продолженіе моего журнала, но я его тебѣ не посылаю теперь: прочитавъ написанное, я самъ испугался, что уже слишкомъ много сказалъ правды. Послѣ при удобномъ случаѣ ты получишь его.

Вотъ тебѣ пока описаніе 12-дневной моей жизни въ Севастополѣ отъ прибытія до поѣздки въ Симферополь.

Симферополь. 29 ноября.

Поутру въ 7 часовъ замѣчается въ нашей квартирѣ необыкновенное движеніе. Все суетится. Представь себѣ пять молодыхъ людей, встающихъ въ одно время съ полу въ комнатѣ, въ которой отъ чемодановъ и ящиковъ повернуться негдѣ. Всякій ищетъ тамъ и тѣ, гдѣ онъ никогда и ничего не клалъ. Фельдшера бѣгаютъ изъ одной комнаты въ другую, принося кому платье, кому сапоги. Я умываюсь свѣжею водою, напяливаю сверхъ панталонъ большіе мужицкіе сапоги, купленные въ Екатеринославѣ и ежедневно питаемые саломъ, надѣваю мой длиннополый сюртукъ, уже порядочно пропитанный разными животными началами, отъ которыхъ ограждаюсь болѣе или менѣе кавказскимъ краснымъ шелковымъ бѣльемъ, и сажусь пить кофе, иногда съ молокомъ, а иногда и безъ молока, закусываю хлѣбомъ, не имѣющимъ никакого притязанія называться мягкимъ. Въ 9 часу крымскій казакъ приводитъ четверку верховыхъ клячъ; я надѣваю солдатскую шинель, купленную здѣсь у одного солдата и перешитую придворнымъ портнымъ, мундирную фуражку, взятую напрокатъ у Обермюллера, и сажусь на лошадь. Эта шинель имѣетъ неоспоримыя выгоды въ Севастополѣ уже потому, что она какъ-то подъ

цвѣтъ съ грязью. Цѣлая кавалькада отправляется въ госпитали, расположенные за полъ-версты отъ насъ, въ такъ называемые бараки, бывшія матросскія казармы.

На кроватяхъ лежатъ вонючіе раненые, но большая часть на нарахъ. Матрацы, пропитанные гноемъ и кровью, остаются дня по 4 и 5 подъ больными, по недостатку бѣлья и соломы. Обыкновенно слышишь утѣшеніе, что послѣ 24 октября хуже было. Въ 10 часу начинается перевязка и продолжается до 2 и 3 часовъ. Въ 3 часа сносятся тѣ раненые, которымъ необходима операція, по 10 — 12 въ день, и продолжается пока стемнѣетъ, слѣдовательно почти до 6 часовъ. При перевязкѣ можно видѣть ежедневно трехъ или четырехъ женщинъ, изъ нихъ одна знаменитая Дарья, одна дочь какого-то чиновника, лѣтъ 17 дѣвушка, и одна жена солдата. Кромѣ этихъ, я встрѣчаю иногда еще одну даму среднихъ лѣтъ, въ вуаляхъ и съ папироской въ зубахъ. Это жена какого-то моряка, кажется, приходитъ раздавать свой или другими пожертвованный чай. Дарья теперь является съ медалью на груди, полученною отъ Государя, который велѣлъ ее поцѣловать Великимъ Князьямъ, подарилъ ей 500 рублей и приказалъ выдать ей еще 1000 руб., когда выйдетъ замужъ. Она молодая женщина, недурна собою и, какъ кажется, легкаго десятка. Подъ Альмой она приносила

бѣлье, отданное ей для стирки, и здѣсь въ первый разъ обнаружилась ея благородная наклонность помогать раненымъ. Она ассистируетъ и при операціяхъ. На дняхъ я роздалъ по рукамъ по осьмушкѣ чаю и по фунту сахару на каждаго больного изъ жертвованныхъ суммъ, купилъ чайниковъ и вина. Женщины при насъ во время перевязки поятъ больныхъ чаемъ и раздаютъ по стакану вина. Отдѣлавшись въ госпиталѣ, мы тѣмъ же порядкомъ отправляемся въ нашъ казематъ и садимся обѣдать, немного пообчистившись. Обѣдъ приготовляетъ солдатъ, госпитальный поваръ. Два кушанья: борщъ или супъ и бифстексъ, составляютъ спеціальность этого повара; за другое онъ не берется, но эти блюда онъ изготовляетъ не безъ шика. Кайэнъ и пикули, отпущенные тобою, оказались весьма кстати. Крымское вино по 30 коп. за бутылку не худо. Иногда послѣ обѣда засыпаю, иногда играю въ шахматы, привезенные д-ромъ Каде въ видѣ сюрприза. Около 8 часовъ кто-нибудь обыкновенно является для компаніи. Передъ сномъ вытираюсь спиртомъ и потомъ засыпаю, но бываю неоднократно пробужденъ кусаньемъ блохъ. Такъ проходитъ регулярно день за днемъ. Такъ прошли 10 дней. Въ это время я былъ и въ городѣ 3 раза. Не пугайся, нѣтъ тутъ ничего страшнаго. Когда я былъ на другой сторонѣ бухты въ госпиталѣ, то одно ядро прожужжало по бухтѣ

саженяхъ въ 30 отъ парохода, который показался на одномъ ея концѣ. Вотъ все, что́ до сихъ поръ я видѣлъ или, лучше, слышалъ изъ ядеръ. Правда, всякій день, особливо къ вечеру, слышна нѣсколько времени канонада. Наши препятствуютъ ихъ работамъ, они отстрѣливаются, но ничего серьезнаго не выходитъ. Дѣлаютъ также ночью вылазки небольшія въ ихъ траншеи.

Жизнь, которую я веду, не позволяетъ скучать и потому мнѣ не скучно, хотя я не вижу ни тебя, ни дѣтей. Мыслей другихъ нѣтъ, и быть не можетъ, какъ о раненыхъ, засыпаешь, видя все раны во снѣ, пробуждаешься съ тѣмъ же. Читать и писать времени нѣтъ. Обермюллеръ завѣдуетъ письменною частью, онъ ведетъ замѣтки и составляетъ описи раненыхъ, которые подвергались операціямъ или почему-либо замѣчательны.

Встрѣчу съ главнокомандующимъ я описалъ, но пришлю послѣ. Пробывъ 12 дней въ Севастополѣ, я успѣлъ въ это время распредѣлить больныхъ по отдѣленіямъ, отдѣлить нечистыя раны отъ чистыхъ и оперировать почти всѣхъ запущенныхъ съ 24 октября. Кончивъ это, я отправился 25 ноября въ Симферополь, не предвидя покуда никакого важнаго событія, хотя вранья было довольно, но все основанное на однихъ слухахъ и показаніяхъ плѣнныхъ и бѣглецовъ. Эти бѣглецы большею частью нѣмцы и испанцы изъ

иностраннаго легіона французской арміи, они увѣряли, что будетъ штурмъ въ день Синопской битвы. Скажи Ннколаю Ивановичу Пущину, что я въ этотъ день былъ у Нахимова, онъ такой оригиналъ, разговоръ съ нимъ сообщу послѣ, описывая мое посѣщеніе главнокомандующаго. Также увѣряли, что что-то будетъ въ день избранія Наполеона, но до сихъ поръ ничего не подтвердилось; батареи непріятеля не двигаются къ нашимъ: думаютъ, что будутъ обстрѣливать нашъ флотъ, но до сихъ поръ съ 24 октября можно всѣ дѣйствія почти что назвать бездѣйствіемъ, судя по количеству и силѣ снарядовъ. Что́ будетъ впередъ—Богъ знаетъ, останутся ли зимовать, уйдутъ ли, будутъ ли штурмовать и бомбардировать—никто ничего не знаетъ положительнаго. 26-го ноября я прибылъ въ Симферополь, употребивъ на проѣздъ 60-ти верстъ изъ Севастополя цѣлыхъ 2 дня и останавливаясь ночевать, потому что ночью нѣтъ средствъ ѣхать въ тарантасѣ; нашъ тарантасъ, какъ корабль во время сильной морской бури, долженъ былъ то подниматься на камни и буераки, раскинутые по дорогѣ, то прикрыться толстымъ слоемъ грязи, то опускаться въ рытвины, то наклоняться на бокъ почти до упаду въ глубокія колеи. Отъ Севастополя до первой станціи Дуванъ, на пространствѣ 16 верстъ лежали цѣлые десятки лошадей и гнили въ грязи; орлы и родъ коршуновъ-ягнятниковъ цѣ-

лыми станми слетаются на падаль и гордо сидятъ, расправивъ крылья, какъ имперскіе гербы на полусгнившихъ остовахъ. Остановившись на нѣсколько часовъ въ Бахчисараѣ, посѣтивъ госпиталь, вынувъ нѣсколько пуль, сдѣлавъ три ампутаціи, раздавъ чай и сахаръ раненымъ, мы отправились далѣе, и поутру часовъ въ 8 прибыли въ Симферополь. Здѣсь раненые, числомъ слишкомъ 1000, всѣ почти тяжело раненые, разсѣяны въ 30 домахъ; всѣ дома публичныхъ заведеній и нѣкоторые обывательскіе заняты; нужно разъѣзжать съ утра до вечера, поэтому, занявъ одинъ только оставшійся порожнимъ нумеръ въ гостинницѣ Золотого Якоря, я веду такую же жизнь, какъ въ Севастополѣ, съ тою только разницею, что не надѣваю мужицкихъ сапоговъ и ѣмъ по картѣ три кушанья вмѣсто двухъ. Сейчасъ получилъ бумагу отъ статсъ-секретаря Гофмана объ отправившихся изъ Петербурга сюда сердобольныхъ 60 вдовахъ, распредѣленіе которыхъ поручается также мнѣ. Но ни эти вдовы, ни сестры общины Елены Павловны еще не прибыли; а онѣ здѣсь будутъ дѣйствительно нужны, имъ можно будетъ поручить раздачу чая и вина раненымъ; на другую прислугу нельзя положиться.

Жестокій ураганъ 2-го ноября, надѣлавшій много бѣдъ нашимъ непріятелямъ, не пощадилъ и насъ, заставъ на дорогѣ въ темную ночь, и мы думали, что

конецъ приходитъ нашему тарантасу. Представь себѣ клейкую, вязкую грязь по мыщелки, темную ночь и вихорь такой, что на ногахъ не устоишь. Мы рады-рады были, что добрымъ шагомъ, дѣлая по 4 версты въ часъ, добрались наконецъ до какой-то лачуги, названной почтовымъ Департаментомъ станціоннымъ домомъ, съ разбитыми окнами. съ одною грязною конурою и пьянымъ смотрителемъ. Здѣсь мы должны были, сидя, провести почти цѣлую ночь. Но все это еще было золото въ сравненіи съ тѣмъ, что́ насъ ожидало въ самомъ Крыму: здѣсь, переѣхавъ въ Перекопѣ черезъ Днѣпръ, наше путешествіе началось съ того, что мы засѣли съ шестеркою лошадей въ грязь и просидѣли-бъ въ ней, безъ сомнѣнія, цѣлую ночь (выѣхавъ со станціи около 4 часовъ), если бы одинъ благодѣтельный хохолъ, ѣхавшій порожнякомъ, не взмиловался надъ нами и не впрягъ пару воловъ; крутороги́е дернули и вытянули разомъ и тарантасъ, и голодную шестерку. Въ Перекопъ мы пріѣхали уже ночью и, чтобы отдохнуть отъ грязи и побоевъ, причиненныхъ лошадямъ, ямщикамъ и жидамъ, отправились въ гостинницу. При входѣ въ нее, едва не утонувъ въ огромной лужѣ, мы нашли дверь запертою на замокъ. Когда дверь, послѣ различныхъ и долговременныхъ усилій съ нашей стороны, наконецъ отворилась, мы вступили въ огромный, закоптѣлый сарай, посрединѣ

котораго стоялъ не менѣе грязный билліардъ; на стѣнахъ смѣлая кисть какого-то иностраннаго артиста изобразила Минина Пожарскаго. Содержатель гостинницы, грекъ, увѣрялъ, что онъ можетъ угостить насъ прекраснымъ ужиномъ; это обѣщаніе такъ воодушевило моего спутника, г. Сохраничева, что онъ заказалъ бифстексъ изъ говяжьяго филе, желая, чтобы онъ непремѣнно былъ взятъ изъ края и приготовленъ по всѣмъ правиламъ искусства. Грекъ не только обѣщалъ удовлетворить этому смѣлому гастрономическому порыву чувствъ, но еще предложилъ пирожки, борщъ и вина выморозки такого чудеснаго качества, что во всемъ Крыму не было ему подобнаго. Мы усѣлись въ пріятномъ ожиданіи у окна, открывавшагося въ буфетъ, и вскорѣ мужикъ изъ Владиміра въ изодранномъ архалукѣ, съ всклоченной бородой и плутовской усмѣшкой, называвшій себя маркеромъ, подалъ намъ черезъ это окно нѣсколько кусковъ говядины, принадлежавшей нѣкогда какой-то, только уже никакъ не филейной, части быка, пару пирожковъ, весьма сходныхъ съ резиновыми калошами, и бутылку съ знаменитыми выморозками. Къ нашему счастью, слѣдствіемъ этого ужина было только урчаніе въ желудкѣ и изжога. По мѣрѣ того, какъ мы приближались къ мѣсту, обратившему на себя вниманіе всей Европы, исчезало всякое различіе между обыкновенными и курьерскими лошадьми, и

наконецъ за Симферополемъ кончилось обидное неравенство ѣдущаго по своей надобности и фельдъегерской. Все ѣдущее впередъ и назадъ остановилось, наконецъ, на станціи въ Бахчисараѣ, и почтовая дорога сдѣлалась непроходимымъ препятствіемъ къ достиженію Севастополя, такъ что 60 верстъ между этими городами нужно было ѣхать цѣлыя 2 сутокъ. Въ Бахчисараѣ я встрѣтилъ по дорогѣ Шеншина, которому главнокомандующій далъ порученіе осмотрѣть и организовать временные госпитали въ Бахчисараѣ и Симферополѣ, объявивъ ему, что онъ отдалъ приказаніе херсонской компаніи заготовить все нужное для ихъ обзаведенія и прибавивъ между прочимъ въ своей инструкціи, что о слѣдствіяхъ этого порученія Шеншинъ долженъ дать отчетъ не ему, а министру, его же просто только увѣдомить. Шеншинъ, встрѣтившись со мною, воротился въ Бахчисарай, и мы пошли вмѣстѣ осматривать временный госпиталь. Описать, что̀ мы нашли въ этомъ госпиталѣ, нельзя: горькая нужда, славянская беззаботность, медицинское невѣжество и татарская нечисть соединились вмѣстѣ въ баснословныхъ размѣрахъ въ двухъ казарменныхъ домишкахъ, заключавшихъ въ себѣ 350 больныхъ, положенныхъ на нарахъ, одинъ возлѣ другого, безъ промежутковъ, безъ порядка, безъ разницы, съ нечистыми вонючими ранами возлѣ чистыхъ, въ пространствѣ по благо-

усмотрительному человѣколюбію врача и смотрителя герметически запертыхъ при температурѣ слишкомъ въ 18° Р., не перевязанныхъ болѣе сутокъ, вѣроятно также изъ человѣколюбія. Врачъ и его помощникъ, одинъ ординаторъ, оба безотвѣтныя пѣшки, торчали тутъ и служили живымъ укоромъ сословію и администраціи. Шепшинъ, очевидно доброжелательный и ревностный, но еще молодой и незнакомый съ дѣломъ человѣкъ, убѣдившись нашими доказательствами, что онъ зашелъ ужъ не въ госпиталь, а въ нужное мѣсто, разразился надъ комисаромъ, зашедъ въ сарай, гдѣ нашлись спрятанными кухонные котлы, существованіе которыхъ онъ признавалъ недоказаннымъ. Крикливыя угрозы быть разжалованнымъ въ солдаты и подлеца опытный въ своемъ дѣлѣ комисаръ съѣлъ не поморщившись, приложивъ два пальца къ козырьку и сказавъ про себя: видали мы эдакихъ! Только въ Бахчисараѣ я началъ предвидѣть въ какомъ состояніи найду раненыхъ защитниковъ Севастополя, но все-таки, что́ послѣ нашелъ — превзошло всю мѣру моихъ опасеній. Отправившись изъ этого татарскаго вертограда часа въ 4 пополудни, мы доѣхали кое-какъ шагомъ, купаясь въ грязи, до Дувановъ, послѣдней станціи передъ Севастополемъ, нисколько не замѣчая, что мы приближаемся къ театру войны, и если бы отдаленный грохотъ залповъ, отъ времени до времени

достигавшій до насъ, не напоминалъ намъ, что вскорѣ сами должны сдѣлаться дѣятельными участниками въ кровопролитіи, то я бы, пожалуй, счелъ эту прогулку по грязи довольно забавною. Наконецъ, въ Дуванахъ оказались первые слѣды лагерной администраціи. Намъ отвели ночлегъ въ домѣ волостного правленія, тяготѣвшаго надъ разбѣжавшимися теперь татарами. Хозяинъ этого дома былъ въ настоящее время комисаръ, занимавшійся продовольствіемъ войскъ и устроившійся въ своей бивачной квартирѣ не безъ комфорта. У него оказалось походное кресло, въ которомъ я очень порядочно заснулъ. Поутру мы проснулись съ мыслью, что находимся въ 16 верстахъ отъ Севастополя и что наступилъ послѣдній день нашихъ ожиданій увидѣть и услышать собственными глазами и ушами то, о чемъ мы такъ много говорили и слышали. По дорогѣ отъ Дувановъ до Севастополя можно уже было догадаться, что подъѣзжаемъ или, правильнѣе, полземъ къ мѣсту военныхъ дѣйствій. Въ вязкой грязи, толкаясь по рытвинамъ, спускаясь съ горъ и поднимаясь на горы, тянулись ряды телѣгъ и арбъ, нагруженныхъ сѣномъ, сухарями и ранеными; по 2 и 4 человѣка на телѣгу скучены были раненые защитники Севастополя, отправлявшіеся въ Бахчисарай, а оттуда въ Симферополь, гдѣ ихъ ожидала та же самая участь, т.-е. быть сваленными на нары и

валяться въ грязи и нечистотѣ подъ наблюденіемъ врачей. Хотя я и положилъ себѣ правиломъ врученныя мнѣ деньги Великою Княгинею, Комитетомъ и другими не давать въ руки больнымъ, но безпріютное положеніе транспортирующихся поневолѣ меня вынудило раздать имъ по 1 рублю на телѣгу для мелочныхъ расходовъ. Около 12 часовъ утра мы поднялись на гору, и намъ представился наконецъ Севастополь во всей красѣ: мѣстоположеніе великолѣпное, море и горы. Особливо часть города, извѣстная подъ именемъ Корабельной слободы, расположена живописно амфитеатромъ на горѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что нѣтъ лучше Севастопольской бухты: широка, $1^1/_4$ версты, глубокая, извилистая, съ крутыми берегами, съ изумрудною водою и окруженная со всѣхъ сторонъ горами.

6 декабря. Симферополь.

Пишу по почтѣ. Изъ Севастополя я тебѣ отправилъ 2 письма. Изъ Симферополя одно; всѣ съ фельдъегерями; одно письмо лежитъ у меня въ портфелѣ, его почтою не посылаю, потому что въ немъ много правды написалъ. Сегодня уѣзжаю въ Карасубазаръ, откуда проѣду, можетъ быть, въ Ѳеодосію, потомъ обратно чрезъ Симферополь въ Севастополь. Ради Бога, не скучай и не сѣтуй — это

отниметъ у меня охоту работать. Терпи, начатое нужно кончить; нельзя же, предпринявъ дѣло, уѣхать, ничего не окончивъ; предстоитъ еще многое; подумай только, что мы живемъ на землѣ не для себя только, вспомни, что передъ нами разыгрывается великая драма, которой слѣдствія отзовутся, можетъ быть, черезъ цѣлыя столѣтія; грѣшно, сложивъ руки, быть однимъ только праздным зрителемъ, кому Богъ далъ хоть какую-нибудь возможность участвовать въ ней. Я знаю, что для тѣхъ, кого онъ, какъ насъ, благословилъ счастьемъ въ семейномъ кругу, тяжело оставить тихій, пріятный бытъ, подвергать себя всѣмъ безпокойствамъ и тягостямъ разлуки съ милыми сердцу, но тому, у кого еще не остыло сердце для высокаго и святого, нельзя смотрѣть на все, что́ дѣлается вокругъ насъ, одностороннимъ, эгоистическимъ взглядомъ — и ты, которую я привыкъ уважать — ты должна утѣшиться, подумавъ, что мужъ твой оставилъ тебя и дѣтей не понапрасну, а съ глубокимъ убѣжденіемъ, что онъ не безъ пользы подвергается лишеніямъ и разлукѣ. Больше ничего не могу сказать въ утѣшеніе тебѣ и себѣ, Богъ дастъ, настанетъ день радости и для насъ. Вооружись же терпѣніемъ и ввѣрься святому Провидѣнію. Святое и высокое тебѣ не чуждо, ты во многомъ еще сама можешь служить мнѣ примѣромъ. Я пробылъ въ Симферополѣ цѣлую недѣлю и осмотрѣлъ всѣхъ

раненыхъ, разсѣянныхъ въ 20 разныхъ мѣстахъ. Здѣсь заняты ими всѣ публичныя мѣста, Губернское Правленіе, Дворянское Собраніе и много частныхъ домовъ, и здѣсь такъ же, какъ и въ Севастополѣ, отъ 9 часовъ утра до 4 часовъ я былъ всякій день занятъ въ госпиталяхъ осмотромъ больныхъ, перевязкой и операціями. Жилъ въ скверномъ нумерѣ Золотого Якоря. Дней 5 тому назадъ прибыла сюда Крестовоздвиженская Община сестеръ Елены Павловны, числомъ до 30; и принялись ревностно за дѣло; если онѣ такъ будутъ заниматься, какъ теперь, то принесутъ много пользы, въ чемъ нѣтъ сомнѣнія. Онѣ день и ночь поперемѣнно бываютъ въ госпиталяхъ, помогаютъ при перевязкѣ, бываютъ и при операціяхъ, раздаютъ больнымъ чай и вино и наблюдаютъ и за служителями, и за смотрителями и даже за врачами. Присутствіе женщины, опрятно одѣтой и съ участіемъ помогающей, оживляетъ плачевную юдоль страданій и бѣдствій. Но еще должны пріѣхать сердобольныя Императрицы, и я недавно получилъ письмо статсъ-секретаря Гофмана, въ которомъ распоряженіе и этихъ вдовъ поручается также мнѣ. Чтобы избѣжать столкновенія между женщинами, принадлежащими разнымъ вѣдомствамъ, хотя назначенными и для одной цѣли, я долженъ размѣстить первую общину отдѣльно отъ второй, и потому посылаю сестеръ Елены Павловны въ Севастополь, Бахчисарай и Карасубазаръ, а вдовъ

оставлю пока въ Симферополѣ. Не знаю, каково-то будетъ имъ въ Севастополѣ? Здѣсь въ Симферополѣ у нихъ есть хорошая квартира и имъ даютъ экипажъ, а въ Севастополѣ имъ придется жить между самыми больными въ баракахъ и ходить пѣшкомъ въ сапогахъ и грязи; нѣкоторымъ изъ нихъ это не покажется, но тутъ-то и видно будетъ, кто изъ нихъ взялся за дѣло по призванію, а не изъ другихъ видовъ. Сама директриса, женщина еще не старая, въ очкахъ, управляется до сихъ поръ съ ними довольно хорошо, поступаетъ энергично и, разъѣзжая по госпиталямъ, наблюдаетъ за ними. Между ними есть и хорошо образованныя: одна монахиня или послушница, одна вдова какого-то офицера, наша знакомая Лоде, говорящая на пяти различныхъ нарѣчіяхъ и выбирающая преимущественно раненыхъ плѣнныхъ, восторженная. На этихъ дняхъ пріѣхали двое врачей Дунайской арміи, одинъ мой ученикъ, другой Джуліяни, племянникъ Вандрамини, съ неисчислимымъ запасомъ разсказовъ, заставляющихъ хохотать отъ души. Самая ужасная вещь, это—недостатокъ транспортныхъ средствъ, отъ чего больные постоянно накопляются въ различныхъ мѣстахъ, должны поневолѣ оставаться иногда цѣлые дни и и ночи на полу, безъ матрацовъ, безъ бѣлья, и терпѣть отъ перевозки въ открытыхъ телѣгахъ и по сквернѣйшей дорогѣ въ свѣтѣ. Отъ этого самыя

простыя раны портятся, и больные еще болѣе заболѣваютъ. Смотря на этихъ несчастныхъ, благодаришь Бога и миришься со всѣми лишеніями, видя, что̀ есть люди, которые безъ ропота переносятъ то, что́ казалось бы невозможнымъ для человѣка. Весь свой багажъ, исключая мѣшка и погребца, я оставилъ въ Симферополѣ и отправлю теперь по почтѣ, это одно средство выиграть время въ переѣздахъ; иначе страшно сказать, ѣхать 60 верстъ цѣлыя 2 сутокъ. Погода здѣсь безпрестанно перемѣняется; то вдругъ точно какъ у насъ въ іюлѣ мѣсяцѣ, то вдругъ ливень: морозовъ однакоже до сихъ поръ еще не было, и шуба моя уже давно лежитъ прекрасно въ чемоданѣ, солдатская шинель и иногда бекешь замѣняютъ ее вполнѣ. По крайней мѣрѣ еще недѣли 2 не предвидится никакого серьезнаго дѣла въ Севастополѣ, наши дѣлаютъ ночью небольшія вылазки; въ одной изъ нихъ наши унесли на рукахъ три мортиры съ непріятельской батареи; одинъ казакъ схватилъ спящаго офицера, тотъ ему откусилъ носъ, а казакъ, руки котораго обхватили крѣпко француза, укусивъ его въ щеку, доставилъ его плѣннымъ. Непріятель подходитъ все ближе, ждутъ еще новаго дессанта, но ничего вѣрнаго. Великіе Князья проѣхали отсюда ночью въ Петербургъ — говорятъ, что Императрица нездорова, — и хотѣли опять возвратиться, но наврядъ ли; имъ,

я думаю, жизнь въ Севастополѣ порядочно надоѣла. Въ Симферополѣ новый генералъ-губернаторъ Адлербергъ; не знаю, какъ-то онъ справится, но положеніе незавидное. Къ веснѣ, я думаю, если будетъ все такъ продолжаться, какъ теперь, то разовьется тифъ или что-нибудь хуже отъ этого стеченія раненыхъ и безпорядка въ транспортѣ. Если подумаешь, что въ Севастополѣ англичане хоронятъ своихъ мертвыхъ, зарывая только на аршинъ, что кругомъ на воздухѣ гніютъ внутренности убитыхъ животныхъ, вездѣ вокругъ лежитъ падаль, да если еще къ этому наступятъ весною жары, то весь край будетъ въ опасности заразиться. Я это толковалъ Адлербергу и подалъ ему докладную записку, но онъ жалуется на недостатокъ транспортныхъ средствъ и самъ не знаетъ, что́ начать. Въ Севастополѣ теперь тысячи 3 слишкомъ больныхъ и раненыхъ, въ Симферополѣ 4 и Карасубазарѣ 700, въ Бахчисараѣ 500, въ Ѳеодосіи 1500, вывозу нѣтъ, а другихъ мѣстъ въ цѣломъ Крыму до Перекопа также нѣтъ, да еще если къ этому пришлютъ новое число раненыхъ, то тогда Богъ знаетъ, какъ справиться. Но великъ русскій Богъ, надо надѣяться и молиться. Если увидишь Софью Андреевну (Суза—племянница Меншикова), то скажи ей, что я въ Симферополѣ всякій день видѣлся съ молодымъ Меншиковымъ; онъ контуженъ въ голову и, кажется, скоро опять

отправится въ Севастополь. Прощай, Христосъ надъ вами.

13 декабря. Бахчисарай.

Вчера получилъ твое письмо отъ 30 ноября, ты все жалуешься и сѣтуешь. Утѣшься, моя милая; я пишу сколько могу и могъ бы чаще къ тебѣ отправлять письма, но не всегда попадаю на фельдъегерей, особливо въ послѣднія 2 недѣли, когда я былъ въ разъѣздахъ, такъ что послѣднее письмо изъ Симферополя отъ 6 декабря съ почтою и не знаю когда ты его получишь. Будь покойна, мой ангелъ, и надѣйся на Бога. Я до сихъ поръ, слава Всевышнему, живъ и здоровъ. И такъ, если не получишь долѣе обыкновеннаго извѣстія, то это значитъ, что я въ отсутствіи, а если бы что́ случилось, то какъ бы мнѣ это горько ни было, я бы все-таки тебя извѣстилъ. Не грусти же, дорогая, повторяю тебѣ, береги себя для меня и для дѣтей, а то и я беречь себя не буду. Я сегодня же отправляюсь въ Севастополь; мы дорогу изъ Симферополя въ Севастополь дѣлаемъ верхомъ, 70 верстъ, иначе нѣтъ возможности, такъ скверна дорога. Письмо, которое при этомъ получишь, не показывай покуда никому, тутъ я говорю кое-что про Меншикова, чтобы это не разошлось. Чтобы не потерять счету, я къ тебѣ отправилъ

3 письма съ дороги (изъ Москвы, Харькова, Екатеринослава), 2 изъ Севастополя черезъ Медицинскій Департаментъ (изъ Симферополя по почтѣ и 1 изъ Бахчисарая), теперь также съ фельдъегеремъ. Будь увѣрена, что я не лѣнюсь и помню о тебѣ, а главное повторяю: береги себя. Сегодня здѣсь первый морозикъ, а то до сихъ поръ стояла чудеснѣйшая лѣтняя погода или дождь лилъ безъ милосердія; вчера еще въ саду Бахчисарайскаго дворца я сидѣлъ до 1 ч., дикія розы въ цвѣту; мое путешествіе и самый Бахчисарай я тебѣ опишу послѣ. Не видавъ Севастополя уже 2 недѣли почти, знаю только по слухамъ, что́ тамъ дѣлается. Сюда прибылъ Сакенъ; теперь всѣ надѣются, что пойдетъ лучше, но когда и ка́къ это все кончится еще никто и ничего не знаетъ, и я не знаю, когда мнѣ можно будетъ уѣхать, впрочемъ всѣ надѣются. Будетъ ли взятъ Севастополь—я спрашивалъ у матросовъ.—Не надѣемся, отвѣчали они, прежде могли бы взять, а теперь такъ нѣтъ-съ. Про сестеръ милосердія я тебѣ написалъ въ письмѣ изъ Симферополя. Если Великая Княгиня пришлетъ къ тебѣ узнать, то скажи, что сестры до сихъ поръ принялись съ ревностью ухаживать за больными, такъ что 2 занемогли, но, надѣюсь, выздоровѣютъ; до сихъ поръ ничего не слышно о любовныхъ интригахъ съ офицерами, но какъ объ этомъ начали-было пого-

варивать, то я запретилъ посылать сестеръ къ юнкерамъ, тѣмъ болѣе, что между ними мало опасно раненыхъ, пять изъ нихъ будутъ жить въ Бахчисараѣ, а остальныя всѣ переѣдутъ въ Севастополь. Сердобольныя Императрицы, адресованныя Гофманомъ ко мнѣ, еще не пріѣзжали и останутся, пріѣхавъ, въ Симферополѣ; черезъ это надѣюсь избѣжать различныхъ столкновеній между ними. Больнымъ здѣсь все еще худо, перевозъ ихъ изъ одного мѣста въ другое ужасенъ: въ некрытыхъ телѣгахъ, безъ шубъ, ночлеги на открытомъ воздухѣ, или въ холодныхъ избахъ, потомъ переѣздъ въ лодкахъ черезъ Днѣпръ верстъ 17, но и объ этомъ напишу тебѣ подробно послѣ. Прощай, моя дорогая, будь покойна, по крайней мѣрѣ, если не можешь быть веселою, береги дѣтей, цѣлуй ихъ, благослови ихъ. Смотри же, о Меншиковѣ въ моемъ письмѣ не говори никому. Цѣлую и обнимаю тебя!

18 декабря. Севастополь.

Получилъ твое письмо отъ 8 декабря сегодня и съ флигель-адъютантомъ Шеншинымъ посылаю тебѣ 2 письма: одно письмо изъ Бахчисарая, во время моего проѣзда, другое сегодня за часъ до отъѣзда Шеншина и потому я спѣшу: тебѣ нужно только знать, живъ ли, здоровъ ли? Живъ, здоровъ покуда!

Письмо, которое я хотѣлъ отправить изъ Бахчисарая, не отправили потому, что не нашли фельдъегеря и потому его взялъ Шеншинъ вмѣстѣ съ этимъ: оно по адресу конторы Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Елены Павловны, и потому ты получишь оба письма,—одно отъ Шеншина, другое же изъ конторы Великой Княгини. Если она пришлетъ спросить, то скажи, что Ея сестры до сихъ поръ оказались очень ревностными, какъ только можно требовать: день и ночь въ госпиталяхъ. Двѣ занемогли. Онѣ поставили госпитали вверхъ дномъ, заботятся о пищѣ, питьѣ, просто чудо, раздаютъ чай и вино, которое я имъ далъ; если такъ пойдетъ, если ихъ ревность не остынетъ, то наши госпитали будутъ похожи на дѣло. Несмотря на все это, худыя начала не исправляются легко. Въ Симферополѣ лежатъ еще больные въ конюшнѣ, соломы для тюфяковъ нѣтъ, и старая солома съ мочею и гноемъ высушивается и снова употребляется для тюфяковъ; соломы здѣсь уже совсѣмъ нѣтъ (въ Севастополѣ); пудъ сѣна стоитъ 1 р. 75 к. Въ открытыхъ телѣгахъ, безъ тулуповъ, везутъ больныхъ въ теченіе 7 дней изъ Симферополя въ Перекопъ; они остаются безъ ночлега на чистомъ полѣ или въ нетопленныхъ татарскихъ избахъ, остаются иногда дня три безъ ѣды и пр. и проч., а если будетъ еще новое дѣло, то Богъ знаетъ, что̀ сдѣлаютъ съ ранеными.

Вотъ слѣдствія безпечности и непредусмотрительности, когда ничего не заготовляли, шутили, не вѣрили опасности и не приготовлялись.

Одно письмо изъ Симферополя, посланное по почтѣ, ты получишь вѣрно послѣ этого письма; я два письма послалъ изъ Симферополя,—одно отдалъ сыну Меншикова съ курьеромъ, а другое по почтѣ. Сестра Лоде осталась съ 5-ю другими въ Бахчисараѣ, тамъ ея братъ.

Слава Богу, что ты успокоилась. Вѣрь, моя дорогая, если ты покойна и здорова, если дѣти веселы и здоровы, то это даетъ мнѣ силу и бодрость духа переносить всѣ труды и лишенія. Цѣлую милліонъ разъ тебя и дѣтей и благословляю.

Твой

Корпіи и бинтовъ присылай, чѣмъ больше, тѣмъ лучше.

25 декабря Севастополь.

Сегодня получилъ твое письмо отъ 12 декабря и спѣшу мое отослать съ фельдъегеремъ, который уѣзжаетъ сегодня. По возвращеніи моемъ изъ Симферополя я нашелъ здѣсь все по старому, за исключеніемъ потери одного товарища, котораго ты видѣла у насъ и имя котораго ты не могла еще хорошо выговорить—Сохраничева. Пріѣхавъ изъ Сим-

ферополя, я засталъ его въ бреду, онъ узналъ и не узналъ меня и былъ уже 6 дней больнымъ; еще 6 дней продолжалась болѣзнь, бредъ и молчаніе перемежались, агонія продолжалась три дня; больной — совершенный трупъ, безъ пульса, съ холодными руками, дышалъ и двигался судорожно. Я долженъ былъ перейти въ одну комнату вмѣстѣ съ Обермюллеромъ и Каде: отъ этого наша квартира была похожа на что-то среднее между казармами и госпиталемъ; возлѣ насъ лежалъ умирающій, и мы должны были и обѣдать, и разговоры вести, безпрестанно слушая стоны и видя агонію этого умирающаго, — ко всему привыкаешь. Бѣдный Сохраничевъ, здоровый и крѣпкій, когда пріѣхалъ сюда, онъ имѣлъ какое-то предчувствіе. — «Знаете-ли, — сказалъ онъ мнѣ, войдя въ первый разъ въ комнату, — что здѣсь умеръ генералъ Соймоновъ?» — Ну, такъ что же? — отвѣчалъ я: — я жилъ не разъ въ квартирахъ, гдѣ люди умирали! — «Нѣтъ, это все худо», — сказалъ онъ. — И что̀ же, Сохраничевъ — атеистъ, какъ это я узналъ отъ него изъ разговоровъ по дорогѣ, запретилъ себя вскрывать по смерти.

О путешествіи моемъ верхомъ изъ Симферополя черезъ Бахчисарай я, кажется, писалъ къ тебѣ. Другого средства нѣтъ теперь. Вотъ уже 3-й день какъ погода перемѣнилась; настала зима: $8-10^0$ холода, снѣгъ, и у насъ въ комнатахъ, въ батареѣ,

порядочно холодно, такъ что мы сидимъ въ солдатскихъ шинеляхъ. Въ Симферополѣ, въ Бахчисараѣ и Карасубазарѣ мы встрѣтили оригиналовъ, какихъ въ Петербургѣ не встрѣтишь, потому нужно о нихъ кой-что разсказать. Въ Симферополѣ Федоръ Алексѣевичъ и Ѳекла Кузьминична Цѣтловы,—главный д-ръ госпиталя; мы у него жили три дня, возвратившись изъ Карасубазара. Ѳекла Кузьминична живетъ угощеніемъ; что́ только она мнѣ въ эти три дня давала ѣсть, за то Богъ ей судья; я отъ роду ничего подобнаго не ѣлъ: вареники, соленый гусь, разные пирожки, колбасы, кромѣ разныхъ закусокъ и пр. Сама Ѳекла Кузьминична дама презентабельная, высокая, толстая, и говоритъ малороссійскимъ діалектомъ, какъ пишетъ. У Ѳеклы Кузьминичны человѣкъ 10 дѣтей, они всѣ гуляютъ по двору, бѣгаютъ по комнатамъ и дѣлаютъ, что́ имъ угодно. Федоръ Алексѣевичъ человѣкъ чрезвычайно добрый и смирный, имѣетъ обыкновеніе приговаривать къ каждому слову: сдѣлайте одолженіе. Ѳекла Кузьминична называетъ его Федюшей. Особливо непріятенъ ей директоръ госпиталей, посаженный Меншиковымъ, баронъ фонъ Кюстеръ. Безъ нея Федора Алексѣевича давно бы заѣли, но какъ только онъ начнетъ ослабѣвать и поддаваться, Ѳекла Кузьминична крикнетъ: Федюша — и Федоръ Алексѣевичъ пріосанится и сейчасъ же скажетъ (басомъ): сдѣлайте одолже-

ніе!» Въ Карасубазарѣ между татарами нашелся одинъ русскій, городничій, князь Звенигородскій, съ фамиліей, состоящей изъ жены и двухъ дочерей. Обѣ воспитаны въ Полтавскомъ институтѣ, говорятъ также на малороссійскомъ діалектѣ и съ нѣкоторыми претензіями на сентиментальность, такъ что Обермюллеръ былъ опутанъ розовыми сѣтями. Городничій Карасубазара до сихъ поръ хорошо распоряжался, дай Богъ ему здоровья, но положеніе его незавидное, онъ окруженъ татарами, которыхъ собирается въ базарные дни тысячъ до пятнадцати, а у него всего-навсего 30 казаковъ и 40 старыхъ инвалидовъ; но зато онъ безпрестанно разъѣзжаетъ съ своими казаками по городу и разгоняетъ всѣ скопища въ публичныхъ мѣстахъ. Въ Бахчисараѣ мы оставались два дня, и городъ, когда въѣзжать въ него верхомъ, кажется совсѣмъ другимъ, чѣмъ смотря на него изъ тарантаса. Ханскій дворецъ дѣйствительно живописенъ, и я понимаю теперь, что Пушкинъ, бывъ здѣсь лѣтомъ, предался поэтическимъ мечтамъ. Мы видѣли и фонтанъ слезъ, и гробницу Маріи съ луною надъ крестомъ, и бывшій гаремъ Гирея. На дворѣ около фонтана зеленѣли мирты и цвѣли дикія розы, вокругъ тянется цѣпь горъ. Поутру отсюда ѣздили въ Успенскій монастырь, вырубленный въ скалѣ, и, къ удивленію, намъ отслужилъ молебенъ нѣмецъ,

отецъ Ефремъ, принявшій греко-россійскую вѣру,— родня Обермюллера.

Здѣсь въ Севастополѣ дѣла впередъ не подвигаются, все то же и то же, всякій день раненыхъ и убитыхъ понемногу, ночью вылазки съ нашей стороны, приходятъ въ лагерь англичане и французы и передаются; говорятъ и о томъ, что хотятъ сильно бомбардировать, говорятъ и о томъ, что ждутъ дессанта, говорятъ и о зимовкѣ, но все одни слухи, какъ и въ Петербургѣ. Въ послѣдніе два дня мало стрѣляли, непріятель ведетъ мины у одной батареи, чтобы взорвать ровъ, наши ведутъ контрмину; недавно они выступили, чтобы взять изъ Байдарской долины овецъ, и имъ удалось отогнать до 1000, а въ прочемъ все спокойно, какъ будто бы и ничего не бывало, и если бы не пушечные выстрѣлы отъ времени до времени съ батарей, то и забылъ бы, что находишься въ Севастополѣ. Не знаю, долго ли то продолжится такая зима и если долго, то, можетъ быть, окажетъ какое-нибудь вліяніе. Штурмовать они покуда не сунутся, дессантъ теперь также труденъ, и такъ вѣрно, что они останутся зимовать. Хорошо укрѣпившись на Балаклавѣ, имъ нечего бояться. Когда уѣду изъ Севастополя, ничего не знаю, но начавъ свое дѣло, распорядивъ разныя отдѣленія, дѣлая разныя наблюденія, не хотѣлось уѣзжать безъ результата. Впрочемъ, будущее въ ру-

кахъ Бога, и ты знаешь, я не люблю толковать о томъ, что́ нужно будетъ сдѣлать. Ты хочешь мнѣ присылать разныя вещи,—пришли сигаръ и кофейникъ, мой начинаетъ распаиваться, больше мнѣ ничего не нужно. Мой тарантасъ, чемоданъ и все тяжелое я оставилъ въ Симферополѣ и здѣсь живу налегкѣ. Сестры еще сюда не пріѣхали, и теперь не скоро будутъ, потому что дорогу въ Бахчисарай занесло снѣгомъ и другой почты нѣтъ, какъ верховой, но я ожидаю ихъ сюда съ нетерпѣніемъ, онѣ здѣсь необходимы; больные хотя получаютъ чай, который имъ раздаютъ нѣсколько женщинъ, но неаккуратно, да и вообще уходъ сестеръ за ранеными болѣе бдительный незамѣнимъ. Если увидишь фрейлину Раденъ, скажи ей, что Великая Княгиня, отрядивъ сестеръ милосердія въ Севастополь, оказала услугу истинную страждущему человѣчеству и сдѣлала переворотъ въ госпиталяхъ, введя въ нихъ чуткій женскій элементъ при уходѣ за больными. Жаль, что вотъ теперь 8 сестеръ, какъ я слышалъ, заболѣли въ Симферополѣ. Прощай, моя дорогая, и благослови дѣтей. Цѣлую и обнимаю тебя и ихъ.

Твой

3 января 1855 года. Севастополь.

Покуда сѣверныя укрѣпленія. На этихъ дняхъ, вѣроятно, переѣду въ городъ, который покуда совершенно безопасенъ, потому что обѣ стороны находятся почти въ совершенномъ бездѣйствіи, за исключеніемъ ночныхъ вылазокъ съ нашей стороны, которыя нерѣдко насъ будятъ ночью, а днемъ доставляютъ человѣкъ по 10 раненыхъ. Съ Новымъ годомъ, моя дорогая! Хочешь ли знать, какъ мы встрѣтили 1855 г.? Вотъ тебѣ описаніе. Наканунѣ натопили печку жарко-на-жарко проклятымъ антрацитомъ, а Калашниковъ вздумалъ сдѣлать сюрпризъ намъ и, за недостаткомъ шампанскаго, напоилъ чѣмъ-то въ родѣ Донского, которое, по его предположенію, должно было произвести значительный эффектъ при откупориваніи бутылки. Сверхъ этого собралось человѣкъ шесть вооруженныхъ папиросами и сигарами врачей для провожанія стараго года. Слѣдствіемъ всего этого былъ жестокій угаръ, который не въ состояніи была разогнать и жестокая ночная перепалка на батареяхъ. Я проснулся съ сильною головною болью и думалъ уже было остаться цѣлый день дома, но, къ счастью, не сдѣлалъ этой глупости, пошелъ въ госпиталь и немного разгулялся, не надѣясь, однако, весело встрѣтить Новый годъ.

Однако устроилось иначе: штабъ-лѣкарь съ позиціи, бывшій мой ученикъ, пришелъ съ приглашеніемъ отъ своего полкового командира встрѣчать Новый годъ у нихъ, а я только что вернулся изъ госпиталя и сначала сталъ отказываться, но потомъ — куда ни шло — согласился. Двое изъ насъ поѣхали въ коляскѣ, я и штабъ-лѣкарь верхами на позицію. Что́ это за штука такая позиція? А вотъ что́. Верстахъ въ 5 отъ Севастополя между горами, не вдалекѣ отъ Черной рѣчки, мы нашли множество разсѣянныхъ кучекъ снѣгу — вотъ уже 5 дней какъ у насъ лежитъ снѣгъ — подъ этими кучками скрываются землянки, сооруженныя изобрѣтательностью солдатскаго ума. Спустившись ступеней на 5 или аршина на $2^1/_2$ въ глубину, мы очутились въ довольно просторной комнатѣ съ накрытымъ столомъ для гостей полкового командира Одесскаго полка, полковника Скюдери. Стѣны были обиты затрапезными халатами; одно окно, вдѣланное въ землю, освѣщало комнату; топилась изъ камней сложенная печь, ни сколько не дымясь, несмотря на вьюгу на дворѣ, — труба изъ нея выходила наружу также черезъ землю. Столъ былъ человѣкъ на 20; гости были: бригадный генералъ, полковой священникъ, квартирмейстеръ, провіантмейстеръ, два штабъ-лѣкаря, мы втроемъ и нѣсколько штабъ-офицеровъ. Начался обѣдъ, да еще какой! Были и заливное, и кулебяка,

и дичь съ трюфелями, паштеты, желе и шампанское! Знай нашихъ! А еще жалуемся на продовольствіе, говоримъ, что у насъ сухари заплѣснѣвѣли. Если бы французы и англичане посмотрѣли на такой обѣдъ, такъ ужъ вѣрно бы ушли, потерявъ надежду овладѣть Севастополемъ. За обѣдомъ дивизіонный квартирмейстеръ, питухъ и острякъ, морилъ всѣхъ со смѣху; бригадный толстякъ и добрякъ двигалъ съ задумчивостью челюсти; всѣ прочіе были совершенно въ своей тарелкѣ. Хозяинъ, красавецъ собою, герой съ простр ѣленной рукою, угощалъ насъ на славу. Пили за здоровье Государя, заиграла музыка, грянулъ хоръ пѣвчихъ: Боже, Царя храни!—Къ концу обѣда на дворѣ послышался шумъ и гамъ; это было офицерство, натянувшееся въ другой сосѣдней палаткѣ и провозглашавшее громкіе тосты. Мы вышли всѣ наружу. Снѣгъ падалъ крупными хлопьями, насъ окружали побѣлѣвшія горы, вдали на горахъ виднѣлся непріятельскій лагерь; образовался кругъ изъ музыкантовъ, пѣвчихъ и офицеровъ, и въ срединѣ этого круга, въ грязи по лодыжки поднялась пляска. Полковой штабъ-лѣкарь, мой ученикъ, виртуозъ на гримасы, въ солдатской шинели, заворотивъ полы, въ сапогахъ по колѣно, въ бараньей шапкѣ, отдувалъ канканъ съ прапорщикомъ, представлявшимъ петербургскаго бальнаго дэнди; не утерпѣли и другіе гости, составилась мазурка; хозяинъ, полковникъ съ подвя-

занной рукой, и баталіонный командиръ стали также въ ряды танцоровъ. Завязался пиръ горою. Я помиралъ со смѣху; нельзя было не быть веселымъ, видя какъ весело и беззаботно живетъ русскій человѣкъ; тамъ за горой слышались пушечные выстрѣлы, въ траншеяхъ рылись и стрѣлялись; здѣсь отваливали трепака, пускались въ присядку, а одинъ солдатъ, выворотивъ на изнанку нагольный тулупъ, даже ходилъ въ грязи вверхъ ногами и такъ пятками пощелкивалъ, что любо-дорого было смотрѣть. Кончилось наконецъ тѣмъ, что начали гостей поднимать на руки и качать на воздухѣ, запивая всѣ эти движенія шампанскимъ; меня также раза три приподняли такъ, что я боялся, чтобы въ грязь не шлепнуться; головную боль какъ рукой сняло, и я былъ отъ души веселъ. Ужъ поздно ночью мы воротились домой. Что́ же дѣлалось у насъ въ главной квартирѣ? Съ утра Меншиковъ заперъ ворота на замокъ, не принималъ никого и не дѣлалъ визитовъ, это по-моему не худо; но худо то, что онъ никого не угостилъ обѣдомъ; скучной и мрачной оставалась главная квартира въ Новый годъ, какъ и прежде; это не по-русски.

И мы, и союзники у моря, видно, погоды ждемъ. Днемъ теперь почти-что не стрѣляютъ, но всегда ночью ходятъ на вылазки; раненые солдаты, возвратившись съ вылазки, разсказываютъ что у непріятеля

около траншей снѣга нанесло съ горы; работы, кажется, впередъ не подвигаются. Съ ноября мѣсяца начали переходить къ намъ французскіе и русскіе дезертиры; начали однакоже нѣмцы изъ иностраннаго легіона; изъ нихъ двухъ бывшихъ трубочистовъ я нашелъ въ госпиталѣ, они разсказывали, что французы ихъ обманули, обѣщаясь вести ихъ въ Алжиръ, а привели въ Севастополь. Но теперь являются къ намъ и настоящіе англичане и французы, жалуясь на холодъ и плохую обувь. Есть однакоже у англичанъ, по разсказамъ, человѣкъ 500 мастерски одѣтыхъ, сапоги по поясъ, на плечахъ макинтоши и полушубки, на головѣ медвѣжьи шапки съ наушниками. Землянокъ они, сколько извѣстно, не дѣлаютъ, а живутъ въ наружныхъ палаткахъ. Если зима удержится по крайней мѣрѣ какъ теперь, съ морозомъ градусовъ въ 8, съ вѣтромъ и снѣгомъ по лодыжки, то, можетъ быть, прокъ будетъ. У насъ, между тѣмъ, съ каждымъ днемъ транспорты дѣлаются все хуже и хуже. 60 верстъ между Симферополемъ и Севастополемъ нужно ѣхать въ повозкѣ недѣли двѣ, не преувеличивая. Отъ этого все вздорожало и ничего нельзя почти достать, только мясо довольно дешево; сухарей у солдатъ дней 10 нѣтъ; полушубки, которые должны были прійти къ 15 декабря, и теперь еще не пришли; водки также по цѣлымъ недѣлямъ не бываетъ. Можно себѣ пред-

ставить что́ такое транспортъ больныхъ при такихъ средствахъ. Я видѣлъ какъ отправлялись 700 больныхъ изъ Симферополя въ Перекопъ; ихъ положили по 3 и по 4 на татарскія арбы, безъ подстилокъ, безъ покрышекъ, въ однѣхъ солдатскихъ шинеляхъ, надѣтыхъ у нихъ только на рубашки, и такъ повезли въ путь, продолжающійся цѣлую недѣлю; а ночлеговъ нигдѣ нѣтъ, слѣдовательно, ночуй подъ открытымъ небомъ. На этихъ дняхъ однако привезли провизію, только не для людей, а для войны: бомбъ и ядеръ изъ Екатеринослава и пороху, котораго нѣсколько сотъ пудовъ свалили въ углу батареи, возлѣ нашей квартиры; это пріятное сосѣдство не мѣшаетъ намъ однакоже нисколько разводить самовары и курить преспокойно табакъ. Пронеслись-было слухи, что союзники хотятъ сдѣлать новый дессантъ и обойти насъ со стороны сѣверныхъ укрѣпленій; разомъ построили новую земляную батарею на $^1/_4$ версты отъ нашей квартиры; говорили также о высадкѣ около Перекопа, и поэтому, вѣроятно, остановили около Перекопа шедшую къ намъ дивизію. Къ намъ прибыли однакоже резервы для укомплектованія полковъ, но также кажется, чтобы только выжидать. Война наша идетъ рѣшительно на выдержку: кто оттерпится, тотъ и правъ. О будущемъ, какъ всегда и вездѣ, никто ничего не знаетъ. Объ Остенъ-Сакенѣ, прибытіе котораго надѣлало-было

шума, теперь замолчали; онъ живетъ въ городѣ и сказывается больнымъ. Никто ничего не знаетъ, развѣ молчаливый князь М... Не знаютъ, въ какой мѣрѣ нуждаются союзники. Одинъ лѣкарь, также бывшій мой ученикъ, Бѣликовъ, служившій въ Балаклавскомъ баталіонѣ и вмѣстѣ съ нимъ попавшій въ плѣнъ къ англичанамъ, сказывалъ мнѣ, что до 2 ноября (въ этотъ день они его отправили въ Ялту), они вмѣсто свѣжаго мяса давали солонину. Они моего достойнаго ученика ограбили и продержали на гауптвахтѣ двѣ недѣли вмѣстѣ съ преступниками за одно недоразумѣніе: онъ хотѣлъ отправиться вмѣстѣ съ одною греческою фамиліею въ Ялту. Лордъ Рогланъ позволилъ этому семейству отправиться. Имя Бѣликова было уже внесено въ списокъ отъѣзжающихъ и передано капитану. Бѣликовъ собралъ свои пожитки, состоявшіе изъ шинели, калошъ и шапки, и шелъ уже на пароходъ, какъ его вдругъ остановили на дорогѣ, потребовали именное приказаніе отъ Роглана, и когда онъ сказалъ, что у него нѣтъ такого, то его посадили на гауптвахту, кормили галетами и отпустили только по ходатайству Уптона. Этотъ молодецъ вмѣстѣ съ Кетли, бывшимъ консуломъ въ Керчи, также у нихъ въ Балаклавѣ; измѣнники ли они или принужденные — не извѣстно, первое однакоже вѣроятнѣе. Уптонъ женатъ на дочери хана Гирея и далъ Бѣликову при его

отъѣздѣ письмо своей тещѣ ханшѣ, родомъ англичанкѣ. Разумѣется, это письмо было имъ передано губернатору. Сначала Уптонъ и другіе утѣшали несчастнаго врача, что черезъ нѣсколько дней, со взятіемъ Севастополя, возвратятъ ему всѣ расхищенныя солдатами вещи; разсказывали ему также, что изъ Севастополя прилетаютъ къ нимъ бомбы съ письмами о сдачѣ города, но потомъ все рѣже и рѣже стали объ этомъ говорить и наконецъ 12 ноября отпустили его съ миромъ во-свояси. Отъ него я узналъ, что англичане также валяютъ своихъ солдатъ, раздѣвъ ихъ и привязавъ ихъ сначала къ столбу; особливо достается туркамъ; онъ, содержавшись на гауптвахтѣ, былъ не разъ очевидцемъ экзекуцій. Грабить отчасти мастера, но въ этомъ искусствѣ, кажется, уступаютъ нашимъ; по крайней мѣрѣ на Бельбекѣ, между Симферополемъ и Севастополемъ, почти всѣ дачи, сады и пр. разграблены нашими во время ихъ отступленія послѣ сраженія подъ Альмою. Николай Ивановичъ Пущинъ писалъ мнѣ о какихъ-то злоязычныхъ слухахъ про Нахимова. Скажи ему, что это враки. Нахимовъ теперь сидитъ дома въ городѣ, нездоровъ, но здѣсь всѣ, и именно морскіе, говорятъ о немъ, какъ онъ этого заслуживаетъ—съ уваженіемъ.

Слава Богу, ты, кажется, перестала сильно грустить. Успокойся, моя дорогая, и я буду спокоенъ.

Смотри за дѣтьми, работай и молись, а прочее предоставь Всевышнему. Я съ этою почтою пишу Великой Княгинѣ о сестрахъ, изъ которыхъ 14 захворали, а 2 умерли отъ непривычныхъ трудовъ, но Богъ ихъ не оставитъ за ихъ добрыя дѣла. Я описываю Великой Княгинѣ дѣятельность посланныхъ ею сестеръ и врачей, которая по-правдѣ достойна похвалы.

Твой

13 января 1855 г. Севастополь.

Два дня тому назадъ мы пріѣхали въ городъ. Не думай однакоже, дорогая, что въ городѣ опаснѣе, чѣмъ въ батареѣ, гдѣ мы жили; и здѣсь, и тамъ одинаково покуда безопасно; что́ будетъ дальше, Богъ знаетъ. Стрѣляютъ все такъ же, какъ и прежде, вообще мало; пускаютъ отъ времени до времени нѣсколько бомбъ отъ насъ и отъ *него*,—ты знаешь, что *онъ* это значитъ непріятель. Не знаю какъ наши бомбы, но непріятельскія вообще мало дѣлаютъ вреда· недавно, однакоже, одна влетѣла въ матросскій домикъ въ Корабельной слободѣ, убила одного мальчика и, разорвавшись, обожгла двухъ маленькихъ дѣтей и мать. Но вообще это рѣдко; большая часть ихъ бомбъ, такъ же какъ и нашихъ, направлена на батареи южной стороны города; здѣсь случается, что

иная, лопнувъ, разорветъ такъ человѣка, что его и по кускамъ не соберешь; всего чаще, однакоже, встрѣчаются раны штуцерными пулями. Что непріятель теперь думаетъ дѣлать, трудно рѣшить; работы его медленны, недавно онъ велъ мину противъ 4-й южной батареи, мы вели контрмину,—онъ узналъ это и бросилъ. Прежде все говорили, что онъ скоро откроетъ батарею противъ сѣверной бухты, гдѣ стоитъ большая часть флота, но теперь и объ этомъ не стало слышно; батарея эта видна, но безъ пушекъ; противъ нея и наши сдѣлали двѣ батареи на возвышеніяхъ; говорили, что онъ хочетъ устремиться на сѣверную сторону, что будетъ новая высадка, теперь и объ этомъ ничего не слышно. Къ намъ подходятъ понемногу резервы, но транспортъ все еще труденъ, какъ и прежде. Послѣ того, какъ около 6 января были морозы градусовъ въ 7—8 и стоялъ дней 5 санный путь, все опять растаяло, сдѣлалось тепло, какъ въ апрѣлѣ, а теперь вотъ уже 3 дня тихо, градуса два мороза, а на солнцѣ 10° тепла. Непріятель вѣрно много терпитъ; вчера еще перешли къ намъ человѣкъ 16 англичанъ и египтянъ; жалуются на холодъ и удручающія работы; отъ насъ также иногда перебѣгаютъ то какой-нибудь полякъ, то рядовой, пропившій аммуницію. Вылазки ночныя дня четыре не дѣлаются; можетъ быть, къ чему нибудь приготовляются подѣльнѣе; на этихъ вылаз-

кахъ англичанъ застаютъ въ траншеяхъ почти всегда спящими, и потому наши вылазки въ англійскія траншеи ночью всегда удачнѣе: и бьютъ ихъ, и вяжутъ, и живьемъ берутъ; во французскія траншеи не такъ легко удаются, французы бдительнѣе. Наши покуда переносятъ труды и перемѣну погоды еще довольно порядочно, хотя больныхъ поносами и лихорадками и у насъ довольно; но резервы на пути около Перекопа потеряли отъ усталости, холода и изнуренія разомъ 300 человѣкъ, которыхъ на-утро нашли въ грязи замерзшими. Мясо и хлѣбъ покуда есть, вино также есть, хоть и не всегда, сахаръ вздорожалъ, пудъ 17 рублей, а дня два его почти совсѣмъ и достать нельзя было; но покуда все еще нельзя жаловаться на сильные недостатки; прибываютъ постепенно и полушубки для арміи. Но что́ изъ всего этого будетъ, никто не знаетъ. Князь Меншиковъ живетъ попрежнему, какъ будто онъ и не существуетъ. Сакенъ, о которомъ прежде много говорили, также стихъ; его также мало видно и слышно. Корабли на бухтѣ стоятъ спокойно; одни вполовину вооружены, а другіе, какъ, напримѣръ, корабль Двѣнадцати Апостоловъ, и совсѣмъ безъ пушекъ,—стоятъ и зѣваютъ; пароходы штуки 4 иногда снуютъ по бухтѣ, да вечеромъ держатъ караулъ; мачты затопленныхъ кораблей выглядываютъ изъ моря; по этому-то случаю, говорятъ, и Двѣнадцать Апостоловъ обезору-

жили, приготовивъ для потопленія. Шесть непріятельскихъ винтовыхъ стоятъ въ виду, верстахъ въ 7 отъ входа въ бухту; всѣ другіе отосланы ими въ Стамбулъ на зимовку. Что́ дѣлается въ Балаклавѣ—мало извѣстно; словамъ плѣнныхъ и перебѣжчиковъ нельзя вѣрить, а другихъ лазутчиковъ, кажется, у насъ нѣтъ. Въ какой мѣрѣ англичане и французы терпятъ—мы знаемъ только изъ газетъ и отъ дезертировъ. Конецъ еще не скоро предвидится, но, кажется, наступленіе весны въ февралѣ должно же что-нибудь рѣшить, кто сильнѣе и настойчивѣе.—Въ городѣ все тихо, мы занимаемъ домъ въ Екатерининской улицѣ, которая идетъ прямо отъ пристани (Графской) въ гору и опоясывается бульваромъ, къ которому примыкаетъ возвышеніе съ батареи № 3. Квартира наша теперь огромная, комнатъ 7, всѣ меблированы, только холодны; а какъ дровъ здѣсь нѣтъ въ излишествѣ, то мы заняли только три комнаты. Екатерининская улица мало пострадала отъ бомбардировки, только нижній ея конецъ, примыкающій къ батареѣ, усыпанъ черепками бомбъ; окна домовъ перебиты и есть мѣстами пробоины въ стѣнахъ, но нѣтъ ни одного совершенно разрушеннаго дома. Въ этой улицѣ сдѣланы четыре баррикады изъ камней, въ каждой по двѣ и по четыре пушки; къ нашему жилью нужно также пробираться чрезъ одну баррикаду. Мы однажды въ

прекрасную лунную ночь гуляли вдоль нашей улицы и, заговорившись, дошли до подошвы батареи; мы замѣтили это, когда уже увидали вблизи бомбы, которыя летали около насъ. Обермюллеръ началъ жаловаться, что у него подошвы отъ страха вспотѣли; Калашниковъ увѣрялъ, что подвергаться опасности во время прогулки мы не имѣемъ права; вслѣдствіе этихъ причинъ мы возвратились по обломкамъ бомбъ домой, положивъ за правило впередъ не подвергать жизнь опасности гуляя. Впрочемъ все это страшно кажется издали, вблизи опасность принимаетъ совсѣмъ другой характеръ.—Занятій все еще гибель, устраиваются новые госпитали, по причинѣ труднаго транспорта раненыхъ въ самомъ городѣ; въ Дворянскомъ Собраніи устроенъ давно перевязочный пунктъ. — Только что сейчасъ прибыло второе отдѣленіе сестеръ; начальница ихъ Маркурова прислала мнѣ твой и дѣтей дагерротипы; Коля непохожъ, серьезенъ; ты прекрасно удалась, и я цѣловалъ тебя и дѣтей нѣсколько разъ; спасибо, дорогая, за прекрасный подарокъ. Сестры 1-го отдѣленія отъ занятій, непривычныхъ для нихъ, отъ климата и отъ усердія къ исполненію обязанностей почти всѣ переболѣли. Сама ихъ начальница лежитъ при смерти, три сестры уже умерли. Я радъ, что наконецъ хотя одно отдѣленіе сюда прибыло; оно здѣсь необходимо, некому поручить раздавать вино и чай больнымъ, всѣ здѣшнія

женщины, не исключая и знаменитой Дарьи, украшенной золотою медалью, не благонадежны и дѣлаютъ все, чая будущія награды. И такъ, прощай, моя дорогая, цѣлуй и благослови дѣтей, кланяйся всѣмъ нашимъ.

Да благословитъ васъ Богъ, моихъ милыхъ, дорогихъ.

Твой

Севастополь. 26 января 1855 г.

Твое послѣднее письмо отъ 24 января лежитъ предо мною. Вижу, что ты неисправима и опять начинаешь терять терпѣніе. Это не должно быть, однажды говорю навсегда. Какъ я могу тебѣ опредѣлить навѣрное, когда возвращусь? Развѣ это зависитъ теперь отъ меня, и я не понимаю, какъ ты, зная меня, спрашиваешь о времени моего возвращенія. Я говорилъ тебѣ и другимъ, что я напрашиваться ѣхать сюда и исправлять какую-либо должность не буду, какъ я бы ни былъ убѣжденъ, что эта должность будетъ по мнѣ, а если мнѣ дадутъ ее, то считаю за низость и малодушіе отказываться. Чѣмъ же я виноватъ и передъ кѣмъ, что у меня въ сердцѣ еще не застыли всѣ порывы къ высокому и святому, что я еще не потерялъ силу воли жертвовать; а то, для чего я жертвую счастьемъ

быть съ тобою и дѣтьми, должно быть также дорого и для тебя, и для нихъ. Сюда пріѣхалъ на дняхъ старикъ Волковъ изъ Москвы, служившій въ 12 году въ ополченіи; онъ уѣхалъ отъ дѣтей и внучатъ, чтобы помогать раненымъ и говоритъ: «Нельзя, батюшка, такую крѣпость отдать, а я сюда пріѣхалъ потому, что маракую и Четь-Минею прочесть, съумѣю и помочь, и ублажить больному». Такъ и я думаю.—Впрочемъ, я знаю, что и ты такъ же думаешь, а написала это въ минуту горести. Отгони грусть, вѣрь, люби и уповай.—Я, слава Богу, покуда не унываю, да и скучать здѣсь времени нѣтъ, хотя бы иногда и хотѣлъ поскучать о васъ, моихъ милыхъ; но день, несмотря на однообразіе осады, летитъ въ заботахъ. Я перемѣнилъ квартиру; мнѣ отвели почти цѣлый домъ въ Николаевской улицѣ, дали дрожки съ одной лошадью въ мое распоряженіе, и я разъѣзжаю по четыремъ госпиталямъ и перевязочнымъ пунктамъ; всякій день новые раненые; у меня мой отдѣльный штатъ, состоящій изъ 10 врачей и изъ 20 сестеръ; все вокругъ меня въ дѣятельности; до 2-хъ и до 3-хъ час. продолжается перевязка раненыхъ и операціи, потомъ я сажусь обыкновенно на баркасъ и переѣзжаю черезъ бухту на сѣверную сторону, тамъ также госпиталь; оттуда возвращаюсь къ обѣду домой; наѣвшись борщу и котлетъ или котлетъ и борщу, пью чашку кофе и засыпаю; въ 6 часовъ вечер-

няя визитація, потомъ повѣрка и корреспонденція или иногда и шахматы; такъ проходитъ день за днемъ, грохота пушекъ, лопанья бомбъ и не замѣчаешь. Недавно французы вздумали пустить нѣсколько ракетъ, состоящихъ изъ чугунныхъ цилиндровъ, съ какимъ-то зондикомъ на концѣ, изъ которыхъ двѣ упали саженяхъ въ 10 отъ нашего перевязочнаго пункта и онѣ сдѣлали глубокую яму аршина въ $2^1/_4$ на улицѣ, но никому и ничему вреда не причинили; ночью слышится пальба при вылазкахъ; недавно (третьяго дня) наши у 4-й батареи южной стороны засыпали 9 пудовъ пороху въ контрмину и взорвали непріятельскую мину, какъ слышно, весьма удачно. За полчаса до взрыва перебѣжалъ къ непріятелю одинъ изъ солдатъ, полякъ, а съ 1 января перебѣжали поляковъ и подсудимыхъ солдатъ человѣкъ до 15-ти; зато и отъ нихъ то и дѣло, что къ намъ прибѣгаютъ по 3 и по 4, разсказывая разныя нелѣпости. На этихъ дняхъ, однакоже, къ чему-то приготовляются,—это секретъ покуда, но когда мое письмо придетъ къ тебѣ, то уже не будетъ болѣе секретомъ; отъ меня потребовали также сестеръ и двухъ хирурговъ; дѣло будетъ, какъ кажется, между Евпаторіей и Севастополемъ, да можетъ быть и у самаго Севастополя, потому что мнѣ велѣно готовить кровати для больныхъ. Мѣсто-то еще можно какъ-нибудь найти,

но матрацовъ и бѣлья не хватаетъ, больные лежатъ недѣли по 3 на одномъ и томъ же грязномъ матрацѣ и въ одной и той же рубашкѣ; все-таки, однакоже, теперь меньше грязи и нечистоты, чѣмъ прежде. Сестры помогаютъ намъ усердно, жаль только что между ними, точно такъ же, какъ и между военными въ главной квартирѣ, есть множество интригъ. Сегодня былъ въ первый разъ у Остенъ-Сакена, человѣка чрезвычайно вѣжливаго и любезнаго. Онъ объ одномъ человѣкѣ говоритъ напрямикъ правду, и подѣломъ. Я радъ, что перебрался сюда въ городъ; въ главномъ Штабѣ главнокомандующаго сухопутныхъ и морскихъ силъ въ Крыму, не въ упрекъ буде ему сказано, зѣло скучновато; хоть бы онъ острилъ побольше, а то теперь даже острот отъ него не слышно. Въ городѣ хоть есть что́ посмотрѣть: дома мало пострадали отъ бомбардировки, только что народу мало, зато солдатъ много; виднѣются иногда и женщины,—остались нѣкоторыя даже жены моряковъ, такъ одна жена капитана Протопопова (пароходъ Крымъ) поитъ больныхъ въ баракахъ на сѣверной сторонѣ чаемъ, а сама живетъ съ мужемъ на пароходѣ, куритъ папироски и весьма уважаетъ Калашникова, съ которымъ познакомилась при постели больныхъ.—Ты меня пожалуйста, моя душка, не торопи, не забудь, что я теперь уже вольный казакъ и заслуженный

профессоръ; отслуживъ мои 25 лѣтъ, по новой царской милости отслуживаю уже еще пятилѣтіе, а служить здѣсь мнѣ во сто кратъ пріятнѣе, чѣмъ въ Академіи; я здѣсь по крайней мѣрѣ не вижу удручающихъ жизнь, умъ и сердце чиновническихъ лицъ, съ которыми по волѣ и неволѣ встрѣчаюсь ежедневно въ Петербургѣ. Въ войнѣ много зла, но есть и поэзія; человѣкъ, смотря смерти прямо въ рыло, какъ выражался начальникъ штаба Семякинъ, когда шелъ на приступъ съ азовцами, смотритъ и на жизнь другими глазами; много грусти, много и надежды, много заботъ, много и разливной беззаботности. Мелочности, весь хламъ приличій, вся однообразность формъ исчезаютъ, здѣсь не видишь ни киверовъ съ лошадиными хвостами, ни эполетъ, ни чиновническихъ фраковъ, и даже ордена видишь изрѣдка,—просто все закутано въ солдатскую сермягу, въ длинные грязные сапоги, какъ дома, такъ и на дворѣ. Я этотъ костюмъ довелъ до совершенства и сплю даже въ шинели. Посмотришь въ госпитали, и тутъ вся наша формальность исчезаетъ: кто лежитъ на кровати, кто на нарѣ, кто на полу; кто кричитъ такъ, что уши затыкай, кто умираетъ не охнувъ, кто махорку куритъ, кто сбитень пьетъ. Теперь въ госпиталѣ на перевязочномъ пунктѣ лежитъ матросъ, Кошка по прозванію, онъ сдѣлался знаменитымъ человѣкомъ, его посѣщали и Великіе Князья. Кошка

этотъ участвовалъ во всѣхъ вылазкахъ, да не только ночью, но и днемъ чудеса дѣлалъ подъ выстрѣлами. Англичане нашли у себя въ траншеяхъ двухъ нашихъ убитыхъ, привязали ихъ, чтобы обмануть нашихъ, думая, что ихъ будутъ считать за часовыхъ. Кошка днемъ подкрался ползкомъ до траншей, нашелъ англійскія носилки, положилъ трупъ на эти носилки изъ полотна, прорѣзалъ въ нихъ дыры и, пропустивъ чрезъ дыры руки по плечо, надѣлъ носилки вмѣстѣ съ трупомъ себѣ на спину и потомъ опять ползкомъ отправился къ себѣ во-свояси; градъ пуль былъ въ него пущенъ, шесть пуль попало въ трупъ, а онъ приползъ здоровехонькій. Теперь онъ лежитъ въ госпиталѣ, его хватили на вылазкѣ штыкомъ въ брюхо, но, къ счастію, штыкъ прошелъ только подъ кожею и не задѣлъ кишки. Онъ теперь уже выздоровѣлъ, погуливаетъ, покуриваетъ папироски и недавно еще содралъ съ одного посѣтителя нѣсколько копѣекъ на водку. Съ Великими Князьями пріѣхалъ, говорятъ, сюда Тимъ, и портретъ Кошки будетъ напечатанъ въ Листкѣ. Погода здѣсь опять измѣнилась. Послѣ морозовъ въ началѣ января настала весенняя погода; дня три тому назадъ подмерзло опять, а теперь два дня опять оттепель и дуетъ южный вѣтеръ, мы отворяемъ балконъ, погода какъ въ Петербургѣ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. О дѣлахъ въ Европѣ я знаю только по слухамъ и

нѣкоторымъ запоздалымъ вѣдомостямъ. Не вѣрю, чтобы миръ состоялся,—слишкомъ далеко зашли, развѣ какое чудо случится и будетъ какая-нибудь блистательная неудача съ той или съ другой стороны. Во французской газетѣ я читалъ все-таки о «coup décisif» [1]), а дезертиры толкуютъ также о бомбардировкѣ въ февралѣ мѣсяцѣ, но все это пустое. Un coup décisif теперь покуда ни съ той, ни съ другой стороны невозможенъ; непріятелю, очевидно, нельзя взять Севастополь, не обошедши насъ и съ сѣверной стороны; на штурмъ они не сунутся; чтобы обойти насъ съ сѣверной стороны, имъ нужно сдѣлать сильный дессантъ, а чтобы сдѣлать сильный дессантъ, нужно другое время года. Что̀ будетъ съ нашей стороны, если состоится это движеніе одного отряда, вѣроятно, къ Евпаторіи, которое теперь предполагается (и содержится въ тайнѣ)—одинъ Богъ знаетъ, а уже вѣрно не Меншиковъ, который недавно, встрѣтивъ одного изъ врачей, спросилъ его: «Много ли раненыхъ?»—Всякій день прибываетъ,—отвѣчалъ тотъ.—«Долго ли же это будетъ продолжаться, скажите мнѣ», сказалъ М... — Это Ваша Свѣтлость должны лучше знать. — «Поговариваютъ что-то о мирѣ», отвѣтилъ главнокомандующій.—Сколько можно судить по разсказамъ дезертировъ,

[1]) Рѣшительномъ ударѣ.

то войско у англичанъ довольно деморализировано, всѣ наши вылазки противъ англичанъ гораздо лучше удаются, чѣмъ противъ французовъ; англичанъ застаютъ обыкновенно спящими въ траншеяхъ; недавно одинъ дезертиръ разсказывалъ, что лордъ Рогланъ исчезъ, вѣроятно, что его хотятъ смѣнить. Говорятъ, что если бы не удерживать строгій караулъ, то перешли бы къ намъ цѣлыя роты изъ иностраннаго легіона и отъ англичанъ. Дай Богъ, чтобы это была правда. Кораблей ихъ теперь мало видно, изъ моихъ оконъ можно насчитать только до 6 въ разстояніи 6 – 7 верстъ.

Кланяйся нашимъ. Ради Бога, моя дорогая, вооружись терпѣніемъ, не грусти, крѣпись, мужайся, надѣйся, ты у меня молодецъ, за энергіей тебѣ не въ карманъ лѣзть; помни, чѣмъ бодрѣе ты, тѣмъ бодрѣе и я. Благослови нашихъ дѣтей. Портретъ вашъ у меня всегда въ боковомъ карманѣ, у сердца.

Твой

Прилагаю два письма, отправь по адресу.

Севастополь. 30 января.

Спѣшу написать тебѣ, моя милая Саша, нѣсколько словъ; сегодня ѣдетъ фельдъегерь. Много поэтому писать некогда. Впрочемъ все то же, по старому. Одна только новость о себѣ: я на этихъ дняхъ любо-

пытствовалъ посмотрѣть наши батареи и къ этому открылся удобный случай. Адъютантъ Сакена ѣздилъ парламентеромъ къ французскому лагерю, въ это время стрѣльба съ нашей и съ непріятельской стороны прекращается и можно смотрѣть съ батарей на непріятельскій лагерь такъ же удобно, какъ смотрѣли мы въ Ораніенбаумѣ на англійскій флотъ. Я поѣхалъ на дрожкахъ на 6-й бастіонъ, отстоящій отъ моей квартиры версты полторы. Улица, ведущая къ нему, Большая Милліонная, потерпѣла много отъ бомбъ, всѣ дома въ ней почти разрушены, бомбы пробили крыши и отчасти стѣны, а остальное докончили наши солдаты, которымъ позволили выбирать изъ разбитыхъ домовъ стропила, полы, двери, словомъ все, что̀ въ нихъ есть деревяннаго для топки и для постройки себѣ землянокъ. Когда мы подъѣхали къ 6-му бастіону, то подняли у насъ бѣлый флагъ, выстрѣлы съ батарей умолкли. Я подошелъ сначала къ стѣнѣ, находившейся уже прежде до непріятеля въ этой части города и сооруженной болѣе противъ татаръ, чѣмъ противъ европейскихъ непріятелей. Поэтому за ней сдѣланъ большой валъ и снабженъ огромными первобытными пушками. Опустили щиты, заслоняющіе нашихъ отъ выстрѣловъ; чтобы лучше можно было все видѣть, вооружились подзорными трубами и начали смотрѣть въ оба. Вдали саженъ за 400 виднѣлись на возвышеніи непрія-

тельскія батареи, а саженяхъ въ 200 отъ насъ видны были и траншеи; изъ нихъ выставлялось также множество головъ французовъ, любопытствующихъ подобно намъ. Нашъ парламентеръ съ бѣлымъ значкомъ въ рукахъ, верхомъ, сопровождаемый 3 или 4 всадниками, спустился медленно внизъ съ нашей горы въ долину; впереди ѣхалъ трубачъ и трубилъ. На углу кладбища, въ разстояніи отъ насъ саженъ на 150, онъ остановился; изъ непріятельскихъ траншей вылѣзло человѣкъ 6, изъ которыхъ одинъ также несъ бѣлое знамя; между ними былъ парламентеръ полковникъ. Все дѣло состояло въ томъ, чтобы передать отъ находящихся у насъ плѣнныхъ письма и отвѣтить на вопросъ Канробера, который справлялся, нѣтъ ли у насъ въ плѣну такихъ-то. Вся конференція продолжалась съ четверть часа. Парламентеры потомъ возвратились во-свояси, щиты подняли; я сѣлъ опять на дрожки и убрался. Когда я ѣхалъ уже по дорогѣ, то опять начали пускать бомбы и еще сильнѣе прежняго, чтобы вознаградить себя за напрасно потерянное время въ переговорахъ. Въ эти два дня была ночью сильная канонада, чтобы препятствовать работамъ; но раненыхъ мало. Несмотря на это, у насъ дѣла вдоволь: основываемъ новые перевязочные пункты въ обывательскихъ домахъ, отдѣляемъ гангренозныхъ, которыхъ развелось довольно отъ нечистоты и времени года. Надобно отдать справедливость Ка-

лашникову, который утромъ и вечеромъ часовъ по пяти работаетъ въ гангренозномъ отдѣленіи; только человѣкъ такой, какъ онъ, привыкшій къ нечистымъ работамъ въ анатоміи, можетъ выносить столько, сколько онъ выноситъ, возясь съ гнилью и живыми трупами. Два дома заняты подъ это благоухающее отдѣленіе: хозяевамъ послѣ, если Севастополь не будетъ разрушенъ, придется все передѣлать; стѣны, полы,—все пропитано гнилью.

Погода безпрестанно мѣняется. Сегодня чуднѣйшій день, почти весенній; вчера былъ сильнѣйшій вѣтеръ, продолжавшійся, однако, не долго, съ дождемъ, и опять испортилъ дорогу. Слякоть по колѣно. Я очень доволенъ своею новою квартирою, у меня есть каминъ, и мы живемъ втроемъ: я, Обермюллеръ и Калашниковъ. Никитинъ въ отдѣльной комнатѣ. За мной ухаживаютъ эти господа какъ дѣти за отцомъ. Калашниковъ геній хозяйства; кто его знаетъ, откуда онъ достаетъ и капусты кислой для салата, и икры, и шнапса, такъ что на недостатокъ нельзя жаловаться, нашелъ даже баранокъ къ чаю. Д-ръ Каде, который также жилъ съ нами и такъ часто со мной игралъ въ шахматы, отправленъ мною въ отрядъ вмѣстѣ съ Бекерсомъ къ Евпаторіи; тамъ предвидится какое-то дѣло; 8-я дивизія пришла также туда изъ Перекопа, но до сихъ поръ ничего не слышно, хотя прошло уже нѣсколько

дней какъ они уѣхали. Великіе Князья тоже часто бываютъ въ городѣ, но Меншикова не видать, онъ сидитъ въ своей берлогѣ, между тѣмъ какъ Сакенъ безпрестанно разъѣзжаетъ, высматривая все своими сжатыми въ булавочную головку зрачками (что́ придаетъ его взгляду что-то особенное, и именно, что́ называютъ по-русски моргослѣпствомъ). Я писалъ тебѣ уже, что главнокомандующій морскими и сухопутными силами уже болѣе не остритъ; послѣдняя его острота была, кажется, въ октябрѣ, на счетъ здѣшняго коменданта Кизлера, толстяка такого, что въ дверь не пролѣзетъ, и сѣдого какъ лунь. Этотъ дородный господинъ, увидавъ телеграфическій знакъ SO, принялъ зюдъ-остъ за число 50, и прибѣжавъ къ Меншикову, запыхаясь, объявилъ, что 50 непріятельскихъ пароходовъ приближаются. Меншиковъ, понявъ въ чемъ дѣло, назвалъ его «вѣтреною блондинкою». Это была послѣдняя его острота. Видаюсь нерѣдко и съ Нахимовымъ, который, какъ и всѣ благомыслящіе, называетъ М... скупердяемъ. Я тебѣ также, кажется, писалъ, что наши взорвали непріятельскую мину съ успѣхомъ; недавно, 3 дня тому назадъ, повторены еще взрывы, а на дняхъ французы ошибкою взорвали собственную мину, думая, что мы въ этомъ мѣстѣ ведемъ контрмину. Не забудь, что это все дѣлается на 6 саженъ въ глубину, подъ землею; говорятъ (плѣнные), что у фран-

цузовъ сдѣлано слишкомъ 20 галлерей и все около 4-го бастіона, къ которому они ближе (на 60 саженъ) подошли. Но покуда они намъ новымъ дессантомъ не отрѣжутъ дороги отъ Перекопа, бояться нечего; говорятъ, что англичане наняли сардинцевъ и хотятъ сдѣлать, кромѣ Евпаторіи, еще дессантъ въ Алуштѣ, на южномъ берегу, и оттуда двинуться къ Симферополю, чтобы окружить насъ, тогда какъ Омеръ-паша, который теперь въ Евпаторіи, на пароходахъ пойдетъ изъ Евпаторіи, чтобы окружить такимъ образомъ Севастополь со всѣхъ сторонъ. Qui vivra verra. Вотъ тебѣ почти всѣ наши новости. Тебѣ же, моя дорогая, надо вооружиться терпѣніемъ; нѣсколько прежнихъ твоихъ писемъ, въ которыхъ выражалась такъ чудесно твоя чистая вѣра въ Промыслъ Всемогущаго, успокоили-было меня совершенно, а послѣднее письмо отъ 13 января опять меня встревожило, опять житейскія заботы и грусть начинаютъ одолѣвать тебя. Брось ихъ, обращайся почаще къ Тому, Кто руководитъ нами, и возложи на Него все твое упованіе. Начатое нужно кончить. Покуда я чувствую, что я здѣсь полезенъ, покуда Господь дастъ мнѣ силы и здоровье и пока меня не прогнали отсюда, я долженъ начатое уладить и не возвращаться домой безъ результата. Я ѣхалъ въ Севастополь не для того, чтобы только сказать, что былъ здѣсь. Успокойся же, помни, безпрестанно

помни, что твоя твердость, твое спокойствіе,—это моя сила. Портретъ твой и дѣтей я ношу какъ талисманъ всегда при себѣ, возлѣ самаго сердца. Цѣлуй и благослови дѣтей.

Твой

Севастополь 15 февраля.

Не писалъ къ тебѣ уже $1^1/_2$ недѣли, это отъ того, что, во-первыхъ, было множество дѣлъ,—ночью было нападеніе на редутъ и французы отбиты съ урономъ,—а во-вторыхъ, я въ это время нѣсколько прихворнулъ своимъ обычнымъ недугомъ, и теперь засѣлъ дня на 4 дома. Я не знаю, получила ли ты всѣ мои письма, надо было бы счесть. Пишу мало, пришли за письмомъ, фельдъегерь ѣдетъ. Прощай, моя несравненная, Господь съ тобой и съ дѣтьми.

Твой

Севастополь. 19 февраля.

Я сижу все дома и думаю просидѣть еще недѣли 3 дома, чтобы оправиться. Между тѣмъ, здѣсь дѣла обстоятъ по старому. Недавно, однакоже, придумали построить такой редутъ подъ носомъ у непріятеля, который, если окончится благополучно, то, по увѣренію нашихъ, будетъ обстрѣливать всѣ англій-

скіе редуты, этого мало, заложивъ его, принялись еще за другой, выше.

Въ первую ночь послѣ заложенія редута французы сдѣлали нападеніе и ворвались въ него, но съ одной стороны наши пароходы, а съ другой—штыки такъ ихъ отжарили, что, по словамъ плѣнныхъ раненыхъ, les russes se sont battus comme des lions. У Евпаторіи, тамъ наши были отбиты безъ результата. Эта евпаторійская экспедиція, которая въ Петербургѣ представлена какъ рекогносцировка, очевидно, была самая глупая штука. Интрига! Какому нибудь генералу непремѣнно захочется что-нибудь схватить, вотъ онъ и ищетъ, и домогается, пока ему дадутъ чѣмъ-нибудь поковырять, а на повѣрку выйдетъ плохо.

Я во время моего затворничества буду писать тебѣ чаще, но понемногу, не о чемъ много.

И между сестрами множество больныхъ, и здѣсь врачи также прихварываютъ. Нахимовъ прислалъ мнѣ изъ библіотеки много разныхъ книгъ, и я, оставаясь дома, если не сплю,—наклонность ко сну есть,—то читаю; главное лишь бы Господь мнѣ вкусъ поправилъ, котораго почти совсѣмъ нѣтъ, и я, кромѣ чая, почти ничего не ѣмъ, но такъ ничего, не могу сказать, что́ бы, гдѣ бы болѣло или безпокоило, но разыгралось ослизненіе, и надобно имѣть терпѣніе.

Прощай.

Севастополь. 22 февраля.

Хожу по комнатамъ съ сигарою и стаканомъ воды. Вотъ уже выпилъ 2 стакана натощакъ прекраснѣйшей воды, авось послабитъ. Вчера въ первый разъ ѣлъ супъ съ курицей; вкусъ чая еще не могу провкусить, но слизь начинаетъ, слава Богу, менѣе отдѣляться. Вчера я принялъ третью морскую ванну, и дѣйствіе ихъ очевидно благодѣтельно; какъ сядешь въ ванну, такъ какъ будто въ раю; сижу минутъ 15, потомъ обливаю себя ведромъ холодной морской воды и снова сажусь минутъ на 5. Кофе еще не пробовалъ, но сегодня или завтра попробую, и думаю, что также теперь пойдетъ на вкусъ. Впрочемъ, сонъ довольно спокойный. Мнѣ принесли изъ библіотеки множество книгъ, и я обыкновенно читаю, но, уставъ читать, засыпаю.

Вотъ тебѣ бюллетень моего здоровья, изъ котораго ты видишь, что, слава Богу, идетъ лучше. Погода стоитъ здѣсь прекрасная покуда, солнечная и теплая. Во время моей болѣзни заболѣли еще 4 медика, и Обермюллеръ отличается истинно своею дѣятельностью; онъ и на перевязочномъ пунктѣ, онъ навѣщаетъ и этихъ врачей и 6 сестеръ, занемогшихъ тифомъ.

Вчера навѣстилъ меня Сакенъ, но засталъ меня

въ ваннѣ. Меншиковъ отправился отсюда въ Симферополь и сдалъ команду Сакену, надолго ли—не извѣстно; у него разболѣлся пузырь,—прежняя давнишняя его болѣзнь. Всѣ этому очень рады, и онъ хорошо бы сдѣлалъ, если бы совсѣмъ не возвращался изъ Симферополя.

Посылаю письмо Даля, его взглядъ на наше положеніе; къ чему онъ привлекъ Сведенборга, ужъ Богъ его знаетъ; но: «наши кишки и тонкія да долгія, хоть жилимся да тянемся», по-моему, содержитъ несомнѣнную правду.

Лишь бы насъ не покинули наши душевныя силы и наша вѣра, а то какъ-то предчувствуешь,—отстоимъ.

Я получилъ вчера послѣднее твое письмо отъ 9 февраля и плакалъ отъ радости, читая твои благородныя чувства, но молиться, молиться съ вѣрою и упованіемъ, это самое утѣшительное дѣло. Какъ помолишься поусерднѣе, такъ и чувствуешь себя надолго подкрѣпленнымъ.

Итакъ, крѣпись и молись, моя дорогая; иногда ты меня упрекаешь въ молчаньи, говоришь—Богъ тебѣ судья; иногда же говоришь какъ нужно. Я понимаю, что разлука не можетъ тебя не разстраивать, не выводить иногда изъ терпѣнія. Поэтому, я не гоняюсь за всякимъ выраженіемъ. Не всякое лыко ставлю въ строку.

Твой

24 февраля.

Слава Богу, всякій день идетъ лучше. Хожу по комнатамъ, сижу предъ каминомъ; вчера въ прекрасное утро выходилъ на балконъ. Сонъ хорошъ. Если такъ пойдетъ, то скоро выѣду, но спѣшить не буду.

Великіе Князья отсюда внезапно уѣхали ночью, дня 3 или 4 тому назадъ. Говорятъ, будто императрица опять заболѣла опасно.

Въ прочемъ все идетъ попрежнему; та же стрѣльба днемъ и ночью, на которую по-привычкѣ уже не обращаютъ вниманія. Съ недавняго времени непріятель пробуетъ бросать къ намъ,—говорятъ изъ-за Малахова кургана, слѣдовательно, верстъ за шесть,—ракеты.

Одна изъ нихъ упала вблизи дома, гдѣ жили Великіе Князья (въ Сухой балкѣ), одна недалеко отъ Меншикова, у 4-й батареи, нѣсколько въ городѣ, одна въ домѣ, гдѣ живетъ Сакенъ, который былозагорѣлся, но вскорѣ потушили; одна въ домѣ, рядомъ съ домомъ, гдѣ лежатъ гангренозные больные, пробила потолокъ и углубилась въ полъ, въ другихъ мѣстахъ врылись въ землю на сажень, но поврежденій значительныхъ имъ не было. Калашниковъ (фельдшеръ при гангренозныхъ) выкопалъ часть этой ракеты и

она стоитъ теперь у насъ, цѣлая должна быть длиною слишкомъ въ сажень. Наши на этихъ дняхъ опять имъ подвели и взорвали контрмину, такъ что ихъ галлерею взорвало на 16 саженъ. Про англичанъ ужъ ничего не слышно, только про однихъ французовъ, которые дѣйствуютъ и работаютъ.

На 14 февраля наши заложили новый редутъ, который долженъ обстрѣливать почти всѣ англійскіе редуты, а выше его еще другой; французы ночью сдѣлали нападеніе, но я тебѣ, кажется, писалъ уже, какъ ихъ отпотчевали.

Прощай же, Господь съ тобою! Съ 3-го дня я начинаю пить кофе.

Твой

Севастополь. 25 февраля.

Вѣрный моему слову, пишу и сегодня мой бюллетень. Вѣрь мнѣ, что когда могу, когда усталость, занятія не отвлекаютъ меня, то мнѣ наслажденіе писать къ тебѣ. Я себя чувствую уже довольно крѣпкимъ. Хожу по комнатамъ. Всякій день беру морскую ванну, съѣдаю двѣ тарелки куринаго супу и одного жаренаго голубя, одну чашку кофе. Вкусъ во рту сталъ гораздо лучше, также и ослизненіе, но еще не совсѣмъ исправилось.

Письмо объ М. можешь дать прочитать всѣмъ.

Я дождался, наконецъ, что этого филина смѣнили; можетъ быть, и мы кой-что къ этому содѣйствовали; пора, пора! На мѣсто его ѣдетъ Горчаковъ изъ южной арміи. Покуда командуетъ Сакенъ.

Это письмо отправлено съ флигель-адъют. Шеншинымъ, который, кажется, въ 20-й разъ уже катается изъ Петербурга въ Севастополь.

Изъ того письма, гдѣ я тебѣ описывалъ Меншикова, видно, что я правду говорилъ: онъ не годится въ полководцы, скупендряй,—вѣрно весь родъ такой,—доказательство г-жа С.; сухой саркастикъ, отъявленный эгоистъ,—это ли полководецъ? Какъ онъ запустилъ всю администрацію, всѣ сообщенія, всю медицинскую часть! Это ужасъ! И взамѣнъ что́ же сдѣлалъ въ стратегическомъ отношеніи? Ровно ничего. Дѣлалъ планы, да не умѣлъ смотрѣть за исполненіемъ ихъ, потому что ему недоставало умѣнья на это, онъ не зналъ ни солдатъ, ни военачальниковъ; окружилъ себя ничтожными людьми; ни съ кѣмъ не совѣтовался, – ничего и не вышло; онъ хотѣлъ-было сыграть комедію, и подъ видомъ мистицизма, что онъ молчитъ, но знаетъ и скрываетъ многое, хотѣлъ бросить пыль въ глаза; ему и удалось надуть нѣкоторыхъ дураковъ (съ однимъ такимъ А. я встрѣтился на дорогѣ), которые кричали, что безъ Меншикова Севастополь погибъ. Но теперь всѣ мы знаемъ, что Севастополь стоитъ со-

всѣмъ не чрезъ него а malgré lui. Слава Богу, я радъ, что его прогнали. Онъ только мѣшалъ.

Раненыхъ здѣсь всякій день человѣкъ по 10 бываетъ. Двое изъ моихъ врачей вчера возвратились изъ экспедиціи, куда я ихъ посылалъ, и они двое только и были тамъ операторами на 600 раненыхъ (это Каде и Беккерсъ). Прощай же, Господь съ тобою и дѣтьми.

Севастополь. 1-го марта 1855.

Сегодня приводили войска и чиновниковъ присягать Императору Александру II. Итакъ, имя Николая I-го принадлежитъ уже исторіи. Я слышалъ подробности, но не вѣрится. Здѣсь все попрежнему. О новомъ дессантѣ еще не слышно. Въ мартѣ или апрѣлѣ должно что-нибудь разыграться. Апрѣль мой послѣдній терминъ, если Богъ продлитъ живота до вѣку. Здоровье мое, слава Богу, съ каждымъ днемъ поправляется. Я цѣлый часъ прохаживаюсь по комнатамъ, ѣмъ $1^1/_2$ тарелки куринаго супу, куриную котлетку и беру морскія, едва тепловатыя, ванны, но на воздухъ еще не рѣшаюсь выходить, зная, что если выйду, то тотчасъ же попаду опять на старую свою колею, а это еще рано. Сегодня ѣдетъ курьеръ, и я не хотѣлъ оставить тебя безъ извѣстій, хотя, впрочемъ, писать не о чемъ; у васъ, я думаю, теперь

слуховъ и разговоровъ не оберешься. Здѣсь все тихо, все осталось безъ перемѣны, попрежнему выстрѣлы, лопанье бомбъ и ракетъ, раненые, — все то же. Посмотримъ, что́ будетъ впередъ. Это уже здѣсь рѣшеный вопросъ, что Севастополя нельзя взять, не окруживши его и съ сѣверной стороны и прекративши всѣ сообщенія; но вѣдь это не мутовку облизать; сюда, мы слышимъ, ѣдутъ еще 2 дивизіи, и тогда посмотримъ, что́ сдѣлаютъ сардинцы и турки.

Нехорошо только то, что отъ насъ часто передаются подлецы поляки, и именно офицеры; недавно ушли 2, и 15 офицеровъ, всѣ поляки, хотѣли еще перебѣжать: къ нимъ на встрѣчу былъ даже посланъ изъ непріятельскаго лагеря цѣлый взводъ; но попытка не удалась и они захвачены. Замѣчательно также и то, что французскій парламентеръ сказалъ нашему (а я слышалъ лично отъ нашего) 16-го числа еще, что Государь скончался и будетъ миръ. Меня увѣрялъ самъ парламентеръ; передаю, что́ слышалъ. Если правда, то необъяснимо. Погода стоитъ здѣсь вообще уже 2 недѣли очень порядочная; солнце грѣетъ сильно, но вѣтеръ холоденъ, и мы топимъ еще и печки, и каминъ. Если Богъ дастъ здоровья, то я на послѣдней недѣлѣ буду говѣть. Сестры, за исключеніемъ послѣдняго отдѣленія, которое еще въ дорогѣ, теперь всѣ здѣсь и трудятся истинно похристіански. Изъ нихъ 6 уже однако больны, а двѣ

умерли отъ тифа, который господствуетъ здѣсь и между больными, и между врачами. Многіе, однако, уже слава Богу поправляются.

А главное дѣло, не тоскуй; въ концѣ апрѣля мой послѣдній терминъ, лишь бы Богъ далъ силъ и здоровья. Не забудь, что я уже теперь стащилъ свои годы и свободенъ. Итакъ, теперь уже недолго, Богъ милостивъ и вѣрно ускоритъ наше свиданье, зная нашу теплую вѣру въ Него и любовь.

Пожалуйста не забудь написать, сколько пожертвованныхъ денегъ я взялъ съ собой; я теперь свожу счеты, мнѣ кажется, было 4000 р., но ты справься съ письмами отъ Безбородко, сколько онъ прислалъ—я забылъ.

Прощай, будь спокойна, Господь храни насъ всѣхъ, поцѣлуй и благослови за меня дѣтей; береги ихъ, береги себя, и скуку и грусть выброс вонъ изъ сердца.

Надѣйся, вѣрь и молись. Прощай.

Твой

Севастополь. 6 марта 1855 г.

Слава Богу, здоровье мое поправилось. На этой недѣлѣ, завтра или послѣзавтра, выѣду, если будетъ хорошая погода. Обливаюсь уже холодной морской водою. Но отъ тебя съ 14 февраля ни

слова. Что́ это значитъ? Задерживаютъ письма, что ли? Впрочемъ, Паскевичъ былъ послѣдній курьеръ, привезшій извѣстіе о смерти Государя. Послѣ него еще никто не пріѣзжалъ.

Я тебѣ писалъ уже, что въ послѣднихъ числахъ апрѣля, если живъ и здоровъ буду, уѣду отсюда; развѣ только будетъ предстоять очевидно какое-либо важное военное дѣло, которое, разумѣется, тогда меня задержитъ до мая. Но весьма вѣроятно, что если что-либо будетъ рѣшительное, то въ эти два мѣсяца, и именно въ апрѣлѣ; если же не будетъ, то исторія эта можетъ затянуться на цѣлый еще годъ.

Человѣкъ предполагаетъ, Богъ располагаетъ; но только если человѣку позволено загадывать впередъ, то въ послѣднихъ числахъ апрѣля я выѣду отсюда. Здѣсь все попрежнему: вылазки ночныя, нападенія на редуты, канонада, но все безъ толку. Кажется, пора убѣдиться, что, такъ дѣйствуя, непріятель ничего не достигнетъ. Объ англичанахъ уже даже не слышно; они удалились съ выстроенныхъ ими редутовъ и мѣсто ихъ заняли французы. Вновь выстроенный нами редутъ, около Малахова кургана, имъ очень не нравится, и они уже не разъ пытались отнять его, но всегда ихъ отбивали,—онъ очень близко къ ихъ редутамъ, такъ что наши ночью украли у нихъ 150 туровъ и перенесли на нашу сторону, что́ ихъ ужасно раззадорило. Короче, дру-

гого средства имъ не осталось взять Севастополь, какъ отрѣзавъ его съ сѣверной стороны, безъ этого имъ на штурмъ лѣзть невозможно, а чтобы окружить, то надобно знать, у кого будетъ болѣе войска. Ожидаютъ со дня на день сюда Горчакова съ его Штабомъ и войскомъ. Про Меншикова носятся слухи, что онъ умеръ въ Перекопѣ—и слава Богу!—Мы теперь здѣсь ничего не знаемъ о европейскихъ дѣлахъ,—нѣтъ ни писемъ, ни газетъ. Надобно думать, что дороги, транспорты, провіантировка и госпиталя наконецъ существенно улучшатся, послѣ того, что Анненкову дана власть распоряжаться и въ сосѣднихъ губерніяхъ, Воронежской, Екатеринославской и Курской. Давно бы такъ. Я какъ пріѣхалъ, то написалъ докладную записку, что отъ здѣшней губерніи ничего нельзя надѣяться получить для транспорта больныхъ и проч., что нужно для этого, чтобы сосѣднія губерніи приняли участіе. Я имъ говорилъ также, что если не предпримутъ мѣры, то разовьется тифъ,—онъ и развился; врачи и сестры то и дѣло что хвораютъ и нѣкоторые, разумѣется, умираютъ. Когда я занемогъ, я также думалъ, что у меня онъ разовьется, но, слава Всевышнему: «наказуя наказалъ мя сего, смерти же не предаде мя». Эта болѣзнь показала мнѣ еще болѣе, что́ значитъ теплая вѣра въ нашего Искупителя, на Котораго одного я возложилъ все мое упованіе. Это придало мнѣ бодрости

духа и воли. Безъ вѣры жизнь не жизнь. Тверди это, моя дорогая, дѣтямъ, пусть они идутъ этой стезею и не сбиваются съ нея, какъ это сдѣлалъ я въ молодости и именно потому, что сердце не было проникнуто благодатью. Да сохранитъ васъ всѣхъ Господь, мои дорогіе. Благослови и поцѣлуй дѣтей. Прощай.

Твой

Севастополь. 18—19 марта. (Отошлется еще на этихъ дняхъ).

Христосъ Воскресе!

Теперь точно не писалъ недѣли 2. Зато предъ этимъ, когда былъ боленъ и сидѣлъ дома, писалъ каждые 4 дня бюллетени о своемъ здоровьи. Богъ знаетъ, куда все это дѣвается. Отъ тебя же нѣтъ вотъ уже 12 дней ни строчки, да еще и послѣ письма, въ которомъ ты писала о своей болѣзни, про свою грусть и заботы о дѣтяхъ. Господь съ тобою, моя дорогая, потерпи хоть еще немножко. Если я только буду живъ и если насъ не запрутъ со всѣхъ сторонъ, а оставятъ хоть маленькую прорѣху, я въ маѣ—рано ли, поздно ли,—не знаю къ какому числу, но пріѣду; баста,—это рѣшено и подписано у меня. Слава Господу, что тутъ костей не оставилъ. Я бы рѣшился и прежде пріѣхать, но меня удерживаетъ то, что, уѣзжая, я потащу за

собою почти 10 врачей, которые были здѣсь, можно по совѣсти сказать, весьма полезны въ теченіе 5 мѣсяцевъ; они ни за что на свѣтѣ не хотятъ безъ меня здѣсь оставаться, сколько я ихъ ни уговаривалъ, и скорѣе хотятъ уѣхать до меня. Все, что̀ въ состояніи былъ сдѣлать, я сдѣлалъ для Севастопольской арміи,—принесъ мою лепту отъ души, пусть теперь другіе постараются. Врачи также одни за другимъ хвораютъ; изъ моихъ еще, слава Богу, никто не умеръ; но другіе умираютъ также частенько отъ тифа. Лѣтомъ, если все такъ будетъ продолжаться попрежнему, какъ теперь, будетъ здѣсь что-нибудь и похуже тифа. Я написалъ Горчакову докладную записку объ этомъ, предложилъ что̀ считаю необходимымъ для отвращенія заразы; посмотримъ, что̀ онъ сдѣлаетъ. Онъ при первомъ свиданіи со мною въ Госпиталѣ,—у него я еще не успѣлъ быть, то былъ еще не совсѣмъ здоровъ, то мѣшали занятія,—узнавъ меня, со мною расцѣловался на обѣ щеки и тотчасъ же началъ разспрашивать обо всемъ, а потомъ потребовалъ, чтобы я ему между оперированными указалъ какого-нибудь изъ солдатъ, кто по моему мнѣнію заслуживаетъ Георгіевскій крестъ. Я ему указалъ молодца унтеръ-офицера съ отнятою рукою, которому наканунѣ была сдѣлана операція, и онъ тотчасъ же ему своеручно далъ крестъ и поздравилъ кавалеромъ. Вотъ за это люблю! Онъ

конечно слышалъ, что̀ я говорилъ о Меншиковѣ, упрекая его, что онъ не посѣщаетъ раненыхъ, не даетъ имъ награды и ставилъ ему въ примѣръ Воронцова, который на Кавказѣ самъ раздавалъ кресты въ госпиталяхъ. Какъ бы то ни было, но Горчаковъ изъ этого видно—человѣкъ, а Меншиковъ просто мумія. На этихъ дняхъ я буду у него, встрѣчу тамъ и стараго знакомаго—Коцебу.

Здѣсь новаго только то, что стали драться сильнѣе; послѣ того, какъ наши построили, или почти построили, новый редутъ впереди Малахова кургана, всякую ночь нападеніе; въ одну ночь, назадъ тому съ недѣлю, было 1200 раненыхъ, и намъ работы было на цѣлыхъ двое сутокъ, когда я только-что въ первый разъ выѣхалъ послѣ болѣзни. Теперь почти всѣ батареи молчатъ, исключая этого новаго редута; онъ непріятелю какъ спица въ глазу. Ожидаютъ новаго войска, которое ускоренными маршами подвигается къ намъ изъ Одессы и изъ Бессарабіи. Пороху мало, но провіанту есть еще на два мѣсяца; я на случай и для себя заготовилъ сухарей на шесть недѣль, да 5 или 6 окороковъ; кофе вдоволь,—можно жить хоть и осадятъ со всѣхъ сторонъ. Но о новомъ дессантѣ еще ничего не слышно, а о мирѣ у насъ и помину нѣтъ. Какой миръ, когда непріятель принялся 10 марта насъ въ ночь бомбардировать, чтобы отвлечь отъ редута, пустилъ

къ намъ въ городъ тысячи три бомбъ, а мы стояли да посматривали, какъ онѣ, свѣтясь, летали прямо на насъ, да только въ бухту или лопались на воздухѣ. Никитинъ, мой фельдшеръ, однакоже увѣряетъ, что ему песокъ въ глаза попалъ одного лопнувшаго черепка бомбы. Вблизи насъ загорѣлся домъ, и на этотъ пожаръ они прямо начали пускать въ нашу сторону бомбы, такъ что я собрался разомъ, у меня здѣсь былъ только мѣшокъ, да погребецъ и шинель, а въ батареѣ (Николаевской) для насъ стоитъ отведенный казематъ, тамъ можно быть безопаснымъ отъ бомбъ; я не переѣзжалъ однакоже, потому что у насъ славная и веселая квартира, съ балкономъ прямо на море. Сигары и желтый чай наконецъ получилъ на этихъ дняхъ, 12 или 13 числа, и получилъ еще отъ кого-то ящикъ съ сигарами, кажется отъ Зубкова. Про сестеръ милосердія я долженъ писать еще Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ. Не знаю, что̀ мнѣ съ ними дѣлать, когда уѣду; онѣ также объ этомъ безпокоятся. Приложенное огромное письмо, которое я писалъ цѣлую недѣлю во время болѣзни, да нѣсколько дней послѣ болѣзни, все отрывками и урывками, адресовано къ Зейдлицу въ отвѣтъ на его два письма, но назначенное мною и для нашего маленькаго общества врачей, передай Здекауеру, пусть онъ его прочтетъ самъ и другимъ пріятелямъ, а послѣ перешлетъ Зейдлицу. Два письма Зейдлица

также дай имъ прочесть, чтобы лучше поняли мой отвѣтъ. Квартиру въ Ораніенбаумѣ найми заранѣе. Сюда мнѣ ничего не присылай теперь, а то пожалуй не успѣетъ и придти сюда, судя по чаю и сигарамъ. Себя поздравь съ рожденіемъ. Кажется, уже тебѣ за 26 перевалило,—еще юноша въ сравненіи съ нашимъ братомъ! Поздравь себя еще и съ Свѣтлымъ Христовымъ Воскресеніемъ. Не унывай, не грусти, если хоть и занеможешь, отгоняй грустныя мысли, дѣтей сберегай весною, сама хининомъ запасись. Помни, что и май не далекъ, пожалуй и на Балтійскомъ не останемся безъ дѣла, а то пожалуй осада Севастополя будетъ продолжаться, какъ осада Трои, и тогда посмотримъ какъ бифстексъ сдѣлается Улисомъ.

Писемъ теперь не ожидай скоро, каждыя двѣ недѣли разъ; рѣшившись разъ отправиться въ маѣ и имѣя теперь дѣла по уши, писать не могу скоро; но въ двѣ недѣли разъ буду, хоть рѣдко да мѣтко. Прощай, моя дорогая Цѣлуй и благослови дѣтей.

Твой

Севастополь. 25 марта.

Христосъ Воскресе! и съ прошедшимъ 27-лѣтіемъ! Это письмо ты получишь вѣрно прежде, чѣмъ письмо отъ 21 марта, точно такъ же, какъ и я получилъ твое отъ 13-го прежде, чѣмъ отъ 8-го. Это письмо идетъ съ курьеромъ, а другое съ однимъ генераломъ, который взялся его тебѣ доставить. Я въ томъ письмѣ писалъ разныя распоряженія, а въ этомъ прибавлю только, чтобы ты ждала меня уже непремѣнно на дачѣ въ Ораніенбаумѣ, куда, надѣюсь, если будешь жива и здорова, то переѣдешь съ дѣтьми, какъ всегда, около 20 мая. Въ домѣ оставь кого-нибудь, чтобы принялъ вещи, а я, пріѣхавъ въ Петербургъ, тотчасъ же поѣду на дачу; оставь и росписаніе часовъ на квартирѣ, когда пароходъ будетъ отходить въ Ораніенбаумъ. Изъ Севастополя я уѣду около 15 мая, останусь въ Симферополѣ можетъ быть и въ Херсонѣ и другихъ городахъ по дорогѣ, а потомъ уже, не останавливаясь, въ Петербургъ. Въ Москвѣ я думаю остаться только нѣсколько часовъ, хочу заѣхать къ сестрамъ,—пришли ихъ адресъ. Дѣтей поцѣлуй за ихъ письма. Скажи имъ, чтобы они теперь держали ухо остро, и слушались бы, и вели бы себя хорошо; я пріѣду, потребую отчета и буду ослушниковъ судить уже те-

перь военнымъ судомъ, для этого съ собою привезу шинель съ военнымъ воротникомъ.

На дняхъ здѣсь узнали, что два первыхъ пункта мира приняты въ Вѣнѣ, остается теперь самый главный, третій—свобода плаванья по Черному морю; между тѣмъ здѣсь всякій день или, лучше, всякій вечеръ и всякую ночь на новомъ редутѣ валяютъ напропалую, и число раненыхъ съ каждымъ днемъ прибываетъ; но зато на всѣхъ другихъ батареяхъ почти совсѣмъ утихъ огонь, только и слышно и видно перестрѣлка у Малахова кургана. Новыя войска $2^1/_2$ дивизіи южной арміи начнутъ вступать въ Севастополь 27 апрѣля, какъ это мнѣ вчера сказалъ Анненковъ, который теперь сюда пріѣхалъ на нѣсколько дней, но ничего, кажется, не въ состояніи сдѣлать, чтобы усилить транспортъ больныхъ и опорожнить отъ нихъ городъ, въ которомъ теперь накопилось до 7000 больныхъ; въ Симферополѣ 6000, а если не будутъ вывозить, а осада продолжится, то въ лѣтніе жары и при существующихъ недостаткахъ непремѣнно разовьется какая-нибудь зараза; я объ этомъ толкую всѣмъ и каждому, писалъ докладную записку Горчакову, самъ толковалъ съ нимъ и съ начальникомъ Штаба Коцебу, съ Анненковымъ, съ Нахимовымъ, короче со всѣми, прошу ихъ и убѣждаю, чтобы они вывозили больныхъ изъ города на сѣверную сторону, раскинули бы тамъ

палатки, которыя можно лучше провѣтривать, чѣмъ казармы и госпитали, чтобы отсюда возили безпрестанными и постоянными транспортами далѣе, чтобы запасали мѣста для вновь прибывающихъ; все это принимается, но ничего не исполняется—средствъ нѣтъ; палатокъ нѣтъ; лошадей и фуръ мало; куда везти больныхъ, также хорошо не знаютъ,—всѣ ближайшіе госпитали уже переполнены, и вездѣ воруютъ, и вездѣ безпорядокъ попрежнему. Генералъ штабъ-докторъ—пѣшка и только умѣетъ поддакивать, да хвалить то, что́ худо. Въ госпиталяхъ нѣтъ ни одного лишняго матраца, нѣтъ хорошаго вина и хинной корки, ни кислотъ даже—на случай, когда тифъ разовьется. Врачей почти цѣлая половина лежитъ,—больны. Еще что́ изъ всего этого хаоса точно хорошо—такъ это сестры милосердія. Дай Богъ здоровья Великой Княгинѣ. Она сдѣлала истинное благодѣяніе для края. Если бы не онѣ, такъ больные лакали бы помои, а теперь кушаютъ сытный супъ, и лежали бы въ грязи. Онѣ и хозяйничаютъ въ госпиталяхъ, и кушанье даже готовятъ, и лѣкарства раздаютъ, зато также и болѣютъ; опять двѣ заболѣли, и одна, Бакунина, тифомъ. Если будешь кого видѣть отъ Великой Княгини, то скажи, что я приготовляю второй подробный отчетъ о дѣйствіяхъ сестеръ, и прочтетъ ли она его или нѣтъ, а я ей пришлю, потому что я горжусь самъ

ихъ дѣйствіями; я защищалъ мысль введенія сестеръ въ военные госпитали противъ нападеній старыхъ рутинеровъ,—и моя правда осуществилась на дѣлѣ. Князь Горчаковъ весь въ рукахъ Коцебу, и если Богъ самъ не поможетъ нашей матушкѣ родной Россіи, то недалеко на немъ уйдемъ; но онъ по крайней мѣрѣ человѣкъ съ душою, не такой сухой какъ Меншиковъ, и желаетъ добра,—это уже много, хоть и недалеко хватаетъ.—Въ военномъ дѣлѣ, разумѣется, я не судья и самъ лукавый ихъ не разберетъ, что́ они дѣлаютъ и что́ думаютъ дѣлать,—да еще и думаютъ ли. Одинъ другому завидуетъ и другъ другу ногу подставляетъ, какъ бы свалить! Если, какъ увѣряютъ нѣкоторые изъ военныхъ (разумѣется болѣе молодыхъ), пожертвовавъ тысячъ 20, можно съ нашей стороны сдѣлать что-нибудь рѣшительное, то я бы совѣтовалъ не медля это сдѣлать. Что́ значитъ и 20000 выбывшихъ изъ строя въ сравненіи съ тѣми жертвами, которыя падутъ отъ заразы, если она успѣетъ развиться; тогда и 50000 не досчитаются. Впрочемъ, Богъ имъ судья. Я что съумѣлъ—исполнилъ по совѣсти, а на нѣтъ—суда нѣтъ. Поэтому я считаю мою миссію оконченною или почти оконченною здѣсь. Уѣзжая отсюда, правда, я отнимаю отъ Севастополя около десяти дѣльныхъ врачей; но кто думаетъ, что я поѣхалъ въ Севастополь только для того, чтобы рѣзать руки и ноги,

тотъ жестоко ошибается; этого добра я уже довольно передѣлалъ, я предоставилъ это другимъ, а самъ смотрѣлъ больше, и что̀ увидѣлъ, то было то же самое, что̀ уже прежде видѣлъ и зналъ. Я зналъ уже прежде, какова участь нашихъ раненыхъ (впрочемъ не однихъ нашихъ), думалъ содѣйствовать къ улучшенію; но теперь убѣдился, что, при нашей распорядительности, это дѣло несбыточно,—безпорядокъ, беззаботность неискоренимые, хоть колъ на головѣ теши. Теперь, напримѣръ, я всѣмъ уши прожужжалъ, что при новомъ дѣлѣ, если будетъ хоть 1000 раненыхъ, то они будутъ валяться какъ свиньи, но никто ни съ мѣста,—авось вывезетъ какъ-нибудь. Послѣ все будетъ гладко и песочкомъ посыпано. Вмѣсто разныхъ прихотей, сигаръ и папиросъ и даже вмѣсто чаю и сахару, которые благотворители наши посылаютъ сюда для раненыхъ, лучше было имъ выслать на чемъ лежать, но это, разумѣется, не такъ легко. Анненковъ вмѣсто подводъ и палатокъ привезъ также пожертвованіе, не знаю свое или чужое,—скляночку съ хлороформомъ. Заботы начальства о смертности, какъ и всегда, большія; переписокъ о числѣ больныхъ и выбывающихъ изъ строя тьма,—бумага все терпитъ,—врачамъ нѣтъ покоя ни днемъ, ни ночью; а что толку? До смертности ли тутъ, до успѣха ли въ лѣченіи, когда больныхъ скучатъ какъ селедокъ въ бо-

ченкѣ и въ началѣ болѣзней и раненій не заботятся объ ихъ пріютѣ и чистотѣ тѣла.—Кстати, вотъ еще геройскій поступокъ сестеръ, о которомъ я сейчасъ услышалъ, и который уже вѣрно извѣстенъ Великой Княгинѣ. Онѣ въ Херсонѣ аптекаря, говорятъ, застрѣлили. Истинныя сестры милосердія, — такъ нужно, — однимъ мошенникомъ меньше; не худо, если бы онѣ и съ здѣшнимъ Ѳедоромъ Ивановичемъ сдѣлали то же. Правда, аптекарь самъ застрѣлился или зарѣзался—до оружія дѣла нѣтъ — но это все равно. Сестры подняли дѣло, довели до слѣдствія, и дѣла Херсонскаго госпиталя вѣрно были хороши, коли аптекарь рѣшился себя на тотъ свѣтъ отправить. Но зато онѣ должны теперь ухо держать остро, съ Комисаріатскимъ Вѣдомствомъ шутки плохія. Теперь, пока я здѣсь, ихъ на рукахъ носятъ; что̀ будетъ послѣ, не знаю, но подъ эгидою Великой Княгини, можетъ быть, и хорошо отдѣлаются, лишь бы она не слушала навѣтовъ и лишь бы онѣ, какъ женщины или какъ военачальники, между собою не ссорились и другъ другу не вредили. Я уже объ этомъ почти со слезами умолялъ и ихъ, и іерея-монаха,—который, между нами будь сказано, очень глупъ,—и самихъ начальницъ.

Однако я заговорился, такъ это все мнѣ на душѣ камнемъ лежитъ, пора и въ госпиталь, ночью

прибыли раненые. Прощай, моя дорогая, будь ради Бога покойна и храни дѣтей!

Твой

Писать теперь не буду такъ часто, некогда, долженъ сводить разные счеты, пересмотрѣть бумаги, а сверхъ того новые раненые всякій день прибываютъ. Прощай, до свиданія на дачѣ, если Богу будетъ угодно продлить живота и вѣку, а пока прощай, цѣлую и обнимаю тебя; благослови дѣтей.

Севастополь. 7 апрѣля 1855 года.

Пишу тебѣ съ перевязочнаго пункта, куда я на время, а можетъ быть и до окончанія моего срока пребыванія въ Севастополѣ, переѣхалъ на другой день Свѣтлаго Воскресенія. Настало замѣчательное время. На Страстной я хотѣлъ говѣть, но побоялся испортить постнымъ только-что оправившійся отъ болѣзни желудокъ. Въ Свѣтлое Воскресенье былъ у заутрени въ соборѣ, и во время служенья уже раздавались издали сильные выстрѣлы, бомбы летѣли въ городъ—потомъ опять все замолкло. Но въ понедѣльникъ на Святой, 29 марта, въ 5 часовъ утра мы были разбужены сильною канонадой, окна комнаты дрожали, по стѣнамъ дома какъ будто сотни кузнецовъ стучали молотками. Мы нàскоро одѣлись и узнали, что непріятель открылъ сильную бомбар-

дировку со всѣхъ бастіоновъ, наши отвѣчали, и завязалась сильная канонада изъ 1500 осадныхъ орудій; полетѣли бомбы и ракеты. Мы побѣжали стремглавъ на перевязочный пунктъ, и вскорѣ вся огромная зала начала наполняться ранеными съ ужасными ранами; оторванныя руки, ноги по колѣно и по поясъ приносились вмѣстѣ съ ранеными на носилкахъ; слишкомъ 400 раненыхъ нанесли намъ въ сутки—слишкомъ 30 ампутацій. Съ этого дня бомбардированіе продолжалось днемъ и ночью до 6-го апрѣля и даже сегодня еще не совсѣмъ окончилось, хотя сдѣлалось несравненно тише. Въ первый день непріятель выпустилъ слишкомъ 30000 снарядовъ; считаютъ, что по сей день выпущено до 400000. Бомбы падаютъ гдѣ ни попало, но вообще вреда бастіонамъ сдѣлали немного; на бастіонахъ считаютъ до 100 подбитыхъ пушекъ изъ 1000. Разрушенныя амбразуры исправляются ночью, но это стоитъ людей, а у насъ считаютъ въ теченіе этого времени (отъ 28-го марта до 7-го апрѣля) до 6000 выбывшихъ изъ строя. На нашъ перевязочный (главный) пунктъ, куда являются раненые съ самыхъ главныхъ бастіоновъ (4, 5 и 6), являются въ день до 200—400 ч. Два нашихъ большихъ пороховыхъ погреба и одинъ англійскій взлетѣли на воздухъ. Непріятель взорвалъ мину, передъ 4-мъ бастіономъ образовалъ воронку, которую и занялъ. Но сегодня

ночью наши 2 роты подползли, разрушили поставленные уже около воротъ туры, закидали засѣдавшихъ тамъ французовъ камнями, выгнали ихъ вонъ, взяли человѣкъ 5 въ плѣнъ и ушли. Бомбардированіе, очевидно, уже утихло. Чего хотѣлъ непріятель? — Богъ знаетъ. Кажется, однако, надѣялся болѣе причинить намъ вреда и готовился на штурмъ. Третьягодня ночью сильныя его колонны, какъ говорятъ, отъ семи до двадцати тысячъ, хотѣли во время взрыва пробраться между 4—5-мъ бастіономъ, но были встрѣчены перекрестнымъ картечнымъ огнемъ и ударили назадъ. Между тѣмъ къ 10 или 12 апрѣля придутъ новыя войска къ намъ—$2^1/_2$ дивизіи, и мы подкрѣпимся. Съ моря онъ (непріятель) выставилъ также 15 кораблей, которые, однакоже, только стоятъ и ничего не дѣлаютъ; только третьягодня одна канонерская лодка, пользуясь туманомъ, подъѣзжаетъ близко къ бухтѣ, даетъ нѣсколько выстрѣловъ изъ большихъ ланкастерскихъ орудій и тотчасъ поворачиваетъ назадъ; бомбы и ядра изъ нихъ падаютъ возлѣ насъ въ бухту. Говорили, что Наполеонъ сюда пріѣхалъ, и по этому случаю открыто бомбардированье, но эти слухи не подтвердились. Полагаютъ, что бомбардированье теперь прекращается потому, что у непріятеля уже нѣтъ зарядовъ, но теперь у насъ тоже менѣе, такъ что каждый бастіонъ долженъ дѣлать въ сутки только положен-

ное число выстрѣловъ. Богъ знаетъ, чѣмъ все это кончится, будетъ ли штурмъ или нѣтъ, но пора бы положить одинъ конецъ этой глупой осадѣ. На перевязочный пунктъ, кромѣ солдатъ, привозятъ и женщинъ, и дѣтей съ оторванными членами отъ бомбъ, которыя падаютъ въ Корабельную слободу,—часть города, гдѣ еще, несмотря на видимую опасность, продолжаютъ жить матросскія жены и дѣти. Мы заняты и ночь, и день, и ночью, какъ нарочно, еще болѣе, чѣмъ днемъ, потому что всѣ работы, вылазки, поздніе ложементы и т. п. производятъ ночью. Страшно будетъ, если послѣ этой ужасной бомбардировки непріятель опять смолкнетъ и дни пойдутъ попрежнему, но всѣ его усилія теперь обращены, очевидно, на 4-й бастіонъ,—чрезъ этотъ пунктъ онъ хочетъ проникнуть въ Севастополь. Наши всѣ желаютъ штурма и говорятъ, что это для нихъ самое лучшее. Сѣверная сторона остается, какъ и прежде, для насъ совершенно открыта, и цѣны на съѣстные припасы нисколько не поднялись. Погода здѣсь хороша, но еще не слишкомъ,—стоятъ туманы. Передъ нашими окнами расцвѣла акація, но деревья распускаются несравненно медленнѣе, чѣмъ въ Петербургѣ,—я замѣчаю это, смотря на ихъ свѣжіе листки всякій день. Вино, про которое ты пишешь, я не получилъ, и теперь уже не высылай ничего, не стоитъ. Еще пять недѣль, и я, если это угодно будетъ Всевышнему, вы-

ѣду изъ Севастополя. Надѣюсь, что къ тому времени что-нибудь да будетъ сдѣлано, либо съ нашей, либо съ непріятельской стороны. Теперь я живу въ трехъ разныхъ мѣстахъ. Вещи мои лежатъ въ сохранности въ Николаевской батареѣ, гдѣ для меня приготовленъ одинъ казематъ, ежели на перевязочномъ пунктѣ будетъ слишкомъ опасно долѣе оставаться. На прежнюю мою квартиру ѣзжу обливаться холодной морской водой и обѣдать, а сплю и провожу цѣлый день и ночь на перевязочномъ пунктѣ. Въ Дворянскомъ Собраніи, паркетъ котораго покрытъ корой засохшей крови, въ танцовальной залѣ лежатъ сотни ампутированныхъ, а на хорахъ и бильярдѣ помѣщаются корпія и бинты. Десять врачей при мнѣ и восемь сестеръ трудятся неусыпно, поперемѣнно день и ночь, оперируя и перевязывая раненыхъ. Вмѣсто танцовальной музыки, раздаются въ огромной залѣ собранія стоны раненыхъ.

Н. И. Пущину скажи, что у его племянника Завалишина оторвало ядромъ, во второй день бомбардированія, всю руку, и я ее вырѣзалъ изъ плечевого сустава. Теперь состояніе здоровья довольно порядочно, сверхъ ожиданія, потому что рана была чрезвычайно тяжелая, съ большимъ разрывомъ кожи, и онъ былъ принесенъ на перевязку изнеможенный отъ сильной потери крови. Здекауера попроси, чтобы онъ извѣстилъ черезъ Рауха Зейдлица, что офицеръ

Зейдлицъ, о которомъ онъ меня спрашивалъ въ своемъ письмѣ, убитъ подъ Альмою.

Прощай, мой несравненный другъ. Господь съ тобою, благослови и поцѣлуй дѣтей; кланяюсь Машѣ и всѣмъ нашимъ. Цѣлую и благословляю тебя.

Севастополь. 22 апрѣля.

Послѣ бомбардированія, продолжавшагося безпрерывно отъ 28 марта до 8 апрѣля, и во время котораго выпущено было до полмилліона снарядовъ, теперь еще буря не утихла, всякую ночь почти что-нибудь да встрѣчается; ложементы предъ 5 бастіономъ уже въ третій разъ переходятъ изъ рукъ въ руки, и теперь остались въ рукахъ непріятеля, послѣ того, какъ онъ напалъ врасплохъ на нашихъ, и Угличскій полкъ, опозорившись, далъ тягу изъ траншей; отъ этого у насъ вдругъ привалило до 600 раненыхъ въ одну ночь, и мы сдѣлали въ теченіе 12 часовъ слишкомъ 70 ампутацій. Эти исторіи повторяются безпрестанно въ различныхъ размѣрахъ. Сегодня пронесся слухъ, что непріятель сдѣлалъ опять десантъ или хочетъ дѣлать около Одессы, а другіе говорятъ опять на Альмѣ; но, слава Богу, у насъ войска довольно, болѣе, чѣмъ было 24 октября.

Теперь здѣсь уже настоящее лѣто, жара, все въ цвѣту, хоть, правда, зелени здѣсь и немного ви-

дишь. Весь Севастополь набитъ теперь войсками, которыя сильно подвергаются бомбамъ, вѣроятно что-нибудь подготовляется съ ихъ или нашей стороны. И все, что́ при бомбардированіи было разрушено, теперь опять совершенно поправлено. Теперь опять бастіоны, какъ были прежде; правда, у насъ выбыло въ 9 дней тысячъ 9 изъ строя. Однѣхъ ампутацій мы сдѣлали съ 27 марта по 21 апрѣля до 500; но и непріятелю досталось порядочно. Безполезная рѣзня эта уже, я думаю, не мнѣ одному надоѣла, бьютъ другъ друга, ничего ровно не выигрывая; все остается какъ было; они не рѣшаются на штурмъ, мы не можемъ ихъ прогнать, и такъ все идетъ безъ конца; трудно рѣшить, чѣмъ это все кончится; теперь мы стоимъ ровно.

Въ половинѣ мая я выѣзжаю изъ Севастополя, если только Богъ велитъ,— объ этомъ я уже написалъ Пеликану и Великой Княгинѣ,—слѣдовательно, ранѣе послѣднихъ чиселъ мая или начала іюня не могу пріѣхать въ Петербургъ. Прежде, чѣмъ переѣхать на дачу, прикажи вытопить домъ хорошенько и береги себя и дѣтей. Теперь у васъ въ Петербургѣ самое скверное время,—ледъ ладожскій идетъ. Прощай, моя дорогая; не грусти и не думай. Господь съ тобою! Ужъ скоро-скоро мы свидимся! Благослови тебя Господь и дѣтей.

Твой

Письмо, можетъ быть, сегодня еще не отправится, но я спѣшу его отправить на сѣверную сторону. Не понимаю, какъ ты получаешь мои письма, а я твои. Въ одинъ день я получилъ 3: отъ 5, 7, 9 апрѣля, такъ, вѣроятно, и ты мои получаешь.

Севастополь. 29 апрѣля.

Все тихо и покойно. Вотъ уже третій день какъ выстрѣлы слышатся изрѣдка, и число раненыхъ вмѣсто сотенъ въ сутки ограничивается десятками. Только на сѣверную сторону стрѣляютъ изъ непріятельскаго лагеря раскаленными ядрами изъ ланкастерскихъ пушекъ. Что́ значитъ эта тишина? Богъ знаетъ, вѣрно предъ грозою. Непріятель строитъ одну батарею за другою и послѣ послѣдней бомбардировки значительно приблизился.

Видна новая батарея, сооруженная противъ 4-го, а одна противъ 3-го бастіона. По театральной площади (на концѣ Екатерининской улицы) уже нельзя ходить, летаютъ ядра, и потомъ тамъ проводятъ траншею и войска отправляются къ 4-му бастіону уже не по прежней дорогѣ. Говорятъ о предстоящей намъ снова усиленной бомбардировкѣ. Между тѣмъ городъ наполненъ нашими войсками, полки бивакируютъ на улицахъ, и слава еще Богу, что имъ мало вредятъ бомбы; куда ихъ дѣнутъ во

время бомбардировки—не знаю, а если они останутся, какъ теперь, на открытыхъ улицахъ, то безъ вреда не обойдется. Худые слухи носятся въ городѣ. Говорятъ, что Севастополь будетъ взятъ. Но что́ всего хуже, это—раздоры и интриги, господствующіе между нашими военачальниками. Это я заключаю изъ разговоровъ съ адъютантами. Сакенскіе ненавидятъ Горчаковскихъ; другъ друга упрекаютъ въ пристрастіи. Видна также и нерѣшительность. Когда 20-го или 21-го числа наши ложементы предъ 5-мъ бастіономъ были взяты, то непріятель, занявъ ихъ, мигомъ выстроилъ батарею, воспользовавшись нашими работами, передъ носомъ 4-го бастіона. Хотѣли его выбить, но потомъ опять отдумали. Мы отстояли бомбардировку, правда, но потерявъ выбывшими изъ строя тысячъ до десяти и допустивъ непріятеля ближе. Отъ раненыхъ безпрестанно слышишь жалобы на безпорядокъ. Когда солдатъ нашъ это говоритъ, такъ ужъ плохо. Время ли тутъ интриговать, спорить и разсуждать о томъ, за что́ тотъ или другой получилъ награду, возставать другъ противъ друга, когда нужно единодушіе,—а его нѣтъ, я это вижу ясно. Это ли любовь къ родинѣ, это ли воинская честь? Сердце замираетъ, когда видишь передъ глазами, въ какихъ рукахъ судьба войны, когда ближе познакомишься съ лицами, стоящими въ

челѣ. Они, не стыдясь, не скрывая предъ подчиненными, ругаютъ другъ друга дураками. Неужели Богъ прогнѣвался такъ на нашу матушку родную Русь. Хорошо говорить самому себѣ молчи, это не твое дѣло, да нельзя, не молчится, особливо, когда говоришь съ женою. Такъ и во всемъ, такъ и съ бѣдными ранеными. Когда за мѣсяцъ почти до бомбардировки я просилъ, просилъ, писалъ докладныя записки главнокомандующему (кн. Горчакову), что нужно вывезти раненыхъ изъ города, нужно устроить палатки внѣ города, перевести ихъ туда, такъ все было ни да, ни нѣтъ—то средствъ къ транспорту нѣтъ, то палатокъ нѣтъ, а какъ приспичило, пришла бомбардировка, показался антоновъ огонь отъ скученія въ казармахъ, такъ давай спѣшить и дѣлать, какъ ни попало. Что̀ же: вчера вечеромъ перевезли разомъ 400, свалили въ солдатскія палатки, гдѣ едва сидѣть можно, свалили людей безъ рукъ, безъ ногъ, съ свѣжими ранами на землю, на одни скверные тюфятишки; сегодня дождь цѣлый день, что̀ съ ними стало, Богъ знаетъ, завтра поѣду на ту сторону, такъ увижу. Когда полковой командиръ обѣдъ даетъ, такъ онъ умѣетъ изъ этихъ же палатокъ залу устраивать, а для раненыхъ этого не нужно, можно по четыре человѣка безногихъ помѣстить въ солдатской палаткѣ. А когда начнутъ умирать, такъ врачи виноваты, почему смертность

большая,—ну, такъ лги, не робѣй. Не хочу видѣть моими глазами безславія моей родины, не хочу видѣть Севастополя взятымъ, не хочу слышать, что его можно взять, когда вокругъ него и въ немъ стоитъ слишкомъ 100000 войска, уѣду, хоть и досадно. Доложи В. Княгинѣ, что я не привыкъ дѣлать что бы то ни было только для виду, а при такихъ обстоятельствахъ существеннаго ничего не сдѣлаешь. Ея Высочество обѣщаетъ врачамъ содержаніе, какое они пожелаютъ, лишь бы остались, но пріѣхавшіе со мною говорятъ, что они пріѣхали не для денегъ и предвидятъ, что безъ меня ихъ скрутятъ по ногамъ и рукамъ; здѣсь недостаточно имѣть только волю или ревность, нужно еще плясать по одной дудкѣ. Богъ съ ними и съ наградами; если бы я добивался до Станислава, то могъ бы его получить и сидя дома, какъ другіе,—меня здѣсь представилъ Сакенъ и къ Аннѣ,—когда мнѣ собственное убѣжденіе о моемъ достоинствѣ и спокойствіе духа дороже. Я люблю Россію, люблю честь родины,—а не чины; это врожденное, его изъ сердца не вырвешь и не передѣлаешь, а когда видишь передъ глазами, какъ мало дѣлается для отчизны собственно изъ одной любви къ ней и ея чести, такъ поневолѣ хочешь лучше уйти отъ зла, чтобы не быть по крайней мѣрѣ бездѣйственнымъ его свидѣтелемъ. Я знаю, что все это можно назвать одной

непрактической фантазіей, что такъ болѣе прилично разсуждать въ молодости только, но я не виноватъ, что душа еще не состарилась. Ты знаешь, я никогда не былъ оптимистомъ и потому, можетъ быть, и теперь вижу вещи хуже, нежели какъ онѣ на самомъ дѣлѣ, но нельзя не вѣрить тому, что́ видишь и встрѣчаешь на всякомъ шагу, когда видишь предъ собою не русскихъ людей, единодушно согласившихся умереть или отстоять, а какой-то хаосъ мнѣній и взглядовъ, изъ которыхъ только одно явствуетъ, что никто ничего не понимаетъ. Другъ друга упрекаютъ въ ошибкахъ и въ глупости и все оставляютъ на произволъ случая. Можетъ быть, то же дѣлается и у нашихъ непріятелей—дай-то Богъ! Они также колеблются, то сдѣлаютъ демонстрацію на Чургунъ, то высылаютъ корабли на нѣсколько дней куда-то, чтобы опять воротиться,—но все-таки они идутъ впередъ и приближаются,—это-то и скверно. Настоящая тишина не передъ добромъ, и если послѣ слѣдующаго бомбардированія они еще подвинутся, то Богъ знаетъ что́ будетъ. Впрочемъ, не нужно терять надежды. Русскій Богъ великъ! Но, право, если взглянешь на эту смѣсь нашей посредственности, безталантства, односторонности и низости, то поневолѣ, какъ ни велика надежда на Бога и на храбость войска, начинаешь опасаться за участь Севастополя и слѣдовательно цѣлаго Крыма.

Одного только нужно молить, чтобы такая же безтолочь существовала и у непріятеля.

Я теперь также только одного молю: если не удастся быть свидѣтелемъ нашего торжества, то дай только Богъ убраться, не бывши свидѣтелемъ нашего позора, и уѣхать изъ Севастополя прежде его совершенной гибели.

Погода до сихъ поръ, цѣлыя двѣ недѣли, стояла превосходная, какъ у насъ въ самые лучшіе лѣтніе дни; со вчерашняго дня пошелъ дождь, и мои больные, которые третьягодня отправились на сѣверную сторону, вѣрно, лежатъ теперь или, лучше, плаваютъ въ грязи на своихъ матрацахъ. Я сейчасъ ѣду смотрѣть ихъ.

Пріѣхалъ и видѣлъ, что они лежатъ какъ свиньи въ грязи, съ отрѣзанными ногами. Я, разумѣется, сейчасъ объ этомъ доложу главнокомандующему, а тамъ злись на меня кто какъ хочетъ, я плюю на все. О, какъ будутъ рады многія начальства здѣсь, которыхъ я также бомбардирую, какъ бомбардируютъ Севастополь, когда я уѣду. Я знаю, что многіе этого только и желаютъ. Это знаютъ и прикомандированные ко мнѣ врачи, знаютъ, что ихъ заѣдятъ безъ меня, и поэтому, несмотря на всѣ увѣщанія и обѣщанія, хотятъ за мною бѣжать безъ оглядки. Достанется и сестрамъ; уже теперь главные доктора и комисары распускаютъ слухи, что

прежде безъ сестеръ, съ одними фельдшерами шло лучше. Я думаю дѣйствительно, что для нихъ шло лучше; я учредилъ хозяекъ изъ сестеръ, у которыхъ теперь въ рукахъ водка, вино, чай и всѣ пожертвованныя вещи, и это комисарамъ не по зубамъ, и потому прежде шло лучше. Когда ампутированныхъ перевезли и свалили на землю въ солдатскія палатки, я сказалъ, что они при первой непогодѣ будутъ валяться въ грязи. Обѣщали, что этого не будетъ. Сегодня я пріѣхалъ и самъ таскался по колѣни въ грязи, нашелъ всѣхъ промокшими до костей; пишу сейчасъ же объ этомъ начальнику Штаба, и вотъ опять это будетъ не по зубамъ.

Нужно, чтобы было непремѣнно все въ отличномъ порядкѣ—на бумагѣ, а если нѣтъ, такъ нужно молчать, а мнѣ для чего молчать, я вольный казакъ,—хотятъ на меня скалить зубы и за спиною ругаться, пусть ихъ дѣлаютъ, а я все-таки худого хорошимъ не назову. Но все имѣетъ свои предѣлы; если уже и одинъ главнокомандующій не вытерпѣлъ, а смѣнился, если полки смѣняются, то нужно и насъ смѣнить. Врачи, пріѣхавшіе со мною, поработали довольно. Они всѣ переболѣли, многіе на моихъ глазахъ умерли; нельзя отъ нихъ и требовать, чтобы они не желали перемѣны. Сохраничевъ умеръ, Жюліани умеръ, Каде умиралъ, но какъ-то уже чудомъ ожилъ, Петровъ лишился ногъ, Дмитріевъ отъ тифа

сдѣлался меланхоликомъ; у всѣхъ былъ тифъ въ большей или меньшей степени, я самъ прохворалъ 4 недѣли. Будетъ. Да хоть бы все это шло въ прокъ, можно бы уже было жертвовать, а то хоть изъ кожи лѣзь — все то же. Пока громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится, и русскій все остается уменъ заднимъ умомъ. Хоть охрипни крича, никто не слушаетъ, а какъ придетъ бѣда неминучая, такъ тогда опомнятся, да ужъ поздно. Прощай, моя дорогая, благодари Бога, что ты женщина.

Твой

Севастополь. 30 апрѣля 1855 г. Утро.

Дѣла покуда все еще немного. На дворѣ третій день дождь. Севастопольская глина превратилась по обыкновенію въ клейкую тягучую грязь, которая липнетъ къ сапогамъ и дѣлаетъ ихъ тяжелыми, какъ пудовыя гири. Можно себѣ представить, что̀ дѣлается въ траншеяхъ, вырытыхъ также на глинистой почвѣ, и въ больничномъ лагерѣ, гдѣ раненые лежатъ теперь въ простыхъ солдатскихъ палаткахъ, по-четверо въ каждой, безъ ногъ, безъ рукъ, на холстяныхъ матрацахъ, набитыхъ лыкомъ, и лѣкаря перевязываютъ стоя на колѣняхъ въ грязи,—вотъ улучшенія, на которыя мы надѣялись отъ прибытія южной арміи Горчакова. Госпитальныхъ палатокъ,—

суконныхъ, крытыхъ парусиной, въ которыхъ устав-ляютъ по 30—40 коекъ, какъ это дѣлаютъ морскіе (заботящіеся болѣе о своихъ) для своихъ,—вовсе нѣтъ; есть десятокъ какихъ-то изорванныхъ: взяли солдатскія для раненыхъ, не окопавъ ихъ канавами, не устроивъ въ нихъ наръ. Я, раздосадованный, вчера, встрѣтясь съ Коцебу, жаловался. Но этотъ маленькій человѣчекъ, напоминающій собой русскую пословицу: «У всякаго Ермишки есть свои интрижки», раззадорился, какъ можно найти въ его управленіи что-нибудь недостаточное, но я ему сказалъ наотрѣзъ чистымъ россійскимъ нарѣчіемъ: Вы-де, Павелъ Астафьевичъ, меньше моего въ этомъ дѣлѣ смыслите, и я вамъ говорю по-просту, что въ палаткахъ чистое свинство. Онъ потомъ притворился, что будто меня не понялъ, что я говорю о солдатскихъ палаткахъ, а не о госпитальныхъ навѣсахъ, въ которыхъ больнымъ всегда лучше лежать лѣтомъ, нежели въ лазаретахъ, и въ которые я самъ же предлагалъ и настаивалъ перевести больныхъ; притворясь, онъ напустился на генерала Гевальдигера — польскую или малороссійскую личность. Генералъ Гевальдигеръ всю вину спустилъ на генералъ-штабъ доктора; короче, какъ всегда, самъ чортъ не разберетъ, кто правъ, кто виноватъ. Такого рода увеселительныя исторійки повторяются здѣсь частенько и, разумѣется, весьма способствуютъ къ поддержанію

ревностной службы для блага ближнихъ. Когда же послѣ всѣхъ этихъ продѣлокъ, послѣ вопіющихъ недостатковъ и пошлостей администраціи, неминуемо откроется большая смертность между больными, то остаются виноватыми врачи—плохо лѣчили! Изволь лѣчить людей, лежащихъ въ грязи, безъ бѣлья и безъ прислуги; но врачи дѣйствительно виноваты, что они, какъ пѣшки, не смѣютъ пикнуть, гнутся, подличаютъ и, предвидя грозу отъ разъясненія правды, молчатъ, скрываютъ и разъигрываютъ столба. Вчера же я получилъ письмо и отъ Ея Высочества, гдѣ она предлагаетъ остаться мнѣ или врачамъ для блага общины и раненыхъ. Нѣтъ, если было трудно справляться, когда здѣсь была одна главная квартира, то еще труднѣе стало теперь съ прибытіемъ южной арміи, ея главной квартиры со всѣми интригами, интриганами и другими необходимыми принадлежностями. Врачи это видятъ всякій день и всякій изъ нихъ болѣе ни о чемъ не думаетъ, какъ дать тягу вслѣдъ за мною. Страшитъ не работа, не труды,—рады стараться,—а эти укоренившіяся преграды что-либо сдѣлать полезное,—преграды, которыя растутъ какъ головы гидры, одну отрубишь, другая выставится. Поблагодари Ея Высочество за ея хорошее обо мнѣ мнѣніе, но быть мертвой буквой я не могу, у меня и такъ много недруговъ; наживать еще больше хотя и не страшусь, но безъ всякой пользы для другихъ

и для себя не желаю. Носятся различные слухи о возможности пасть или устоять Севастополю; одни увѣрены, что онъ не можетъ пасть, когда есть у него подъ бокомъ 120000-ая армія; другіе говорятъ, что онъ въ большой опасности и не устоитъ; и то вѣрно, что скоро дѣло не рѣшится. Нашла коса на камень. Пошлостей и подлостей вѣрно поровну на обѣихъ сторонахъ; у кого больше, тотъ и проиграетъ, или, можетъ быть, тотъ и выиграетъ, но намъ не дождаться. Да и около Петербурга не совсѣмъ спокойно, это меня также заставляетъ уѣхать. Поблагодари еще разъ Ея Высочество и выскажи всю правду, такъ же, какъ и я скажу ее всякому, кому о томъ вѣдать надлежитъ. Прощай.

Твой

Севастополь. 3 мая.

Все еще тихо. Погода великолѣпнѣйшая. Наши дѣлали вчера ночью 2 вылазки, но незначительныя, больше для того, чтобы узнать, что́ дѣлается у непріятеля въ ложементахъ. Опять слухи стали надежнѣе, опять говорятъ, что Севастополь не будетъ взятъ. Сѣверная сторона сильно укрѣплена. Да, если подумаешь, то право стыдно и сомнѣваться въ успѣхѣ, имѣя здѣсь подъ руками 120000-ю армію. Еще говорятъ, идетъ сюда милиція изъ сосѣднихъ

губерній. Но я тебѣ уже писалъ, какъ здѣсь слухи невѣрны отъ господствующихъ интригъ и партій, не узнаешь навѣрное и того, что́ подъ носомъ дѣлается, а еще мало того, что́ дѣлается подъ землею, гдѣ безпрестанно копаются и непріятельскія, и наши мины. Теперь проходятъ иногда цѣлыя недѣли безъ выстрѣла, и если стрѣляютъ, то все на сѣверную сторону больше, и то накаленными ядрами, вѣроятно, направляя ихъ на корабли, куда, однакоже, они не попадаютъ.—Дѣло съ ранеными въ палаткахъ, о которомъ я тебѣ писалъ, кончилось тѣмъ, что туда пріѣхалъ, по моей жалобѣ, самъ главнокомандующій и распекъ генералъ-штабъ доктора и генерала Гевальдигера такъ, что на вопросъ главнокомандующаго, сколько больныхъ въ Симферополѣ, докторъ растерялся и отвѣтилъ на удачу. «Теперь очень уменьшилось, Ваше Сіятельство, было 800, а въ настоящее время 400».—Какъ, 400 въ сутки?—спросилъ гнѣвно князь.—«Нѣтъ-съ, Ваше Сіятельство, въ недѣлю».—Въ недѣлю!... Однакоже, это порядочно много.—«Извините, Ваше Сіятельство, въ мѣсяцъ!»—А, хорошо,—сказалъ удовольствованный князь, садясь на лошадь. Я посмотрѣлъ и пожалъ плечами. Низкая ложь, безъ стыда, чтобы загладить гнѣвъ начальника, уменьшить разомъ на цѣлыя сотни въ глазахъ всѣхъ знающихъ и незнающихъ дѣло.

Какъ у насъ не хотятъ этого постичь, что покуда

врачи будутъ находиться въ такой зависимости отъ военачальниковъ, что трясутся отъ одной мысли прогнѣвить ихъ, до тѣхъ поръ ничего нельзя путнаго ожидать, и если я принесъ пользу лишь какую-нибудь, то именно потому, что нахожусь въ независимомъ положеніи; но всякій разъ нахрапомъ, производя шумъ и брань, приносить эту пользу не очень весело. Тутъ никто и не подумаетъ, что это дѣлается для общей пользы. безъ всякихъ другихъ видовъ; думаютъ сейчасъ, что есть личности. Потому что у насъ нигдѣ другихъ причинъ нѣтъ; другихъ мотивовъ, кромѣ личныхъ, не существуетъ. Это я зналъ и прежде, но теперь знаю это еще тверже. Я понемногу собираюсь въ дорогу съ пріятнымъ убѣжденіемъ, что Севастополь не будетъ взятъ, а если падетъ, то не отъ недостатка мужества, а отъ интригъ и личностей. Посмотримъ, что́ будетъ дѣлаться на Балтійскомъ. Я не знаю, какъ можно отъ меня ожидать, чтобы я, пробывъ 6 мѣсяцевъ въ осажденномъ городѣ, еще бы вздумалъ безъ нужды оставаться въ немъ тогда, какъ война, можетъ быть такая же, будетъ свирѣпствовать около мѣстъ, гдѣ находится мое семейство и гдѣ я столько же могу быть полезнымъ, но съ большею пріятностью для себя, потому что буду находиться съ моими или вблизи моихъ. Какъ можно требовать отъ молодыхъ людей, которые были ежедневно свидѣте-

лями разныхъ козней, сплетней и прижимокъ, чтобы они произвольно подвергались всѣмъ слѣдствіямъ такового быта, безъ защитника, тогда какъ на нихъ смотрятъ, какъ на пришлецовъ и тогда, какъ они со мною до сихъ поръ пользовались полною независимостью отъ чиновническихъ притѣсненій властей. Ихъ можно принудить остаться; но что́ же изъ этого выйдетъ,—ревность ихъ будетъ парализована и ихъ забьютъ.

Когда я выѣду, я напишу тебѣ, и чтобы избавиться всѣхъ офиціальныхъ и неофиціальныхъ посѣщеній, лучше будетъ, если пріѣду прямо на дачу.

Севастополь. 14 мая 1855 г.

Я дожидаюсь только письма отъ Великой Княгини и отъ Пеликана, чтобы уѣхать, а то совсѣмъ уже собрался. Пеликанъ мнѣ писалъ, что доложилъ о моемъ отъѣздѣ до свѣдѣнія министра и выше и просилъ дождаться отвѣта; отвѣтъ же отъ Великой Княгини нуженъ, чтобы рѣшить участь врачей, которые не хотятъ оставаться безъ меня. Недавно было здѣсь огромное побоище, и наша работа продолжалась 2 дня и 2 ночи. Было 2000 раненыхъ и до 800 убитыхъ. Французовъ, говорятъ, вдвое было раненыхъ и убитыхъ. Наши вздумали провести новую траншею отъ 5 къ 6-му бастіону

и задумали построить новыя батареи. Французы сопротивлялись этому; было въ бою до 10000 съ нашей и столько же съ ихъ стороны. Французская гвардія побѣжала; дрались штыками въ траншеяхъ и нѣсколько разъ выбивали изъ нихъ другъ друга въ ночь съ 10 на 11 ч.

Въ первую ночь наши удержали траншею за собою, а на другой день оставили опять. Что́ теперь изъ этого будетъ?—не знаю, и вѣроятно не дождусь конца. Я не спалъ двѣ ночи и 2 дня и только сегодня, выспавшись, принялся за письмо. Письмо Пеликана отъ 26 апрѣля я получилъ третьягодня, и ожидаю на дняхъ обѣщаннаго имъ отвѣта. Какъ скоро получу рѣшеніе, такъ тотчасъ и поѣду. Грустно смотрѣть на Черное море, водой котораго я всякій день обливаюсь 2 раза. На немъ только и видишь, что французскіе и англійскіе корабли; наши лежатъ подъ водою, и только 6 осталось еще налицо, съ 3 или 4 пароходами. Теперь нестерпимая жара. Показывается опять холера и есть до 100 больныхъ; она есть и въ непріятельскомъ лагерѣ. Послѣ этого жаркаго дѣла опять все затихло, и сегодня не слышно ни одного выстрѣла. Французы не позволяли убирать нашихъ убитыхъ въ траншеяхъ и своихъ не убирали повидимому цѣлыхъ 2 дня; несмотря на то, что съ нашей стороны выкидывали 3 раза парламентерскій флагъ, они свой не

поднимали и потому съ убитыми лежали цѣлые два дня нѣкоторые и изъ нашихъ раненыхъ безъ воды и не перевязанные, это дѣлалось, вѣроятно, для того, чтобы убрать втихомолку своихъ убитыхъ и тѣмъ показать, что у нихъ меньше убыли, чѣмъ у насъ. Раненые, лежавшіе цѣлыхъ 2 дня, разсказывали, что непріятель возился цѣлую ночь, сбирая своихъ. Одинъ солдатъ, нашъ раненый, разсказывалъ, что онъ просилъ у одного француза напиться, показывая ему рукой на небо, но онъ въ отвѣтъ ему плюнулъ. Какой-то другой раненый, англичанинъ, лежавшій возлѣ него, сжалился надъ нимъ, далъ ему воды изъ манерки и галетокъ.

Наши дрались въ этотъ разъ славно, забыли и непріятельскую батарею. Горчаковъ благодарилъ ихъ на другой день, сказавъ: «Вотъ видите, ребята, у васъ не могли отнять французы траншею, что́ же и говорить о городѣ!»

Ты не повѣришь, какъ мнѣ здѣсь надоѣло смотрѣть и слушать всѣ военныя интриги; не нужно быть большимъ стратегикомъ, чтобы понимать, какія дѣлаются здѣсь глупости и пошлости, и видѣть, изъ какихъ ничтожныхъ людей состоятъ штабы; самые дѣльные изъ военныхъ не скрываютъ грубыя ошибки, нерѣшительность и безсмыслицу, господствующую здѣсь, въ военныхъ дѣйствіяхъ; многіе даже желаютъ уже Меншикова назадъ. Если намъ

Богъ не поможетъ, то намъ не на кого надѣяться, и надобно по-добру да по-здорову убираться. Въ Петербургѣ вѣрно не имѣютъ настоящаго понятія о положеніи дѣлъ здѣсь и, какъ обыкновенно, не знаютъ хорошо личностей. Куда-нибудь уѣхать въ глушь, не слышать и не видѣть ничего, кромѣ окружающаго, теперь самое лучшее. Если прислушаться, то голова идетъ кругомъ отъ всѣхъ глупостей и безразсудностей, которыя узнаешь. Сего же дня подаю записку Горчакову объ отправленіи меня и другихъ врачей, пріѣхавшихъ со мной, въ С.-Петербургъ. И такъ, если ты не получишь другого письма послѣ этого, то это будетъ значить, что я въ дорогѣ. Если же встрѣтится какое-нибудь нежданное препятствіе, то я тотчасъ же тебя увѣдомлю. Прощай, моя дорогая, до свиданія, цѣлую и благословляю дѣтей нашихъ, цѣлую еще разъ.

Я собираюсь въ дорогу. Но еще пробуду съ недѣлю здѣсь. Керчь занятъ французами. Главная квартира выступаетъ завтра изъ Севастополя, куда,— Богъ знаетъ. Спѣшу окончить. Прощай.

ВТОРАЯ ПОѢЗДКА.

Симферополь. 31 августа.

Я сюда пріѣхалъ три дня тому назадъ и останусь еще, вѣроятно, до завтра. Одинъ актъ трагедіи кончился, начнется другой, который будетъ вѣрно не такъ продолжителенъ, а тамъ третій. Вѣроятно еще до зимы будетъ оконченъ и 2-й актъ. О себѣ я ничего не говорю, можно ли при такихъ событіяхъ говорить о себѣ? Гдѣ я буду,—не знаю, останусь на сѣверной сторонѣ при главной квартирѣ, или буду сидѣть въ Симферополѣ, или на Бельбекѣ, ничего не знаю, все рѣшится по пріѣздѣ въ главную квартиру. Сегодня я не расположенъ болѣе писать, послѣ Богъ дастъ, если буду живъ и здоровъ, все напишу что́ увижу и по свидѣтельству очевидцевъ. Прощай, мой дорогой другъ, благослови и поцѣлуй дѣтей.

Твой

Бельбекская долина. 8 сентября.

Около недѣли я поселился въ татарской саклѣ, около одной версты отъ госпитальныхъ палатокъ, растянутыхъ въ долинѣ между Байдарскими возвышеніями, на берегу рѣки Бельбека, въ 6 верстахъ отъ Севастополя. Мы окружены со всѣхъ сторонъ горами, виноградниками, безъ винограда (истребленнаго уже давно солдатами), и пирамидальными тополями. Сыро и по временамъ порядочно холодно; клейкая и скользкая грязь едва позволяетъ передвигать ноги, вода въ рѣчонкѣ Бельбекъ также сущая грязь; но когда проглядываетъ солнце, то все поправляется. Больные, большею частію раненые послѣ послѣдняго штурма, лежатъ въ солдатскихъ палаткахъ и въ госпитальныхъ навѣсахъ, большею частью безъ коекъ, на матрацахъ, постланныхъ на землѣ; но вечеромъ и въ сырую погоду въ солдатскихъ крытыхъ палаткахъ лежащимъ на землѣ было невыносимо холодно, одѣялъ недоставало, полушубковъ еще не роздали. Я не зналъ какъ поправить дѣло и пошелъ болѣе по инстинкту, нежели съ намѣреніемъ заглянуть въ цейхгаузъ; къ моему удивленію, я нашелъ тамъ еще нѣсколько сложенныхъ палатокъ и неразвязанныхъ тюковъ; оказалось, что было еще 400 одѣялъ, которыя добродѣтельный комисаріатъ

госпиталя не распаковывалъ, остерегаясь излишней отчетности. Теперь почти всѣ больные прикрыты двойными палатками и всѣмъ розданы одѣяла. Бѣлье еще у многихъ грязно, и я сдѣлалъ замѣчаніе г-жѣ С., чтобы сестры, перевязывающія больныхъ, болѣе заботились о бѣльѣ; у нихъ есть еще 2000 рубахъ, да въ госпиталѣ 1600, а больныхъ было до 2000 ч. Оказывается и аптека, находящаяся въ ихъ рукахъ, не въ порядкѣ. Сестеръ теперь много относительно къ числу больныхъ, а порядку меньше. С. оправдывается тѣмъ, что она нѣсколько разъ требовала отъ госпитальнаго начальства, чтобы оно выдало бѣлье и пр., но ее не слушали; я ей говорилъ, что ей слѣдовало тотчасъ же донести по командѣ и требовать до тѣхъ поръ, пока удовлетворятъ. Какое ей дѣло, что на нее за это озлятся, развѣ она затѣмъ здѣсь, чтобы снискивать популярность между комисаріатскими и штабными чиновниками? —Но не долго еще будемъ здѣсь оставаться; болѣе мѣсяца госпиталь не можетъ простоять, и въ сакляхъ, гдѣ размѣщены офицеры (генералъ Хрулевъ, Ренненкампфъ и пр.) и гдѣ мы помѣщены, печей нѣтъ, нѣтъ потолковъ, нѣтъ и пола, и оконъ настоящихъ нѣтъ, такъ что если сакли можно назвать еще домомъ, то потому только, что есть стѣны и кровля. Вообще наступаетъ самое плохое время. Распоряженій еще рѣшительно, какъ и всегда,

никакихъ нѣтъ. Главная квартира переѣзжаетъ въ Бахчисарай, а госпитали остаются еще въ двухъ мѣстахъ; въ 4-хъ и въ 6 верстахъ отъ сѣверной стороны Севастополя; больныхъ, однакоже, перевозятъ ежедневно, и въ Симферополѣ, когда я былъ тамъ, накопилось уже до 13000; съ транспортами теперь случаются прежнія бѣдствія. Хорошо еще, если успѣемъ до октября мѣсяца всѣхъ вывезти, пользуясь теперь относительнымъ спокойствіемъ, господствующимъ около Севастополя. Нужно бы было сдѣлать воззваніе, чтобы вся Россія присылала войлоки, рогожи, одѣяла, бѣлье и полушубки для транспортируемыхъ раненыхъ; сѣна здѣсь и теперь уже почти нѣтъ, соломы и подавно, придется ихъ класть такъ же, какъ прошлаго года, на голыя телѣги, которыя теперь прикрываются рогожами. Вьельгорскій употребилъ уже болѣе 6000 руб. на покупку этихъ рогожъ, которыхъ здѣсь трудно найти; но это служило болѣе къ защитѣ отъ солнечнаго зноя, нежели отъ осенняго холода. Нужно войлока; не худо бы было имѣть и суконныя шапки съ ушами въ запасѣ, для головы,—солдатскія фуражки не грѣютъ и, лежа, сваливаются. На этихъ дняхъ я видѣлъ двѣ знаменитыя развалины—Севастополь и Горчакова.

Бухта раздѣляетъ одну отъ другой. Долго смотрѣлъ я съ сѣвернаго укрѣпленія и сверху батареи

№ 4 и простыми глазами, и въ трубу на Малаховъ курганъ, на Корабельную, на Николаевскія казармы, на Павловскій мысъ, и на Дворянское Собраніе, и на мое пепелище. На курганѣ замѣтилъ только редутъ, безъ людей и безъ движенія, на Корабельной видѣлъ пустыя улицы между обгорѣвшими домами, Николаевскія казармы, внутри обгорѣвшія, но снаружи цѣлыя и взорванныя. На Николаевской площадѣ стоятъ уже непріятельскія мортиры, изъ которыхъ пускаются иногда на сѣверную сторону бомбы; около казармъ и Графской площади разъѣзжаютъ и прохаживаются безбоязненно красные штаны, на Павловскомъ мыскѣ, вмѣсто укрѣпленія, виднѣются 2 огромныя кучи камней и песку, оставшихся послѣ нашего взрыва. Отъ Дворянскаго Собранія, гдѣ я столько времени жилъ и дѣйствовалъ, остались только стѣны и нѣсколько колоннъ. Въ домахъ напротивъ артиллерійской бухты, гдѣ я квартировалъ, вскорѣ послѣ моего отъѣзда, влетѣла бомба и отбила весь уголъ, гдѣ стояла моя кровать, пронизавъ ее насквозь, сверху донизу. Исключая Графскую площадь и Николаевскія казармы, въ городѣ, между обгорѣлыми домами, незамѣтно никакого движенія. И съ нашей стороны и съ непріятельской воздвигаются новыя батареи, изъ бухты торчатъ мачты вновь затопленныхъ кораблей; матросы еще иногда шныряютъ на шлюпкахъ вдоль

нашего берега, около затопленныхъ пароходовъ. Но почти всѣ убѣждены, что сѣверная сторона не будетъ долго держаться, и бухта будетъ въ рукахъ непріятелей; сѣверная сторона будетъ подъ прикрытіемъ нашихъ батарей и флота; почти всѣ войска выведены, оставили только нѣсколько для работъ и матросовъ въ батареяхъ. Посмотрѣвъ на Севастополь, я отправился посмотрѣть и на Горчакова и нашелъ его, къ моему удивленію, одного, безъ Коцебу; но вскорѣ это необыкновенное явленіе объяснилось: Коцебу въ этотъ день уѣхалъ къ своей женѣ, которая недавно прибыла на Бельбекъ. Вмѣстѣ съ разрушеніемъ Севастополя произошли измѣненія и въ наружномъ видѣ генія отступленія. Шапка, которая прежде надѣвалась имъ на затылокъ, теперь надѣвается почти на самый носъ, такъ что можно разсмотрѣть только одну нижнюю часть лица; очки и усы покоятся подъ тѣнью безконечно длиннаго козырька. Un quart d'heure de conversation продолжался около часа, состоялъ изъ отрывковъ и кончился дежурнымъ генераломъ. Отобѣдавъ у Горчакова, я долженъ былъ обратиться къ землянкѣ этого представителя врачебной науки при Штабѣ, который встрѣтилъ меня твердо выученнымъ наизусть отчетомъ о состояніи госпитальной части, какъ вдругъ дверцы землянки распахнулись и бѣлая фуражка съ огромнымъ козырькомъ, надвинутая на

носъ, быстро влетѣла, бормоча съ непостижимою скоростью: «Какой дуракъ писалъ у васъ эту бумагу? гдѣ 2-й батальонъ 10-й дивизіи, а?»—Это ошибка, Ваше Сіятельство,—сказалъ дежурный генералъ, вскочивъ со стула и вытянувъ руки по швамъ.—«То то ошибка, тутъ все ошибки, дайте переписать».—Извините, Ваше Сіятельство, кромѣ этой ошибки другой нѣтъ.—«Да почемъ же вы знаете, что нѣтъ?»—Трудно было отвѣчать на это положительно, и Горчаковъ такъ же поспѣшно выскочилъ изъ дверей, какъ и вошелъ.—Не добьюсь толку, гдѣ будутъ госпитали въ позднюю осень, будутъ ли и когда будутъ готовы бараки, заказанные въ Николаевѣ. Я отправился уже поздно вечеромъ домой съ объясненіемъ, что получу списокъ всѣхъ врачей, занятыхъ въ госпиталяхъ, при транспортахъ и т. п., по приказанію Горчакова, но до сихъ поръ его еще не получилъ.—Что́ будетъ,—увидимъ; покуда ничего болѣе не остается, какъ довольствоваться плохимъ настоящимъ и удивляться прошедшему.

Третьягодня пріѣхала сюда г-жа Хитрово изъ Одессы, и мнѣ кажется, что она благодѣтельно подѣйствуетъ на будущую судьбу Общины. Я ей изложилъ мои взгляды, просилъ ее смотрѣть на Общину не просто какъ на собраніе сидѣлокъ, но видѣть въ ней *будущую нравственную контроль* нашей хромой госпитальной администраціи и съ этой цѣлью

вникнуть во внутреннія дѣла общины и въ характеръ лицъ ее составляющихъ. Мнѣ понравилось, что она при мнѣ же остановила одну сестру, которая, привыкнувъ называть свою начальницу превосходительствомъ, обратилась и къ ней съ этимъ титуломъ. «Я не превосходительство, а такая же сестра, какъ и вы», отвѣчала Хитрово. Ожидаю съ нетерпѣніемъ отъ нея, что она хорошо разузнаетъ, и надѣюсь, что съ ней можно будетъ положить прочную основу Общинѣ.

Что́ тебѣ сказать про мое житье? Я рѣшился здѣсь жить не раздѣваясь, не снимая платья ни днемъ, ни ночью—это гораздо спокойнѣе; и удивляюсь, какъ могли наши защитники Малахова кургана попасться раздѣтыми, въ однѣхъ рубашкахъ и босикомъ, въ руки непріятеля. Со мной этого не можетъ случиться, если непріятель насъ обойдетъ на Бельбекѣ. Сегодня покупаю лошадь, по здѣшней грязи нѣтъ возможности ходить пѣшкомъ. Прощай, Господь храни тебя и дѣтей, будь здорова и терпѣлива, не унывай и молись. Еще разъ прощай.

Твой

Бахчисарай. 17 сентября.

Я тебѣ опять ничего не могу сообщить положительнаго, гдѣ я буду и долго ли на одномъ мѣстѣ. Вчера на Бельбекѣ, сегодня въ Бахчисараѣ, завтра въ Симферополѣ, куда писать и адресовать письма, сказать не могу, пиши въ Главный Штабъ. Живу то въ саклѣ, то въ палаткѣ, то въ комнатѣ. Ѣзжу верхомъ и для того купилъ себѣ лошаденку, именуемую «чертенкомъ», которая мастерски ходитъ иноходью, такъ что не устаешь. Отъ тебя получилъ 2 письма и оба вмѣстѣ. Погода здѣсь стоитъ чудесная, на дворѣ лучше, чѣмъ въ комнатѣ. Здѣсь покуда все тихо. Сѣверную сторону бомбардируютъ, но пока не сильно, раненыхъ не болѣе 4—5 въ день; безпрестанное передвиженіе войскъ, и главная квартира теперь въ Бахчисараѣ. Великіе Князья остались въ Николаевѣ и останутся тамъ, можетъ быть, весь октябрь и займутся укрѣпленіемъ. Государь въ Кишиневѣ.

Прощай.

Симферополь. 22 сентября.

Я пріѣхалъ сюда уже около недѣли и еще здѣсь останусь, вѣроятно, нѣсколько недѣль, потому что теперь сюда направлены всѣ больные и раненые, всѣ госпитали, исключая Бахчисарая и Бельбека, уничтожены и въ Симферополѣ—въ городѣ, гдѣ 12000 жителей, теперь 13000 больныхъ и изъ нихъ 7000 раненыхъ. Ты, я думаю, можешь одно письмо написать сюда въ Симферополь; впрочемъ, Богъ знаетъ, теперь съ часу на часъ ждутъ всѣ, что мы оставимъ Крымъ и не будемъ въ немъ держаться; непріятель ведетъ новую дорогу изъ Байдарской долины къ Бахчисараю. Горчаковъ стоитъ въ 8 верстахъ отъ Бахчисарая въ Ортокаралесѣ, а Сакенъ стоитъ на Менціовой горѣ. Сѣверную сторону продолжаютъ бомбардировать, и довольно сильно; когда я былъ тамъ, то едва прошелъ нѣсколько шаговъ отъ сѣвернаго укрѣпленія къ Константиновской батареѣ, какъ упало съ десятокъ бомбъ, но вреда онѣ вообще причиняютъ мало; загорѣлся одинъ магазинъ съ мукою и горѣлъ цѣлую недѣлю; убиваютъ или ранятъ бомбами ежедневно человѣка четыре, не болѣе, да и весь гарнизонъ нашъ на сѣверной сторонѣ состоитъ изъ 2000 моряковъ, да милиціи; непріятель не налегаетъ крѣпко, да и мы

тамъ держаться въ случаѣ сильнаго напора не будемъ; безпрестанныя неудачи; недавно французы высадились снова въ Евпаторіи, заняли Саки, прогнали наши кавалерійскіе аванпосты и захватили шесть пушекъ; по разсказамъ раненыхъ, они преслѣдовали нашихъ 10 и болѣе верстъ. Теперь непріятель со стороны Евпаторіи въ 40, со стороны южной также не болѣе, какъ въ 40 верстахъ отъ Симферополя, а въ Симферополѣ всѣ наши провіантскіе склады заготовлены на всю зиму; отъ Евпаторіи до Симферополя гладкое мѣсто, степь, а съ южной стороны гористо; но потомъ они ведутъ новую дорогу и, говорятъ, быстро подвигаются впередъ. Горчаковъ, какъ кажется, окончательно растерялся и двигаетъ войска безпрестанно съ мѣста на мѣсто, какъ шашки, то сюда, то туда, утомляетъ и поселяетъ недовѣріе. Духъ въ арміи упалъ, никто не вѣритъ; послѣ столькихъ ошибокъ и неудачъ довѣріе исчезло. Въ теченіе шести недѣль вѣрно будетъ что-нибудь рѣшительное; непріятель хочетъ, какъ кажется, ударить съ двухъ сторонъ (съ Евпаторіи и съ Байдарской долины) на Бахчисарай и Симферополь и такимъ образомъ овладѣть не только сѣверной стороной Севастополя (о которой теперь уже мало заботятся), но и Крымомъ. Я бы совѣтовалъ Горчакову поскорѣе отступить за Перекопъ и оттуда уже вести войну; въ Крыму же

его окружатъ или отрѣжутъ. Погода здѣсь стоитъ превосходная, на дворѣ жарко. Я, живши въ палаткѣ и въ саклѣ, здѣсь переѣхалъ въ комнату и каждый день приходится осмотрѣть до 800 и до 1000 раненыхъ, разсѣянныхъ по городу въ 50 разныхъ домахъ.

Ея Высочеству Великой Княгинѣ я по послѣдней почтѣ послалъ подробное донесеніе объ Общинѣ, дѣла которой разбиралъ съ Екатериной Александровной Хитрово, пріѣхавшей сюда для этого по порученію Великой Княгини изъ Одессы; оказалось яснымъ, въ чемъ я прежде только догадывался,—всѣ несогласія и интриги въ Общинѣ происходили не отъ кого болѣе, какъ отъ начальницы; она, видя теперь грозу, подниметъ небо и землю, и будетъ чрезъ своихъ клевретовъ дѣйствовать на Великую Княгиню; но я самъ высказалъ Великой Княгинѣ все, что́ узналъ, и твердо увѣренъ, что для блага Общины нужна другая начальница. Кромѣ госпиталей и Общины, меня занимаютъ теперь и транспорты, которые отходятъ отсюда почти ежедневно. Если бы ты знала, что́ тутъ дѣлается, если бы ты слышала всѣ разсказы о злоупотребленіяхъ и грабежахъ, производимыхъ транспортными начальниками, такъ у тебя волосы бы стали дыбомъ. Государь встрѣтилъ одинъ такой транспортъ около Кременчуга и нашелъ, что недостаточно одного полу-

шубка для трехъ больныхъ, а если бы онъ зналъ, что въ другихъ транспортахъ, кромѣ изорванной и истертой шинели, ничего не даютъ для прикрытія даже тяжелыхъ больныхъ, что́ бы онъ сказалъ тогда? Цѣлые милліоны стоитъ эта перевозка больныхъ и, несмотря на это, она въ самомъ жалкомъ первобытномъ состояніи; уже не говоря объ удобствахъ, больные не снабжены даже порядочною водою на дорогу, они мучаются отъ жажды и потомъ на какой-нибудь станціи бросаются съ жадностью на колодцы, наполненные соленою водою,—другихъ нѣтъ между Перекопомъ и Симферополемъ; дрожатъ отъ холода, останавливаясь ночевать въ холодныя ночи подъ открытымъ небомъ въ телѣгахъ.

Я послалъ въ первый разъ 4-хъ сестеръ съ транспортомъ и поручилъ одной изъ нихъ, къ которой я болѣе имѣлъ довѣрія, Бакуниной, осмотрѣть все на этапахъ и передать мнѣ свои замѣчанія. Очень кстати было сдѣлано, что съ ними отправилось нѣсколько врачей; имъ хотя и не предстояли такіе труды, какіе были при осадѣ, но множество другихъ въ другомъ родѣ; здѣсь приходится на одного врача по 180 и по 200 больныхъ перевязочныхъ; если положить самое меньшее—5 минутъ на перевязку каждаго (когда у сестры Маши палецъ болѣлъ, то перевязка продолжалась болѣе четверти часа, а я кладу пять минутъ на пере-

вязку ноги или руки), то нѣтъ физической возможности, чтобы они осмотрѣли всѣхъ; между тѣмъ въ Крыму теперь стоитъ 400 военныхъ и гражданскихъ врачей, а больныхъ всего около двадцати тысячъ, слѣдовательно, приходилось бы только по 50 больныхъ на каждаго врача, если бы дѣятельность ихъ была распредѣлена равномѣрно,—вотъ образчикъ нашей распорядительности; вотъ чего я добивался у правительства, чтобы оно обратило вниманіе на такіе вопіющіе недостатки, а про меня разгласили, что я хочу быть главнокомандующимъ!

Отъ тебя я получилъ послѣднее письмо отъ 29 августа вмѣстѣ съ другимъ, отъ 25 августа, такъ что я ничего не знаю, что́ у васъ дѣлается, но уповаю на Божью милость. Молю Бога, чтобы ты только, моя дорогая, и дѣти были здоровы, это все, что́ я у Бога прошу. Я самъ слава Богу покуда. Спѣшу кончить, посылаю это письмо съ курьеромъ. Прощай.

Твой

Симферополь. 29 сентября.

Послѣднее твое письмо я получилъ отъ 9 сентября, иначе и быть не можетъ, оно ходитъ изъ одного мѣста въ другое, пока дойдетъ до меня. Я покуда все еще въ Симферополѣ, гдѣ число боль-

ныхъ 12000, все еще не убавляется. Мой штабъ разсѣянъ по всему городу, пятеро, однакоже, живутъ въ одной квартирѣ со мною. Погода здѣсь стоитъ превосходная; тепло и жарко какъ въ Петербургѣ въ іюлѣ; ты не повѣришь, какое я всякій день поѣдаю количество винограда, фунтовъ по 5, и несмотря на это, не замѣчаю дѣйствія невской воды; обливаюсь всякій день холодной водой въ татарской банѣ, живу въ маленькой комнатѣ, окнами въ садъ, цѣлое утро до 4-хъ часовъ занятъ, а вечеромъ постоянно въ дамскомъ обществѣ; всякій день ко мнѣ является Екатерина Алекс. Хитрово, посланная сюда Вел. Кн. изъ Одессы по дѣламъ Общины; съ нею я изучилъ въ это время такъ всѣ характеры Общины по собраннымъ ею свѣдѣніямъ, что знаю всѣхъ сестеръ наизусть, всѣ ихъ сплетни, взгляды и интриги. Не худо, если бы Вел. Княгиня поскорѣй разрѣшила отправить сестеръ въ транспортѣ съ больными, тогда бы С. уѣхала вмѣстѣ съ своей партіей, и можно было бы дѣйствовать безъ шума. Покуда, въ видѣ опыта, я поручаю начальство въ Симферополѣ вновь прибывшей Карцевой.—Долго ли будетъ продолжаться военное бездѣйствіе, Богъ знаетъ; непріятель (я, кажется, уже тебѣ писалъ) ведетъ дорогу изъ Байдарской долины черезъ ущелье, куда—еще неизвѣстно. Кажется, и главнокомандующій сидитъ и караулитъ, что̀ будетъ; сѣверную сто-

рону бомбардируютъ еще, запасы изъ нея всѣ вывезли, и потому, вѣроятно, ее скоро оставятъ. Государя ждали-было сюда, но, говорятъ, Горчаковъ отсовѣтовалъ. Въ Одессѣ на рейдѣ явились третьягодня 80 кораблей. Въ теченіе мѣсяца должно рѣшиться, останется ли Крымъ за нами, или нѣтъ; но, судя по видимому, наши дѣла плохи. Коль протянутся такъ, авось поправятся. Теперь я занимаюсь транспортомъ больныхъ. особенно которые отсюда идутъ всякій день, и скоро эти транспорты отъ холода и дорогъ сдѣлаются такими же трудными, какъ были и прошлаго года. Надо бы заблаговременно распорядиться, о чемъ я уже Горчакову и писалъ, но отъ него покуда ни слуха, ни духа. У насъ стоятъ 4 лошади собственныхъ наготовѣ, хотимъ купить еще пару верблюдовъ на случай бѣгства.

Что́-то вы подѣлываете, мои дорогіе? Я только надѣюсь на Бога—на почту нечего надѣяться—и разсуждаю такъ: если хорошо, то узнаю рано или поздно, а если худое, то чѣмъ позднѣе узнаю, тѣмъ лучше; но Богъ дастъ все будетъ обстоять хорошо, и я стараюсь ни о чемъ не думать, кромѣ о госпиталяхъ, о сестрахъ и о транспортахъ. Прощай и благослови за меня дѣтей!

Симферополь. 6 октября.

Письмо отъ 17 сентября получилъ сегодня. Оно скиталось долго, покуда до меня дошло. Теперь пиши лучше въ Симферополь, я здѣсь еще пробуду недѣли 2, а если и уѣду, то все-таки скорѣе найду письмо здѣсь, чѣмъ гдѣ-нибудь.

Здѣсь погода все еще стоитъ прекрасная, какая рѣдка въ іюлѣ въ Петербургѣ. Виноградъ продолжаю ѣсть по цѣлымъ фунтамъ.—Отъ Великой Княгини еще не получалъ отвѣта, и это останавливаетъ ходъ дѣлъ. Я принялся съ энергіей за Общину и очистилъ бы ее такъ, чтобы Великая Княгиня осталась довольна, если она желаетъ, чтобы заведеніе имѣло будущее, а не одно настоящее. Всякій вечеръ до 1 часа я провожу съ Хитрово, Бакуниной и Карцевой—три столба Общины. Я не понимаю, какъ Великая Княгиня, съ ея умомъ и желаньемъ добра, могла слушать навѣты на Бакунину, — это удивительная женщина, она, съ ея образованіемъ, работаетъ какъ сидѣлка, ѣздитъ съ больными, съ транспортами и не слушаетъ никакихъ пересудовъ, держитъ себя, какъ нужно дамѣ ея лѣтъ и ея образованія. Хитрово опытная женщина по дѣламъ Общины, мнѣ много помогаетъ и сообщаетъ многое, чего я не зналъ, не занимаясь внутреннимъ бытомъ

Общины, такъ какъ теперь Карцева этимъ завѣдываетъ и совѣстливо принялась за дѣло, и мы въ 7 дней такъ поставили запущенный госпиталь на ногу, что теперь не узнаешь. Отдали смотрителя подъ слѣдствіе, завели контрольныя дежурства изъ сестеръ, и обо всемъ всякій день онѣ приходятъ мнѣ сообщать отчетъ. С. съ ея отдѣленіемъ сестеръ, состоящихъ изъ малообразованныхъ личностей, желающихъ возвратиться въ Петербургъ, я устранилъ или, лучше, она сама устранилась отъ дѣлъ; она умѣла только интриговать и кричать про себя, не имѣя ни чувства, ни понятія о дѣлѣ, а только держалась своею кажущеюся распорядительностью, и все, что́ было выше и лучше, старалась подавить. Недаромъ я всегда не имѣлъ къ ней довѣрія, но отстранялся отъ непріятностей съ нею, думая, что она хоть современемъ пойметъ настоящее высокое назначеніе Общины; не тутъ-то было; она смотрѣла на все съ своей стороны и хотѣла только блистать и важничать. Ея удаленіе, вмѣстѣ съ ея отдѣленіемъ необходимо, и я жду съ часу на часъ разрѣшенія Великой Княгини. Если Великая Княгиня, несмотря на всѣ доказательства съ моей стороны и со стороны Хитрово и Карцевой, не захочетъ разстаться съ С., то я оставлю Общину — я дорожу слишкомъ будущностью Общины и моимъ именемъ. Вникнувъ теперь во всѣ подробности, я вижу,

что только тамъ исполнялось совѣстливо все, что вело къ достиженію настоящей цѣли Общины, гдѣ дѣла сестеръ преслѣдовались при мнѣ, или гдѣ были дѣльныя старшія сестры, а не тамъ, гдѣ дѣйствовала сама С., которая смотрѣла на сестеръ, какъ на сидѣлокъ, требовала только отъ нихъ, чтобы цѣловали ея ручки, и тѣхъ и отличала, которыя обращались къ ней съ подобострастью. Къ этой же категоріи принадлежала и сестра Л., которая своими ахами и сладкою сентиментальностью оставляла больныхъ только что не на произволъ Божій; я былъ вынужденъ ей сдѣлать выговоръ, когда былъ въ Бахчисараѣ, сказавъ, что нужны ея дѣла, а не разговоры.

Крымскія дѣла идутъ попрежнему, ничего новаго; почти всѣ больные свезены теперь въ Симферополь и отсюда постоянно транспортируются, покуда кое-какъ прикрытые рогожами, купленными комитетомъ уже на 12000 руб. сер., а потомъ къ осени еще хуже. Главная квартира въ Ортокаралесѣ, я ее бомбардирую докладными записками, а дѣла остаются все попрежнему. Только еще Община, въ которой я вижу возможность сдѣлаться лучше, идетъ, а то все стоитъ или лежитъ. Раненыхъ свѣжихъ мало, потому что бомбардировка на сѣверной не слишкомъ сильная, войска еще передвигаются съ мѣста на мѣсто, какъ шашки; будущее, какъ и всегда,

неизвѣстно. День я занятъ въ госпиталяхъ и читаю лекціи собравшимся здѣсь врачамъ, а вечеромъ занимаюсь дѣлами Общины О политикѣ ничего не слышу и не читаю,—чортъ съ нею. Прощай, моя дорогая, Господь съ тобою, надѣйся на Бога, не унывай, не сомнѣвайся, молись и ожидай съ твердою надеждой. Дѣтей цѣлуй и благослови.

Твой

Симферополь. 14 октября.

Послѣднее письмо отъ 14 сентября, кажется, милая Саша; я пишу регулярно каждую недѣлю, писалъ бы и чаще, но Община беретъ у меня много времени. Скажи Раденъ, что С. съ ума сходитъ, и если ее отсюда не возьмутъ, то я оставлю Общину на произволъ Божій. Съ ней хотятъ дѣлать все мирно и ладно, а она способна только кричать. Если бы ни Карцева, ни Бакунина, ни Хитрово, то я бы счелъ низкимъ для себя имѣть съ ней дѣло.

Здѣсь все попрежнему; но въ октябрѣ вѣрно рѣшится, удержимъ ли мы Крымъ на зиму за собою, или нѣтъ; непріятель дѣлаетъ безпрестанныя диверсіи, показывается то тамъ, то здѣсь, такъ что, я думаю, у Горчакова безпрестанный поносъ. Мы живемъ здѣсь, слава Богу, не худо, занимаемся дѣльно; въ госпиталяхъ, гдѣ теперь сестры, идетъ

прекрасно. Бакунина, очерненная у Великой Княгини С., ѣздитъ съ транспортами до Перекопа; трудныя дороги, ночи въ аулахъ, постоянныя наблюденія за больными ей нипочемъ, — рѣдкій характеръ; нельзя не уважать. Тоже и Карцева, которая, не помню, при тебѣ или безъ тебя, была у насъ въ Ораніенбаумѣ, — несмотря на то, что мала ростомъ, такъ славно работаетъ въ госпиталяхъ, что любо смотрѣть.

Теперь только я узналъ всѣ интриги и сплетни Общины,—нечего сказать, уживчивыя женщины!— Но утѣшительно то, что есть еще нравственная власть, которая выше интригъ и сплетенъ, надобно только съумѣть распорядиться.

Богъ благословитъ тебя, моя дорогая, не завидуй, я написалъ объ Общинѣ къ Раденъ три листа, а тебѣ одинъ, не расчелъ времени, а теперь спѣшу.

Твой

Симферополь. 17 октября.

Погода стоитъ еще чудесная. Ночи холодны и морозитъ, но днемъ жарко и сухо. Ничего еще новаго здѣсь; войска безпрестанно мѣняютъ позицію. Продолжаю заниматься попрежнему, обливаться водою въ татарской банѣ и ѣсть виноградъ. Столъ у насъ роскошный, по милости д-ра Тарасова, который живетъ съ нами и имѣетъ своего повара.

Вино, сигары и пр., посланное отъ тебя, получилъ все сполна. Обермюллеръ пишетъ изъ Кишинева,— также ничего новаго. Корабли стоятъ, но послѣ взятія Канробером Корабельной Косы, покуда еще ничего не предпринимаютъ. Сѣверную сторону бомбардируютъ слегка, такъ что мало раненыхъ, но мы еще здѣсь и со старыми ранеными не умѣемъ справиться, все еще 2000 слишкомъ.

Наконецъ С. уѣзжаетъ, и Хитрово дѣлается старѣйшею; это не С. Каждый вечеръ она и Карцева приходятъ ко мнѣ, и мы вводимъ всевозможные крючки, чтобы ловить госпитальныхъ воровъ. Карцева просто неутомима, день и ночь въ госпиталѣ, и варитъ для больныхъ, и перевязываетъ, и сама дѣлаетъ все, и всякій день отъ меня выходитъ съ новыми распоряженіями. Несмотря на то, еще мы не успѣли поймать, отчего куриный супъ, въ который на 360 человѣкъ кладется 90 куръ, такимъ выходитъ, что на вкусъ не курицей, а крупой одной отдаетъ, тогда какъ сестры варятъ меньшее количество и меньше куръ кладутъ, а вкусъ лучше; уже мы и котлы запечатывали, все не помогаетъ, а надобно подкараулить; право, жалко смотрѣть, даютъ такое количество, что можно бы было чудесно кормить, а больные почти не ѣдятъ супа.

Прощай! Господь съ тобою и дѣтьми.

Твой

21 октября.

Наконецъ С. съ первымъ отдѣленіемъ сестеръ уѣзжаетъ сегодня. Теперь я еще болѣе, чѣмъ прежде, убѣжденъ, что женщины между собою ужиться не могутъ; нельзя себѣ представить эту сѣть интригъ и смутъ, которыя господствовали до сихъ поръ въ Общинѣ; когда я теперь разобрался въ подробностяхъ, то я ужаснулся. Не знаю, что́ впередъ будетъ, но я вижу теперь, по крайней мѣрѣ, что есть сестры, которыя дѣйствительно одушевлены желаніемъ исполнять свои обязанности и достаточно просвѣщены понять ихъ святое назначеніе. Не знаю, довольна ли Великая Княгиня или нѣтъ, но я ей черезъ Раденъ высказалъ всю правду и написалъ, какъ я смотрю на Общину. Шутить такими вещами я не намѣренъ, для виду дѣлать только также не гожусь; и такъ, если выборъ В. Княгини палъ на меня, то она должна была знать, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Теперь покуда такъ идетъ въ Общинѣ, что любо смотрѣть. Хитрово не С., сама ходитъ на дежурство, не стыдится складывать бинты и перевязывать больныхъ и не величаетъ себя превосходительствомъ, какъ С.; зато и не будетъ называться главною начальницей Общины, а просто старѣйшею сестрою. Поговори объ этомъ съ Раденъ и узнай,

какъ она думаетъ. Мнѣ бы не хотѣлось, чтобы мои заботы объ Общинѣ, въ которой я вижу прекрасное будущее, остались втунѣ. Если хотятъ не *быть*, а только *казаться*, то пусть поищутъ другого, а я не перерождусь.

Твой

Симферополь. 28 октября.

Сегодня сюда ожидаютъ Государя и все въ ужасномъ движеніи: по улицамъ скачутъ и бѣгаютъ, фонари зажигаются, караульные разставляются; неизвѣстно сколько времени онъ здѣсь пробудетъ, куда отсюда поѣдетъ. Горчаковъ уже здѣсь. Всѣ мои представленія о госпиталяхъ и другія которыя до сихъ поръ не были исполнены и лежали въ главной квартирѣ, вдругъ явились сюда на сцену, по крайней мѣрѣ на бумагѣ. Чутокъ русскій человѣкъ! Посмотримъ, что́ дальше будетъ. Община, слава Богу, пошла на ладъ, какъ нельзя лучше, послѣ отъѣзда С., которая такъ долго величалась главною начальницею. Послѣ молебна, въ прошлое воскресенье, я представилъ сестрамъ ихъ старѣйшую сестру (я предложилъ Великой Княгинѣ уничтожить чиновническое имя главной начальницы, а называть просто старѣйшею сестрою), Хитрово, и просилъ ихъ жить въ мирѣ и согласіи, увѣряя, что отнынѣ

дѣла Общины будутъ рѣшаться безъ лицепріятія, по полной справедливости. Старѣйшая сестра, вмѣстѣ съ духовнымъ пастыремъ и съ другими старшими сестрами и мною, разумѣется, покуда я здѣсь,— коллегіально. Погода здѣсь до сегодня стояла превосходная. Вчера начался вѣтеръ и ночью легкій морозъ, но днемъ на солнцѣ все еще тепло и жарко. Виноградъ начинаетъ исчезать. Окачиваться продолжаю попрежнему, но не въ татарской, а въ русской банѣ.—О непріятелѣ ничего не слыхать, какъ будто бы здѣсь его и не было, и онъ, и мы въ полномъ бездѣйствіи; раненыхъ, исключая старыхъ, почти нѣтъ, но больныхъ много, все поносы и лихорадки.

Если, Богъ дастъ, буду живъ и здоровъ, то черезъ мѣсяцъ выѣду отсюда, а покуда, послѣ отъѣзда Государя, поѣду въ Перекопъ, возвращусь назадъ, отправлюсь въ Бахчисарай, заѣду на сѣверную сторону Севастополя и потомъ пріѣду опять въ Симферополь и отсюда уже отправлюсь далѣе въ Россію осматривать на дорогѣ госпитали. Ты же письма твои всѣ адресуй до того, т.-е. до конца ноября, въ Симферополь.

О политическихъ дѣлахъ, о томъ, что̀ дѣлается внѣ Симферополя, мы ничего не слышимъ и ничего не читаемъ, да и нечего читать, потому что вѣрно ничего хорошаго не начитаешь. Только то слышно, что Николаевъ порядочно укрѣпили и непріятель-

скія суда удалились. По бумагамъ у Горчакова въ Крыму 260000, да внѣ Крыма состоитъ 400000, такъ что на бумагѣ и на жалованьѣ до 700000, а много ли на дѣлѣ,—одному Богу извѣстно! 700000 счесть не бездѣлица, и 200 человѣкъ начнешь считать, такъ какъ разъ ошибешься. Зимой здѣсь, вѣроятно, ничего не будетъ, развѣ гдѣ-нибудь на Азовскомъ морѣ, которое замерзнетъ. Сейчасъ за мной прислалъ Горчаковъ и совѣтовался со мной о своихъ глазахъ, увѣряя, что онъ уже старъ и плохо видитъ,—не хочетъ ли махнуть въ отставку, не худо бы было, будетъ съ него, послужилъ довольно. Здѣсь все еще до 11000 больныхъ и тысячи 2 раненыхъ, которые со дня на день уменьшаются, такъ что скоро мнѣ здѣсь мало останется дѣла. По вечерамъ у меня ежедневно конгрессъ старшихъ сестеръ, которыя приходятъ ко мнѣ съ различными донесеніями о госпиталяхъ.

Твой

Симферополь. 4 ноября.

До моего отъѣзда, если Богъ поможетъ, я успѣю еще написать къ тебѣ письма два, не болѣе; потому что недѣли черезъ двѣ я могу уже объѣхать крымскіе госпитали, прежде чѣмъ выѣду отсюда.— Государь былъ здѣсь нѣсколько часовъ, осмотрѣлъ нѣкоторые

госпитали, но я его не видалъ, потому что оставался въ той части госпиталей (ихъ здѣсь 52), гдѣ обходилъ Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, а мнѣ въ моемъ пальто казалось неприличнымъ тѣсниться между мундирными, да и сестры Общины помѣщались только въ этомъ отдѣленіи, гдѣ я встрѣтилъ Великаго Князя. Государь хотѣлъ казаться всѣмъ довольнымъ, хотя многое не было такъ хорошо, какъ казалось. Погода стоитъ у насъ съ недѣлю сухая, ясная, но вѣтреная и очень холодная, и больные зябнутъ жестоко въ баракахъ и госпитальныхъ шатрахъ; раненыхъ новыхъ совсѣмъ нѣтъ, потому что почти совсѣмъ не дерутся; но больныхъ очень много, сюда прибываетъ по 500 въ сутки. Перекопъ весь запруженъ больными изъ гренадерскаго корпуса, и вывозъ дѣлается съ каждымъ днемъ труднѣе; я безпрестанно отписываюсь съ главнокомандующимъ, и на бумагѣ все идетъ какъ нельзя лучше, но не на дѣлѣ.

Изъ послѣдняго твоего письма вижу, что ты опять теряешь терпѣніе. Это нехорошо. Гдѣ же упованіе на помощь Божію? Тебѣ бы надобно было въ этомъ отношеніи и меня направлять, а ты сама чуть ли не болѣе моего ослабѣваешь въ упованіи.

Здѣсь все тихо; новостей никакихъ нѣтъ; послѣ отъѣзда Государя осталось все какъ было; жители Симферополя успокоились и надѣются провести зиму

здѣсь, а то было они уже были наготовѣ дать тягу.

Богъ дастъ къ Рождеству Христову, а можетъ быть и прежде, мы увидимся, все зависѣть будетъ отъ того, каковы будутъ дороги и по какому направленію я поѣду; больные теперь раскиданы по разнымъ направленіямъ, и я еще не рѣшился куда ѣхать и по какому маршруту.

Храни васъ всѣхъ Господь.

Твой

Симферополь. 11 ноября.

Сегодня возвратился изъ Перекопа, гдѣ оставался два дня и смотрѣлъ госпитали, заваленные больными изъ гренадерскаго корпуса. Съ этою же почтою посылаю письмо къ министру о томъ, что выѣду отсюда 1 декабря и поѣду на Херсонъ и Николаевъ.

Здѣсь начались холода; сегодня вода на одинъ вершокъ подмерзла; по дорогѣ въ Перекопъ было порядочно холодно; хорошо что по крайней мѣрѣ грязи нѣтъ. О пріѣздѣ Государя сюда я уже, кажется, писалъ; я не успѣлъ его видѣть, онъ не былъ въ томъ отдѣленіи госпиталя, гдѣ находились сестры, а я хотѣлъ именно тамъ оставаться на случай.

Здѣсь новаго ничего нѣтъ. Все какъ было по-

прежнему. Слухи разнеслись въ Перекопѣ, что непріятель изъ Евпаторіи сѣлъ на суда; а на сѣверной сторонѣ четыре недѣли какъ не слышно ни одного выстрѣла.

Кланяйся нашимъ, дѣтей благослови и поцѣлуй. Дай вамъ Господь всѣмъ быть здоровыми; ты ради Бога береги себя!

Твой

Симферополь. 18 ноября.

Кажется, уже предпослѣднее письмо, моя несравненная Саша; но отвѣта на него уже не получу. Кончая здѣсь свои дѣла, дѣлалъ, что̀ могъ,—много ли сдѣлалъ, пусть Богъ судитъ. Поѣду на Херсонъ, Николаевъ и Кременчугъ; на Кіевъ поѣду ли, не знаю, потому что ничего вѣрнаго отъ тебя не получилъ. Тулупъ изъ смушекъ готовъ; дѣла Общины приведены, сколько можно, въ порядокъ; транспортное отдѣленіе устроено кое-какъ; раненыхъ осталось уже очень немного; донесенія, требованія, отчеты въ Штабъ и главнокомандующему почти всѣ переписаны; грязь же по колѣно; пора въ дорогу. Сегодня сильный морозъ; мы и непріятель въ полномъ бездѣйствіи; на будущей недѣлѣ, написавъ къ тебѣ послѣднее письмо, отправлюсь въ Бахчисарай для послѣдняго свиданія и послѣднихъ переговоровъ.

Дай только Богъ, чтобы ты и дѣти были у меня живы, здоровы и веселы, тогда и я живъ и веселъ. Новаго рѣшительно ничего нѣтъ, и я пишу только потому, что далъ тебѣ слово писать. Напиши сестрѣ, чтобы она оставила въ Москвѣ, въ гостинницѣ Торлецкаго, на желѣзной дорогѣ, ея адресъ, чтобы я могъ ее найти. Поцѣлуй и благослови дѣтей; цѣлуй Машу и Колю; если хочешь, то адресуй письмо также въ Москву, въ эту гостинницу, написавъ на адресѣ: оставить въ гостинницѣ до прибытія.

Прощай, мой ангелъ, будь здорова и спокойна.

Симферополь. 25 ноября.

Дорогая Саша, пишу пару строкъ, вѣдь теперь мой отъѣздъ уже недалекъ. Выѣзжаю отсюда 1 декабря и потащусь черезъ Херсонъ и Николаевъ на Екатеринославъ.

Новаго здѣсь ничего нѣтъ. На этой недѣлѣ опять нѣсколько дней бомбардировали сѣверную сторону; полки уходятъ изъ Крыма формироваться; французы выстроили себѣ деревянные бараки на зиму; драки нигдѣ нѣтъ; но что-то будетъ весною, гдѣ-то опять загорится война, ужъ не вблизи ли Петербурга. Канроберъ, пишутъ, въ Швеціи. Я поѣду передъ моимъ отъѣздомъ на нѣсколько дней въ Бахчисарай и заѣду

на сѣверную сторону Севастополя. Больше писать не буду, развѣ изъ Москвы.

Будь здорова, моя дорогая, заботься о своемъ здоровьѣ, ты моя жизнь, вѣдь ты это знаешь. Дѣтей обними, поцѣлуй и благослови. Кланяюсь всѣмъ.

Твой

Симферополь. 2 декабря.

Завтра я выѣзжаю. Былъ на прощаньи на этихъ дняхъ въ Бахчисарѣ, на Бельбекѣ и на сѣверной сторонѣ Севастополя. Смотрѣлъ на грустный, полуразрушенный и закопченый городъ. Вся сѣверная сторона изрыта бомбами, которыя непріятель бросалъ сюда, безъ всякаго, впрочемъ, вреда, цѣлый мѣсяцъ. Нѣтъ аршина земли, гдѣ не было бы огромныхъ ямъ и не лежало огромныхъ отломковъ бомбъ; теперь почти совсѣмъ не стрѣляютъ, движенія въ городѣ мало замѣтно; мы пострѣливаемъ, но, кажется, также безъ толку. Фуражъ здѣсь опять жестоко вздорожалъ; еще болѣе сахаръ; фунтъ стоитъ уже 50 коп. сер., и то не продаютъ болѣе трехъ фунтовъ. Пудъ сѣна стоитъ 1 руб. сер., да и то трудно достать; больныхъ солдатъ множество, а полушубковъ еще мало; дороги опять испортились, а лошади начинаютъ падать. Я ожидаю отъ тебя письма въ Москву по адресу, который я уже написалъ, въ

гост. Торлецкаго; напиши въ немъ, какъ ты себя чувствуешь, ради Бога береги себя и дѣтей. Я пробуду дня по 2, или по одному дню въ Херсонѣ, Николаевѣ, Харьковѣ, Екатеринославѣ и Москвѣ. Изъ Москвы, Богъ дастъ, еще напишу, чтобы тебя приготовить къ пріѣзду.

Прощай, мой ангелъ, Господь съ тобой, будь здорова, благослови и цѣлуй дѣтей.

Твой

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Пироговъ

С Вишни
1869 [illegible]

[illegible]
[illegible]

КОСТРОМСКАЯ
Областна библиотека
им. Н. К. Крупской

Мать-мачиха.

—•—

Милыя дѣти, гуляя однажды на злачномъ лугу,
Сбирая цвѣточки, рѣзвясь и играя, нарвали
Листочковъ плоскихъ, красивыхъ, широкихъ;
Землю ковромъ
Устилая, влагой ручья орошались они.
Мягки, теплы,
И бѣлымъ покрыты пушкомъ на одной сторонѣ,
Ею къ землѣ прилегали, а гладкимъ, свѣже-зеленымъ,
Прохладнымъ лицемъ смотрѣли на свѣтъ.
Дѣти, этихъ листочковъ нарвавши, къ нянѣ-старухѣ,
[крича, прибѣжали.
„Скажи ты намъ, няня, какъ эти зовутся листочки?“
„Мать-мачихой, дѣтки, эти въ народѣ зовутся листки.
„Вотъ ихъ сторона лицевая, гладка, свѣжа и какъ ледъ
„Холодна, хоть и красное солнышко грѣетъ ее.
„Вотъ ихъ исподъ: теплый, пушистый и мягкій,
„Хоть и къ землѣ онъ приникъ, и божьяго свѣта
„Не видитъ. Холодная мачиха, — то ихъ сторона
[лицевая.

„Теплая мать,—нѣтъ ужъ которой на свѣтѣ —
„То ихъ исподъ". Такъ няня дѣтямъ толковала.
Тихо вздохнула она, и влагой слезы морщины лица
Орошились. „О чемъ, няня, ты плачешь?—не плачь!
„А то мы заплачемъ и сами". —
И няня слезу,
Отвернувшись, утерла. „*Мать-мачиха*"—
Дѣти, шутя и рѣзвясь,
Няни слова лепетали. *Мать* имъ незнакома была;
О мачихѣ они не слыхали.—„Скоро ли папа пріѣдетъ?
„Какого гостинца онъ намъ привезетъ?"
Домой воротясь, нѣсколько разъ повторяли.
Папа пріѣхалъ. И дѣти съ радостнымъ крикомъ
На встрѣчу къ нему побѣжали. Все, что̀, гуляя,
[нашли —
Ему показали: „Вотъ, папа, смотри-ка, сколько цвѣтовъ
„Мы набрали. Вотъ незабудочка, вотъ одуванчикъ,
„Вотъ львиная-пасть. А эти листки, вотъ,—знаешь ли
„Какъ ихъ зовутъ? — *Мать-мачихой* ихъ называютъ,
„Намъ няня сказала: — Что̀ это *мачиха*?
Отъ чего-жъ холодна
„Такъ бываетъ она?"—И листочекъ они, къ румянымъ
Щекамъ то той, то другой стороной приложивши,
„Посмотри-ка холодно здѣсь, а здѣсь какъ тепло!"
Смѣясь и шутя, говорили, отца самого испытать
[заставляя.
Мать-мачихи листьями
Веселыя дѣти играли!
Взяло раздумье отца.
Въ немъ грустную думу
Лепетанье дѣтей поселило. „Матерью теплой

„(Про себя онъ мечталъ), бѣдныя дѣти, васъ Богъ
„Не утѣшилъ. Младшій изъ васъ въ колыбели не-
[дѣльной крошкой
„Остался. Старшій „мама“ ужъ лепеталъ, но забылъ
„Это сладкое слово. Онъ забылъ, какъ ручонками
„Бѣлую грудь обхвативъ, какъ пчелка, устами
„Прильнувъ, всасывалъ теплую жизнь съ молокомъ.
„Лепечете, рѣзвитесь вы, беззаботно на свѣтъ
„Озираясь. *Бабушка, папа и тетя* вамъ сладкое
„*Мама* теперь замѣнили. Но замѣнитъ ли то,
„Чѣмъ ваша мать для васъ быть бы могла.
„Умъ матери свѣтлый и чувствомъ согрѣтый
„На поприще жизни васъ не выводитъ.
А мачихой
„Мать замѣнить!... думалъ я, думалъ объ этомъ.
„Горькую правду скрывалъ я отъ васъ;
Вы даже
„Мачихи слова не знали. И вдругъ вамъ мать-мачихи
„Листикъ и старая няня болтушка
„Открыли, что̀ бережно такъ я таилъ...
„Не Божій ли перстъ различіе грустное вамъ
„Показалъ? Не Высшая ль Воля мать вторую
„Искать, для васъ мачихой мать замѣнить
„Мнѣ теперь запрещаетъ?“ Такъ думалъ отецъ
И грустно, и тяжко заноело сердце.—
Мать-мачихи листикъ
Въ рукахъ онъ держалъ пригорюнясь. И въ листикѣ
[этомъ
Судьбы приговоръ прочитать онъ хотѣлъ.
Крупныя слезы
Струей покатились, и теплая влага очей сторону

Лицевую листка отогрѣла. — Слезы увидѣвъ отца,
Дѣти къ нему подбѣжали, шуткой невинной
Его развлекая, вырвали листикъ изъ рукъ.
„Папа, нашъ папа, смотри что̀ случилось!
„Мачиха стала тепла. Матери стала теплѣй.
„Самъ посмотри, листикъ къ щекѣ приложивши!“
„О, дѣти! подумалъ отецъ, если бы слезы мои,
„О вашей судьбѣ пролитыя, горячею къ вамъ
„Согрѣты любовью мачиху въ мать превратили,
„Сердце чужое дѣтской любовью согрѣвши!“
Нѣсколько лѣтъ миновало. Дѣти гуляли
[на томъ же лугу,
Сбирали цвѣточки, рѣзвились, играли.
Мать-мачихи листья
Такъ же, какъ прежде, зеленымъ ковромъ
Разстилались, влагой ручья орошаясь,
Но ужъ не къ нянѣ,
Этихъ листочковъ нарвавши, дѣти, крича и смѣясь,
Побѣжали. „Мама! кричали они: мать-мачиху вотъ.
„Мы нашли! Посмотри, какъ одна сторона
„Холодна, какъ тепла и мягка и пушиста другая.
„Посмотри, вотъ листокъ, приложи-ка къ щекѣ,
„Ты сама испытаешь: холодная—мачиха, теплая—*мать*,
„Такъ нянюшка намъ когда-то сказала.
„А знаешь ли?
„Папа холодную мачиху намъ отогрѣлъ своими
[слезами“.
Съ улыбкой привѣтной, съ слезой на ланитѣ,
Съ участьемъ сердечнымъ мать-мачихи листикъ
Мама взяла и къ теплой щекѣ приложила.
„Милыя дѣти,

Сказала она, смотрите, я вамъ какъ папа
„Холодную мачиху, къ себѣ приложивъ, собой отогрѣю.
„Возьмите вотъ этотъ листочекъ, его сохраните;
„Какъ будете старше, увидите сами, сдержу ли
„Я слово. Я Богу и папѣ и вамъ обѣщалась
„Священный обѣтъ сохранить. Не для счастья
„Земного, и не для веселья меня папа избралъ,
„Не для счастья земного, не для суетной жизни
„Жить я Богу клялась.
„Васъ наставить, малютки, васъ любить и добру
„Научать, душой папу любить и съ участьемъ
„Сердечнымъ и горе, и счастье, и трудъ, и заботу
„Все вмѣстѣ дѣлить обѣщалась я Богу, и Богъ
„Всемогущій мнѣ силу подаетъ. Отецъ нашъ небесный
„Въ сердцахъ все читаетъ. Всевѣдущій видитъ
„Чиста ль моя совѣсть, готово ли сердце для вашего
[блага,
„Блага земныя, счастье мірское, житейскія страсти,
„Шумъ и забавы, корысть и волненье—все въ жертву
[принесть.
„На трудное поприще твердой ногой я вступила,
„Голосомъ твердымъ
„Страхъ отогнавши, Волею Высшей влекома,
„*Да, я готова* — Богу и мужу сказала, и свято
„Обѣтъ мой до жизни конца сохраню.
„Жертвовать
„Жизнью мнѣ сладко, когда тотъ, кто мнѣ милъ,
„Вашу участь такъ откровенно, безъ страха,
„Спокойно и съ твердой надеждой мнѣ поручилъ.
„Когда онъ, незнакомый, полжизни боровшись,
„Испытанный горемъ, тревожнымъ сомнѣньемъ,

„Надеждой оставленъ, мнѣ руку свою приложилъ,
„Родительскій домъ покидая, я не тревожилась
„Страхомъ. Еще молода и неопытна въ жизни,
„Я не искала забавъ и утѣхъ. Жизнь эту
„Земную тяжкой юдолью заботъ и трудовъ
„Я считала, однимъ лишь преддверьемъ, чтобы жизни
„Достигнуть другой. — Съ упованьемъ и вѣрой
„Я Богу молилась, просила, чтобъ волю и твердость

„[illegible] вашей порукой. Выросши, мнѣ его возвра-
[тите. —
„На, мама, *мать-мачихи* листикъ возьми, скажете вы.
„Онъ твой, ты его переродила. Лицевую, холодную
„Мачихи сторону ты въ теплую, мягкую
„Пушистую мать превратила,
„Изъ мать-мачихи сдѣлала намъ ты *мачиху-мать*".

1850 г. Февраля 26.

О, лейтесь слезы вдохновенья
И облегчите грудь мою.
Душа, лети во храмъ безсмертья
И Волю Высшую моли.
Не о земномъ молися счастьи!
Земное счастье мнѣ ничто!
Я испыталъ его превратность,
Мнѣ не завидна жизнь земли.
Не для нея хочу бороться,
Не для нея хочу здѣсь жить.
Мнѣ жизни поприще открыто,
Чтобъ совершить одинъ лишь долгъ,
Чтобъ зло и тѣло побѣдивши
Въ Эдемъ безсмертія вступить,
Готовъ себя принесть на жертву,
Предвѣчный видитъ это самъ.
Не для себя мнѣ жизнь досталась!..
Но слышу Воли Высшей гласъ:
„Любовью дѣтской возрожденный
„Пѣщи ихъ сердце вдохновеньемъ,
„Ихъ душу вѣрой осѣнить.
„За ту, которая рѣшилась

„Съ тобою участь раздѣлять,
„Борися, жертвуй съ наслажденьемъ,
„Молися, бодрствуй, уповай!“
И Высшей Волѣ повинуясь,
Молю ее подать мнѣ силы
Окончить поприще земли,
И вздохъ послѣдній испуская,
Изъ праха духомъ уносясь,
На сердце руку положивши,
„*Готовъ я*“ твердо произнесть.

Посвящается А. Ѣ.

—•—

Быть счастливымъ счастьемъ другихъ —
Вотъ настоящее счастье, вотъ жизни земной [идеалъ!
Любовью къ ближнему чистой, глубокой, про- [никнутъ быть долженъ,
Кто счастья земного въ счастьи ищетъ другихъ.
Но можно-ль всѣхъ ближнихъ любить безъ изъятья,
Безъ цѣли, иль съ цѣлью одной — чтобъ [любить?
О! еслибъ всѣ люди къ одному идеалу стремились
И мыслью одной проникнуты были —
Мыслію: *счастья въ счастьи другою искать*;
Тогда бы любить и любови дѣла совершать
Было не трудно. Теперь же, любя одного и счастья [желая однимъ,
Мы счастье другого нарушить должны.
Мы видимъ, есть люди на свѣтѣ, которые счастье [свое
На бѣдахъ и несчастьи зиждутъ другого.

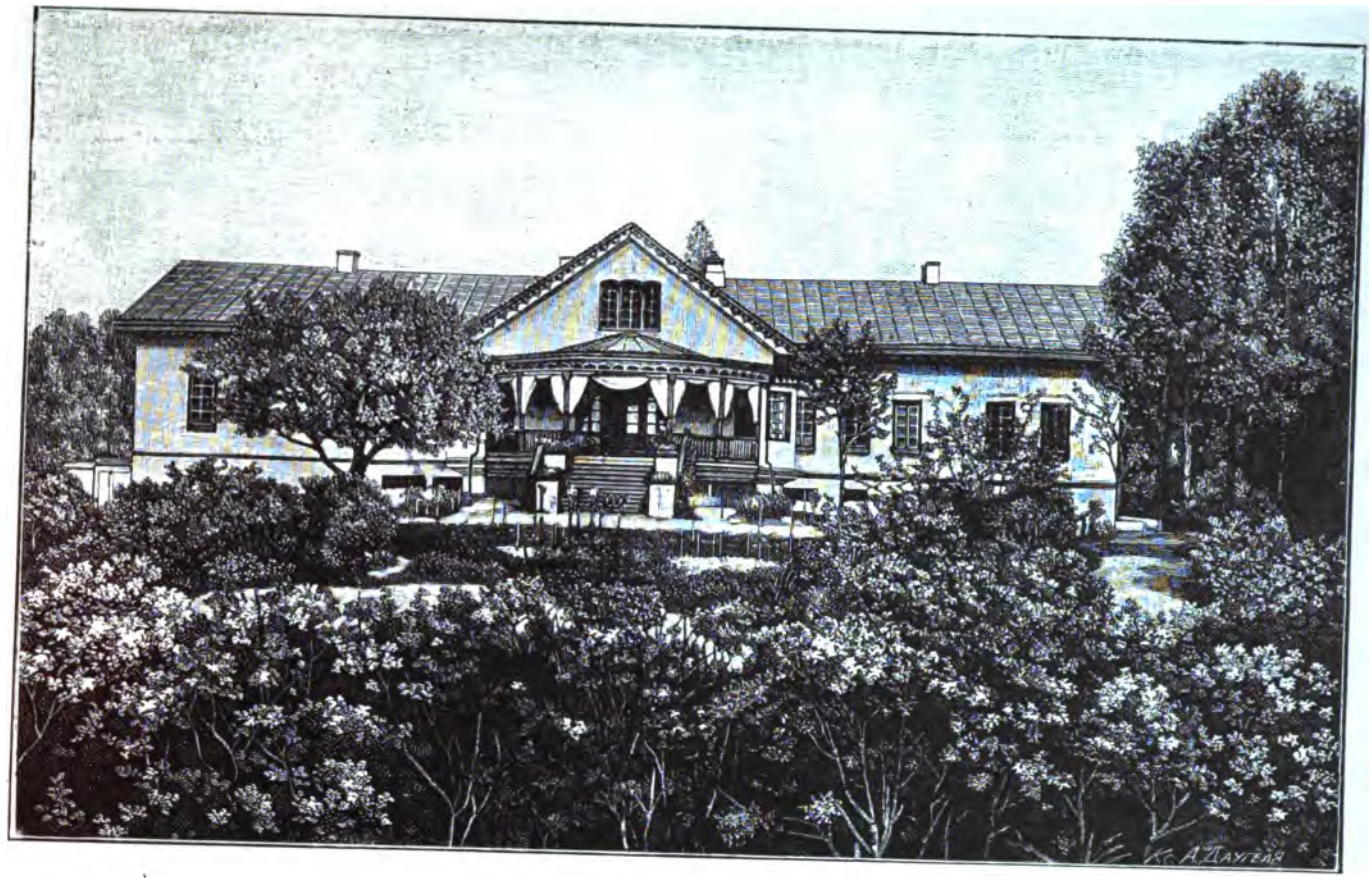
Можно ль же счастья желать имъ? Можно ль любить,
Любя и того, кому они горе и бѣды готовятъ?
Мщенье изъ сердца изгнавъ, возможно еще
Евангельской правды ревнителемъ стать, и
[возможно
Врага своего полюбить и добро ненавидящимъ
[сдѣлать,
Но можно ли, должно ли ближнихъ врага
[намъ любить?
Нѣтъ! Въ мірѣ страстей и превратностей жизнь
[провождая,
Заповѣдное слово: „ближнихъ люби"—
Вотъ понимать какъ должны мы! Въ злодѣѣ и
[добромъ
Идеалъ человѣка должны мы любить,
Творческій, зиждущій духъ — въ немъ проявлёнъ
[идеалъ.
Сына земли идеалъ, — добръ ли иль золъ
[человѣкъ,—
Есть *Высшая мысль*, есть *Высшая Воля*.
Передъ этою волей и мыслью благоговѣя,
Даромъ Небеснымъ считая ее,
Нашей землѣ Подателемъ Благъ ниспослàн-
[нымъ,
Идеалъ человѣка чтить мы должны и любить. Въ
[добромъ
Онъ проявляется мощно,
Вопли страстей и слабостей плоти торжественнымъ
Гласомъ побѣды умолкнуть заставивъ.
Въ злодѣѣ же, дрязгомъ нечистымъ заваленъ
Въ омутѣ сердца—скрытый таится.

Искреннимъ сердца желаньемъ, злодѣя
На истинный путь обратить, этимъ желаніемъ
[блага,
Вотъ чѣмъ покажемъ мы нашу любовь
Къ тому идеалу, вотъ чѣмъ почтимъ мы
И верховную мысль, и Верховную Волю, которой
[въ немъ проявиться было угодно.
Ненавидѣть мы никого не должны,
О злодѣѣ должны сожалѣть и молиться.
Итакъ, мы счастья и блага—и злому
Должны мы желать;—но какого? Не блага того,
Что̀ онъ самъ за благо и счастье считаетъ,
Прельщенный влеченіемъ сердца ко злу.
Пожелаемъ ему, чтобъ и онъ къ тому жъ идеалу
Стремился быть счастливымъ счастьемъ дру-
[гихъ,
И если не въ силахъ его мы исправить,—
Докажемъ дѣлами,
Что любимъ и чтимъ идеалъ человѣка въ злодѣѣ;
Утѣшимъ его, поможемъ ему, когда онъ страдаетъ,
Участьемъ согрѣемъ холодное сердце,
Любовью коснемся изсохшей души. Спаситель
Намъ въ притчѣ о сынѣ заблудшемъ повѣдалъ:
„Заблудшихъ пріемлетъ Небесный Отецъ,
Онъ къ нимъ милосерднѣй, чѣмъ къ дѣтямъ
[любимымъ“.
Когда же и злому, чужой ли онъ, свой ли, должны мы
Благое желать, объ истинномъ счастьи забо-
[тясь его,
Чего жъ не должны предпринять мы, чтобъ счастье
Упрочить *своихъ, намъ родныхъ по душѣ,*

Сочувствіемъ связанныхъ съ нами, намъ близкихъ,
[родныхъ,
И *ищущихъ счастье въ счастьи другихъ?*
Имъ—не только дѣла, нѣтъ! не только желанья,—
Имъ *улыбка*, *слеза*, имъ *пожатье руки* и *сорвтое*
[*чувствомъ лобзанье!*
Да, дѣлами и блага желаньемъ *исполняемъ мы долгъ*
И священный завѣтъ, не сочувствуя сердцемъ
Къ душамъ, охладѣвшимъ для высшаго блага,
Или и вовсе незнакомыхъ ему. Мы исполняемъ
[лишь только,
Что велѣно намъ Учителемъ правды.
Но, улыбка въ устахъ, слеза на рѣсницѣ,
[поцѣлуй огневой
И пожатье руки неизмѣнной,—то только для тѣхъ
И для *той*, кто съ нами стремится не къ
[жизни земной!
О, еслибъ *сомнѣнье* и *опыта голосъ*, и *жизни превратность*,
Желаньямъ души *не мѣшали*, *ее не тревожили бъ*
Шепотомъ грустнымъ–къ цѣли единой стремиться,–
Счастія въ счастьи другого искать,—
Счастье прямое нашелъ бы въ стремленьи
На этомъ пути, и жизни закатъ ожидая,
Радостно, тихо, съ улыбкой привѣтной,
На прошлую жизнь озираясь,
Жизнь бы земную окончилъ словами:
„Жилъ для счастья другихъ и подруги,
Счастливой сдѣлалъ подругу мою!“

ПРИЛОЖЕНІЯ.

КОСТРОМСКАЯ
Областна библиотека
им. Н. К. Крупской



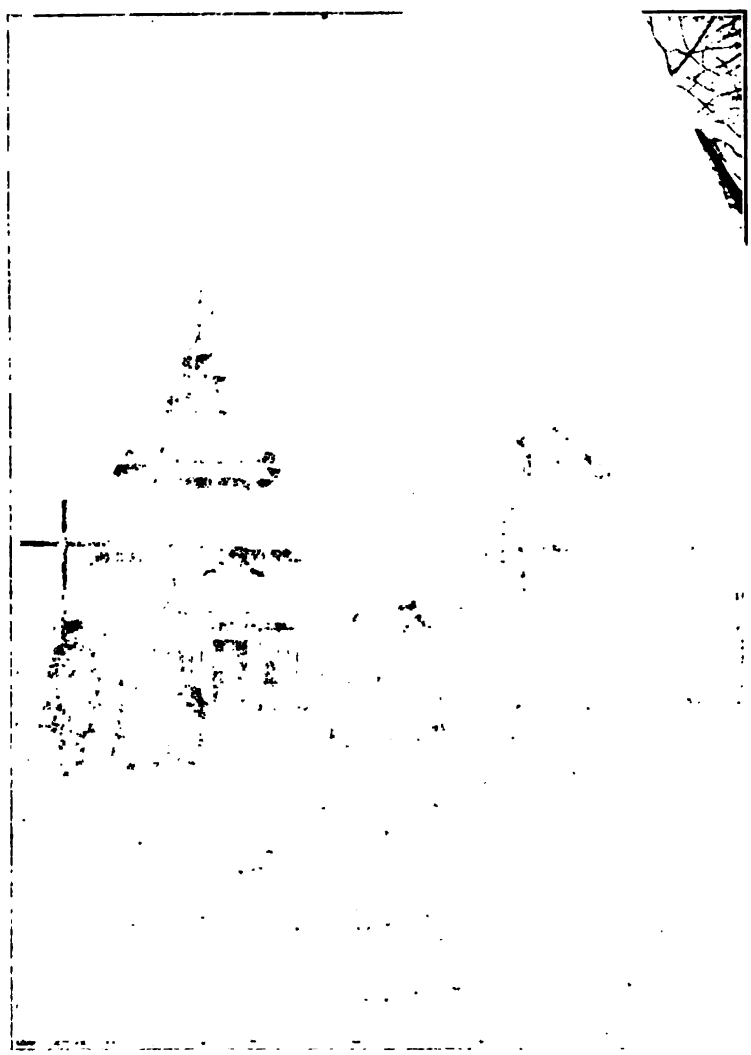
Домъ, въ которомъ жилъ Н. И. Пироговъ.

Комната, гдѣ скончался Н. И. Пироговъ.

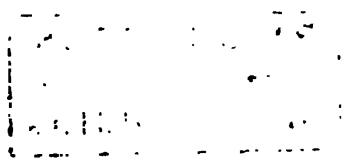
КОСТРОМСКАЯ
Областная библиотека
им. Н. К. Крупской

Н. И. Пироговъ на смертномъ одрѣ.

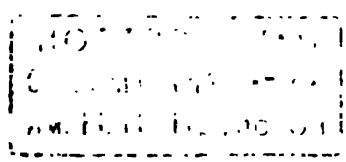
КОСТРОМСКАЯ
Областная библиотека
им. Н. К. Крупской



Старая деревенская церковь, въ ко[illegible]
Н. И. Пирогова до перенесе[illegible]

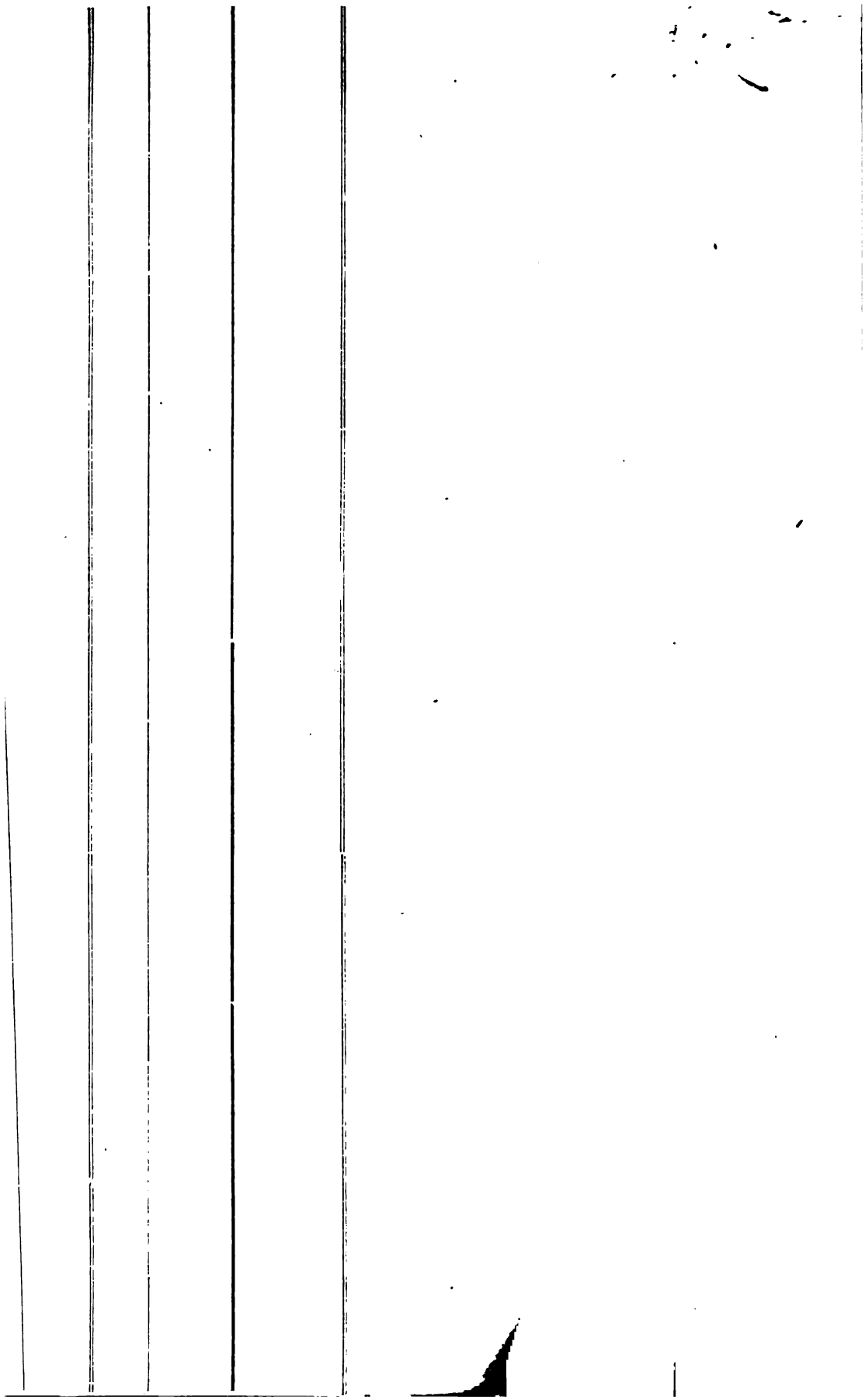


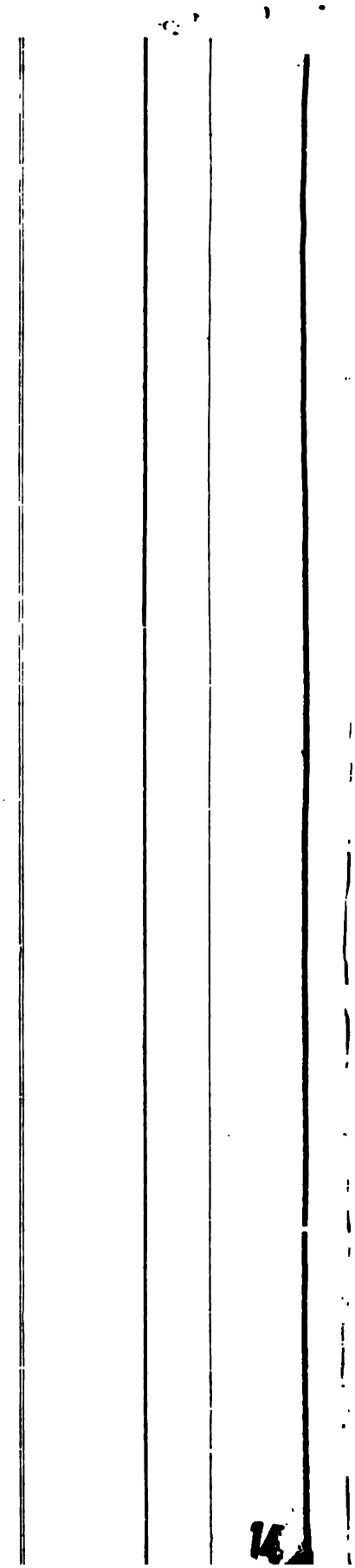
Старая деревенская церковь, въ которой находился прахъ Н. И. Пирогова до перенесенія его въ склепъ.



Церковь надъ склепомъ.

КОСТРОМСКАЯ
Областная библиотека
им. Н. К. Крупской





R
534
P5A32

R 534 .P5 A32
Sevastopolskiia pisma, 1854-18
Stanford University Libraries
3 6105 041 632 659

CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6063
(650) 723-1493
grncirc@stanford.edu

All books are subject to recall.

DATE DUE

JUN 1 2005
APR 30 2005

Цѣна 2 р. 50 к.

25-

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ типографіи М. М. Стасюлевича.
С.-Петербургъ, Вас. Остр., 5 л., 28.